

НПО «Издательство «Наука» РАН

Редакция журнала «Славяноведение»

119334, Москва, Ленинский просп., 32А

тел. (495) 955-1000
e-mail: slav@vopros.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

2007

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2007

МАРТ •

АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

- Никифоров К.В. (Москва). К 60-летию Института славяноведения РАН: В.К. Волков о перспективах развития славистики 3

* * *

- Сендерович С.Я. (Итака, США). К истории восточнославянского имени Владимир 9
Досталь М.Ю. (Москва). Славистика: между пролетарским интернационализмом и славянской идеей (1941–1948) 17

СООБЩЕНИЯ

- Усачев А.С. (Москва). Об одном эпизоде из истории русско-болгарских культурных связей эпохи Средневековья 32

ПУБЛИКАЦИИ

- Горизонтов Л.Е. (Москва). Институт славяноведения АН СССР: первые годы (по новым источникам) 36
Венедиктов Г.К. (Москва). Материалы к советско-болгарской дискуссии по некоторым вопросам современной палеославистики 58

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Живов В.М. М.В. Корогодина. Исповедь в России в XIV–XIX веках. Исследование и тексты 95
Клепикова Г.П. J. Siatkowski. Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym 103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Толстая С.М.</i> Толстовские чтения в Институте славяноведения	110
<i>Акимова О.А.</i> 25 лет конференций “Славяне и их соседи”	119

ЮБИЛЕИ

<i>Молошная Т.Н.</i> К юбилею Евгении Ивановны Деминой	125
<i>Мокиенко В.М.</i> К юбилею Галины Алексеевны Лилич.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (и.о. главного редактора),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2007 г. К. В. НИКИФОРОВ

К 60-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН: В.К. ВОЛКОВ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СЛАВИСТИКИ

Институту славяноведения РАН исполнилось 60 лет. Казалось, совсем недавно отмечался его полувековой юбилей, и вот – снова круглая дата.

Прошедшее десятилетие (1996–2006 гг.) в истории Института было достаточно успешным. Он выстоял и в целом адаптировался к новым условиям. Да и сами эти условия стали понемногу меняться.

Пик распада существовавшей системы и трансформационного кризиса пришелся на предыдущий период, на конец 1980–первую половину 1990-х годов. Затем началось некоторое улучшение, приведшее к “стабилизации”. То, что и в науке стало несколько лучше, хорошо видно даже при сравнении внешнего вида печатной продукции, выходявшей в начале и конце 1990-х годов.

Конечно, трудности остались, но они, по крайней мере, выглядят более предсказуемыми. В то же время зарекаться нельзя. Стабильность достигнута на самом низком уровне, после затяжного падения.

В истории Института славяноведения РАН десятилетие, прошедшее после полувекowego юбилея, связано еще с одним событием. В самом конце 2004 г. произошла смена дирекции Института, свой пост покинул его многолетний директор В.К. Волков. В этом частном случае к объективным адаптационным трудностям добавились еще и субъективные. Но и их, на наш взгляд, Институт достаточно успешно решает.

Горько сознавать, что Владимира Константиновича уже нет с нами. И отмечаемый юбилей – еще один хороший повод вспомнить и его самого, и его научное наследие, особенно те его размышления, которые касаются перспектив развития отечественной славистики и Института славяноведения РАН как ее признанного центра.

В.К. Волков много думал об этом, не мог не думать, поскольку Институт был его вторым домом, где он провел почти полвека или две трети жизни, прошел все ступени служебной лестницы, в течение 17 лет был директором, стал известным ученым, членом-корреспондентом РАН. И именно на посту директора Института Волков всерьез занялся общеславистическими проблемами, много писал и выступал на эту тему. Славистическая составляющая его деятельности помогает во многом понять весь масштаб этой незаурядной и яркой

личности. Можно сказать, что это был крупнейший историк-славист нашего времени.

Но и страноведение он не оставлял. В сфере его интересов оказались все славяне без исключения – и южные, и западные, и восточные. Недаром именно он создал в Институте славяноведения Отдел восточного славянства.

Этот отдел, по его замыслам, должен был прежде всего “принять участие в разработке проблем этногенеза украинцев и белорусов, отдельных вопросов их культурного и исторического развития, особенно в период существования Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, их связей с другими славянскими народами, в первую очередь с русскими” [1. С. 293]. Другим направлением деятельности этого отдела стала история украинцев и белорусов и территорий, на которых они проживали, в Новое время и особенно в XX в. Но, разумеется, удельный вес украинистики и белорусистики в исследованиях Института должен возрасти.

Еще одна характерная черта В.К. Волкова: его интересовал не ограниченный отрезок времени, а целые исторические эпохи и особенно оказавшийся таким трагическим XX век. Он был, в частности, инициатором серии трудов – “Очерки истории славянских стран в XX веке” (по его словам, серии “третьего поколения”, учитывая созданные в Институте в конце 1950-х – начале 1960-х годов двух-, трехтомные труды по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и их краткие однотомные истории в конце 1980-х годов) [1. С. 292]. Эта задача успешно реализуется. Уже вышли в свет книги, посвященные истории Болгарии [2] и Чехословакии в XX в. [3], пишется история Югославии, с 2007 г. начата работа по написанию истории Польши. Замышлял Волков и коллективный труд по истории кризисов в социалистическом лагере – таких, как выход из этого лагеря Югославии в 1948 г., польские и венгерские события 1956 г., “Пражская весна” 1968 г., польские события 1980 г. (см. [1. С. 292–293]). Эта интересная и плодотворная идея еще ждет своего воплощения.

Из современных историков-славистов, пожалуй, только Волков отличался таким широким хронологическим подходом, причем ко всему славянскому миру практически во всех его проявлениях. Более того, как хорошо сказал о нем один из его учеников Н.Н. Станков, “он раздвинул горизонты исследований славянского мира”. И это действительно так. В.К. Волков напоминает своей славяноведческой эрудицией скорее дореволюционных славистов. Причем, будучи еще и прекрасным специалистом-международником, он всегда вписывал свои славистические исследования в широкий контекст политики крупных мировых держав – России (СССР), США, Германии. Во времена узкой специализации это было редким явлением. Волков считал, что заниматься всеми этими проблемами насуточно необходимо, так как на протяжении всего XX в. славянские народы неизменно находились в эпицентре исторических событий и играли роль, намного превосходящую их реальный удельный вес и в мировом народонаселении, и в мировой экономике [4. С. 297].

Сочетание страноведческого подхода и общеславистического, узкой и широкой специализации не только отражает прошлое славяноведения, но и в какой-то степени предопределяет его будущее. Прошли те времена, когда позволительной была такая роскошь, как узкая специализация. На нее просто не хватает кадров. Приведем лишь один пример: в начале 1992 г. в Институте славяноведения РАН было около 250 сотрудников, сегодня их уже немногим больше 170, и сокращение продолжается. Предмет же изучения расширился. Достаточно упо-

мянуть, что появилось шесть государств на территории бывшей Югославии, разделилась Чехословакия, стали независимыми Украина и Белоруссия. Другого выхода нет, как расширять специализацию и создавать в рамках академических институтов научные центры и временные мобильные научные группы по конкретным проблемам. По-видимому, только так можно ликвидировать неизбежный кадровый дефицит.

Став директором Института славяноведения РАН (тогда – Института славяноведения и балканистики АН СССР), В.К. Волков ощутил груз ответственности за судьбу всей отечественной славистики и долгие годы успешно справлялся с этой тяжелой ношей. Особенно ярко это проявилось в первой половине 1990-х годов. В это время Институт оказался на грани закрытия. Самая большая славянская страна могла лишиться своего главного научного славистического центра. Многие тогда встали на его защиту. Но главная заслуга в сохранении Института принадлежит В.К. Волкову. Он, как никто другой, понимал, что Институт славяноведения РАН – уникальное явление в мировой славистике, что только в нем создан “сплошной фронт славяноведения” [1. С. 281].

Стоит напомнить, что в конце 1960-х – начале 1970-х годов Институт славяноведения хотели переименовать в Институт истории и истории культуры европейских социалистических стран. К чему бы это привело после краха европейского социализма, нетрудно догадаться.

К сожалению, задача сохранения Института славяноведения РАН не потеряла своей актуальности. Она вмещает в себя и стремление не растерять его лучших традиций, атмосферы демократичности, доброжелательности, толерантности. Огромную лепту в создание и поддержание такой атмосферы внес Волков.

Он неоднократно и на всех уровнях защищал комплексный подход к славистике. Без этого невозможно существование не только Института, но и самого славяноведения. Сегодня, по-видимому, пора переходить от порою механического соединения разных дисциплин к их сплаву, взаимопроникновению. Как это можно сделать, хорошо показали, например, проведенные в Институте славяноведения конференции, посвященные отражению мировых войн в литературе и культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

В последние годы В.К. Волковым также неоднократно проводилась мысль об “интегральной модели” российского славяноведения, которая бы охватывала все славянские народы, включая, естественно, и русских, составляющих половину всех славян. Он ставил перед отечественной славистикой задачу найти собственный ракурс изучения этих проблем, особенно русистики, чтобы не дублировать работу других исследователей и научных учреждений (см., например, [1. С. 288–289; 2. С. 298]).

И действительно, хотим мы этого или нет, но Институт славяноведения РАН ответственен за изучение всего славянства. Исключать из него Россию, русских – не оправдано, особенно когда речь идет о культуре. Культура всех славянских народов, включая Россию, является единым пространством. Проблемы российской культуры, истории, литературы, языка должны органически сочетаться с проблемами славистики.

Сегодня даже формально в сферу интересов Института славяноведения попадают русские, после 1991 г. компактно проживающие за пределами современной России – в Латвии, Эстонии, в Приднестровье, Казахстане. Они ведь теперь тоже зарубежные славяне. Большие русские диаспоры образовались также в некоторых странах традиционного зарубежья. Явление это для славистики но-

вое, и оно потребует своего подхода. В какой-то степени найти его может помочь опыт изучения проблем первой волны российской эмиграции в балканских и центральноевропейских странах.

Перспективы развития академического славяноведения немислимы без общественной поддержки и связей с высшей школой. В.К. Волков был одним из зачинателей и высоко ценил возникшую в России традицию ежегодного празднования Дня славянской письменности и культуры. Интересным явлением считал и создание Славянских университетов в ряде стран, в которых готовят молодых специалистов не только по классических славистических дисциплинам, но и по экономике, юриспруденции, менеджменту и т.д. (см. [2. С. 312]).

Институт славяноведения РАН традиционно тесно сотрудничает со славистическими кафедрами исторического и филологического факультетов МГУ. Именно они изначально были и остаются базовыми для пополнения Института новыми кадрами. Однако это сотрудничество требует углубления. Необходимо выстраивание некоей системы, взаимное согласование планов. Университетские кафедры должны предусматривать подготовку именно таких специалистов, которые нужны Институту, а он, в свою очередь, должен активнее помогать готовить нужных ему специалистов, отслеживать талантливых студентов с момента их прихода на славистические кафедры.

Сегодня сотрудничество с высшей школой включает тесные контакты Института славяноведения и с другими вузами. Десятки его сотрудников, кроме МГУ, преподают в МГИМО, РГГУ, Государственной академии славянской культуры, ГУГН и др. На повестке дня стоит задача организационного оформления этой деятельности, создания собственных образовательных межфакультетских центров, в частности в МГУ и ГУГН.

Проблема подготовки кадров для Института – чрезвычайно острая. Бережное отношение к опытным специалистам, людям, много сделавшим в науке, должно сочетаться с курсом на приход в Институт молодежи. К сожалению, этому препятствует идущее полным ходом сокращение кадров в академических учреждениях. Застой в пополнении молодыми кадрами может обернуться в будущем невосполнимыми потерями. Ведь, чтобы из аспиранта получился специалист высшей квалификации нужно примерно 15 лет.

Отдельный вопрос – вузовские учебники. Сотрудники Института почти всегда участвуют в их написании. Но, возможно, стоит попробовать написать вузовский учебник полностью на базе Института славяноведения. Пример подобной деятельности в Российской академии наук есть, в частности, написанием учебников плодотворно занимается Институт российской истории. Причем, такой учебник мог бы отражать весь комплексный характер славистических исследований.

Кстати, на первом Всероссийском совещании славистов сотрудникам Института славяноведения РАН было рекомендовано активнее участвовать в написании учебных пособий и научно-популярных изданий для студентов и массового читателя. Что, как представляется, абсолютно правильно. Необходимо сочетать все более дробную специализацию при монографических исследованиях с умением писать “широкими мазками” на разные темы и просто, понятно для широкого читателя.

Ответственность за судьбу российского и даже мирового славяноведения сочеталась у Волкова с беспокойством за судьбу самих славянских народов¹. Ученый указывал на три “тектонических сдвига” в славянском мире в прошедшем столетии – Первая и Вторая мировые войны, а также события 1989–1991 гг. Изучением влияния всех этих факторов он активно занимался.

Так, нынешнее состояние славянского мира Волков определял термином “энтропия”, означая в данном случае факт разбегания славян по “национальным квартирам”. Он с сожалением отмечал многие негативные явления, в том числе и русофобию, ставил перед славяноведением задачу изучения этого феномена, а также этнических стереотипов взаимного восприятия славянских и соседних им народов (см. [2. С. 299–304]). Последняя проблема активно изучается в Институте славяноведения РАН, и тем самым развивается новое научное направление – имагология или имиджология (см., например: [6]).

Нынешние тенденции развития славянских государств, предупреждал Волков, “могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся перед угрозой потерей национальной самобытности”. Их задача – “пройти эпоху модернизации без утраты национального лица” [2. С. 311–312]. Эта задача, как говорится, на все времена.

Волков завещал следующим поколениям славистов ответить на вопрос – существует ли на сегодняшний день некий славянский культурно-исторический тип (который обычно именуется цивилизацией или субцивилизацией), пусть даже неосознанный или отрицаемый? И если есть, то каково его место в рамках европейской цивилизации? Ученый полагал, что есть, и ставил вопрос о взаимоотношении процессов модернизации и развития национальных славянских культур [2. С. 310–311]. Речь фактически идет о взаимоотношении двух самых популярных на сегодняшний день теорий, раскрывающих суть макроисторических процессов, – теории модернизации и цивилизационной теории.

Всеми этими проблемами Институт славяноведения РАН активно занимается. Упомянем, например, серию трудов “Человек на Балканах” [7]. Есть интересные замыслы проследить три волны догоняющей модернизации в славянских и соседних с ними странах на протяжении всего XX ст.: имитирующая, альтернативная и вновь имитирующая.

Историко-культурные и конфессиональные проблемы также всегда привлекали внимание ученых Института славяноведения – от медиевистов до изучающих современные проблемы. И здесь, конечно, открывается большое поле для деятельности не только историков, но и филологов, культурологов. Имеются в виду не только культура как главная составляющая цивилизационной теории, но и, например, проблемы истории и теории культуры. Сейчас теоретические проблемы истории культуры, универсальные категории культуры – во всем мире стали крайне актуальными. И Институт славяноведения не может оставаться в стороне. Конечно, необходимо изучать и традиционную для Института тему международных культурных связей.

В.К. Волков был сторонником написания в Институте славяноведения РАН многотомной истории славянской культуры, то есть выполнения той задачи, которая возлагалась когда-то на ученых всего славянского мира. Как известно,

¹ Работы В.К. Волкова, посвященные современному состоянию славяноведения и славянского мира, были перепечатаны недавно в сборнике “Славянский мир: проблемы истории и современность” ([5]).

эта задача так и не была выполнена, и только Институт славяноведения РАН написал свою часть намеченной серии – “Очерков истории культуры славян”, охватившую период до XIII в. включительно (см.: [8]). Частично похожий, но более скромный проект реализуется сейчас в Государственной академии славянской культуры, где во многом силами сотрудников Института славяноведения опубликованы два из задуманных трех томов “Истории культур славянских народов” [9].

Волков предполагал, что культурологическая составляющая в славистике будет возрастать, а сотрудничество славянских народов в культурной области окажется выгодным для всех, особенно для малочисленных народов (см. [2. С. 313]). Поэтому, считал он, преждевременно сбрасывать со счетов идеи “славянской взаимности”, относить их к романтическому периоду развития. Ученый прогнозировал возрождение этих идей, но, разумеется, в новых формах. Он считал, что проблема славянской взаимности для каждой исторической эпохи имеет свое содержание. И для посткоммунистической эпохи она все более заметно приобретает культурно-цивилизационный характер [2. С. 310–312].

Известно, что славистика зародилась 200 лет назад как филологическая дисциплина. После разгрома в 20–30-е годы прошлого века она возродилась уже как преимущественно историческая дисциплина. Таковой славистика оставалась весь послевоенный период вплоть до последнего времени. Персональным воплощением исторической славистики последних десятилетий и стал, на наш взгляд, Владимир Константинович Волков. Начавшийся новый период развития славистики вполне может отдать пальму первенства культурологии. По крайней мере, увеличение в славяноведении удельного веса культурологических дисциплин прогнозировали, кроме В.К.Волкова, и некоторые другие исследователи.

Но главный завет ученого в ином. В своей деятельности он всегда руководствовался формулой, выведенной еще в XIX в.: “славяноведение есть отечествоведение”, а “славянскую идею” считал составной частью национально-государственных интересов России [10. С. 360]. Этим и надо руководствоваться следующим поколениям российских славистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков В.К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
2. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.
3. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2-х книгах. М., 2005.
4. Волков В.К. Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
5. Славянский мир: проблемы истории и современность (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М., 2006.
6. Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005; Русские о Сербии и сербах / Сост., вступ., ст., закл. А.Л. Шемякин. М., 2006. Т. 1. Письма, статьи, мемуары.
7. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб, 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб, 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб, 2006.
8. Очерки истории культуры славян. М., 1996.
9. История культур славянских народов. М., 2003–2005. В 3-х тт. Т. 1. Древность и средневековье. Т. 2. От барокко к модерну.
10. Волков В.К. “Славянская идея” и русское национальное самосознание // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.

© 2007 г. С. Я. СЕНДЕРОВИЧ

К ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ИМЕНИ ВЛАДИМИР¹

Платоновский Гермоген сравнил дар платоновского Сократа толковать имена с пророческим (“Кратил”:396d). Он имел в виду (не заметив иронии своего собеседника) его искусство извлекать из имен их неявный, обычным людям недоступный смысл. Сократ уклонился от такой чести, заметив, что имена героев и людей, которые нам сохранило предание, могут нас и обмануть – неочевидное трудно. Еще интереснее то, что в поисках скрытого по ту сторону от очевидного иногда не замечают то удивительное, что лежит по эту его сторону. Иногда смыслы имен представляются общедоступными; замечательно, что и тогда их уяснение может иметь пророческую силу.

В истории имен культурная составляющая неотрывна от лингвистической. Комплекс знаний об имени включает: этимологию, транснациональные перемещения, историю орфографии, осмысления, оценки, употребления. История имени в культурной истории народа может быть показателем особенностей, не приметных иным образом. Общие правила тут неприменимы. Нередки имена, имеющие индивидуальную, своеобразную историю. Таков предмет нашего нынешнего исследования.

Владимир сегодня воспринимается во всем мире как русское имя. В рамках русского языка оно представляется прозрачным по смыслу. Между тем прозрачность эта кажущаяся; имя – заимствованное, смысл его уходит в глубину истории, претерпевая изменения в сознании народа, в рамках языка которого имя живет. Широко известен первый носитель этого имени на Руси – ее креститель, киевский великий князь, живший в конце X – начале XI в. и приобщенный к лику святых. Это имя было одним из первых славянских имен, которые стали получать варяжские князья Рюриковичи. Большая часть ближайших потомков Владимира носила имена такого же типа: Святополк, Ярополк, Ярослав, Изяслав, Судислав, Мстислав, Всеволод и т.д. Имена эти отличаются тем, что они двукоренные. Аналог известен ранее у германцев: Зигмунд, Зигфрид, Вольфганг. Владимир сопоставляется с германским Waldemar/Waldomar/Waldomer/Waldomir (древневерхненемецкое *waltan* ‘управлять, властвовать’ + *māri* ‘знаменитый, прославленный’). Ранее, чем на Руси, такие имена известны у морован,

Сендерович Савелий Яковлевич – д-р философии, профессор Корнельского университета (Итака, США).

¹ Приношу глубокую благодарность за советы В.А. Вознесенскому (С.-Петербург), А.Х. Горфункелю (Бостон), О.Б. Страховой (Бостон), А.С. Либерману (Миннеаполис) и Е.М. Шварц (Итака).

сербов и болгар как княжеские имена; хотя в летописях зарегистрированы морфологически подобные и не княжеские (напр., Остромир, Ратибор, Твердислав), они здесь не часты и исчезают, не войдя в святцы. Словом, в определенном конкретном составе может быть выделен набор собственно княжеских имен, которые лишь позднее стали общим достоянием. На Руси они поначалу функционировали в роли имен, принадлежащих роду Рюриковичей. Примечательно, что это имена языческие. При крещении первые поколения русских князей получали вторые, христианские имена, в летописи, создаваемые людьми церковными, князья вошли под языческими именами; хотя их христианские имена обычно также упоминаются, но на втором плане.

Только тогда, когда стали появляться на Руси свои святые князья, их языческие имена стали входить в святцы как имена христианские. Так, имена первых русских святых, сыновей Владимира, Бориса и Глеба, вошли в число христианских имен, несмотря на то, что у них были крестильные имена, Роман и Давид. Такова же судьба и имени Владимир, хотя его первые носители были в крещении Василиями. По крайней мере с начала XIV в. Владимир – крестильное, христианское имя – как в Северо-Восточной Руси, так и в православной традиции Юго-Западной Руси. Все это в общем известно специалистам.

Мои наблюдения касаются истории фонетики, орфографии и понимания смысла имени Владимир как они проявились в древнерусских рукописях и раннем книгопечатании – эти три фактора тесно связаны между собой. Единственная известная мне попытка разобраться в ранней истории имени Владимир – это статья киевского лингвиста В.Ю. Франчук [1. С. 261–267]. Рассмотрев свидетельства наиболее ранних рукописей: Остромирова Евангелия (1056/7), Мстиславовой грамоты (1130), надписи на кубке черниговского князя Владимира Даниловича (1151) и вплоть до Лаврентьевской и Ипатьевской летописей – Франчук пришла к выводу, что наиболее ранняя форма интересующего нас имени была полногласная, то есть восточнославянская, форма *Володимѣръ* и, следовательно, форма *Владимир* появилась только под южнославянским влиянием в XV в. Между тем давно опубликована надпись на монете, отчеканенной при жизни Владимира Святославича “Владимиръ на столѣ, а се сребро его” [2. С. 45]. Таково наиболее раннее свидетельство этого имени на Руси. Из той эпохи до нас дошло в подлинном виде немного, так что и единственное свидетельство имеет силу. Поэтому есть основания думать, что имя, которым мы заняты, появилось в форме неполногласия, Владимиръ, и было заимствовано у южных славян, где оно имело именно такую форму.

Почему имя Владимир было перенято на Руси – загадка. В болгарской истории оно знаменито, но скомпрометировано. Это имя было первым славянским в ряду имен болгарских монархов. Так назвал старшего сына царь Борис, хан и язычник, крестившийся и крестивший свою страну в 864 или 865 г. Старший сын его, родившийся в язычестве, известен под двойным именем Владимир-Расате. После 36 лет правления, в 889 г., Борис передал престол Владимиру и ушел в монастырь. Владимир, и смолоду проводивший время в охоте и пирах и не проявлявший интереса к христианству, став царем, вернулся к язычеству и стал разрушать церкви и монастыри. Это побудило Бориса выйти из монастыря, свергнуть Владимира и, ослепив его, ввергнуть в темницу. Царем он сделал одного из своих младших сыновей, Симеона, царствование которого стало одним самых славных периодов в культурной истории Болгарии. В таком сомнительном культурно-историческом ореоле видится предыстория имени Влади-

мир из сегодняшнего дня. Но мы не имеем понятия, каково было предание, с ним связанное для поколения родителей Владимира Святославича. Воспринято оно было в дохристианскую пору Руси. К этому можно добавить, что известен еще св. царь (точнее, князь) Иоанн Владимир Сербский, празднуемый в день его убиения 22 мая 1015 г. [3]. Он был младшим современником Владимира Святославича, и его имя не могло быть источником имени русского князя.

Можно указать на смежное или даже родственное имя. В славянской истории имени Владимир предшествовало имя Властимир – Владимир и Властимир могут рассматриваться как варианты одного и того же концепта. Властимиром звали сербского жупана, который вошел в историю тем, что сумел отстоять независимость сербов в войне с болгарским ханом Пресианом, предшественником царя Бориса.

Что касается возможного дославянского antecedента этого имени, то привлекает внимание король готов Valamer/Valamir (обратим внимание на вариации -mer/-mir, как бы предвосхищающие историю нашего имени), дядя знаменитого Теодориха, в середине V в. завоевавший себе королевство на территории Паннонии, населенной славянами. Это имя производится этимологами от wal ‘битва’ или, с меньшей вероятностью, от wal ‘избирать’, и в целом означает ‘Воин славный’, или ‘Избранный, Возвышенный’ [4. S. 251; 5. P. 207–211]. Фавр д’Аньве в этой связи упоминает славянское имя Владимир и истолковывает как ‘Властвующий-Со-Славой’ [5. P. 211]. Не исключено, что, войдя в славянскую историю, имя *Валамер/Валамир* трансформировалось в более понятное *Владимир*. В русских летописях встречаются очевидно переделанные на славянский лад иностранные имена, например, варяжский кн. *Синеус*, торчин *Горясер*, конох Святополка Изяславича *Сновид* Изечевич, половецкий кн. *Осень* (Асан).

Обратимся к данным русского восприятия имени Владимир. Первый его корень, *Влад*, в восточнославянском изводе своим переходом из неполногласной формы в полногласную *Волод*, сообщает о его русификации по заимствованию. Второй же корень, *-миръ*, еще интересней, как по своей орфографии, так и по значению. Перед нами как раз тот случай, когда имя, переходя из языка в язык, из культуры в культуру, из одной исторической эпохи в другую, меняет свое значение. Чтобы познакомиться с оригинальным значением, нужно обратиться к этимологическим исследованиям. А.Г. Преображенский предлагает такое значение: корень *-меръ* родствен греч. μέγας ‘великий, сильный’ (инд.-евр.: ир. *tar, mor*; гал. *taros*; ким. *tawr*) [6. С. 125]. Таким образом исконное значение имени Владимир: *Владелец Могучий* или *Владелец Славный*. Мог ли этот смысл быть еще доступен в ту пору, когда это имя попало на Русь? Сомнительно, хотя в пользу такой возможности истолковывается тот факт, что двум ранним носителям этого имени при крещении подбирается христианское имя Василий, т.е. βασιλεύς ‘повелитель, властитель, царь’). Так обстояло дело по крайней мере с Владимиром Святославичем и Владимиром Мономахом. Свидетельствует ли это в пользу знания исконного значения? Вероятнее всего, что Владимир Святославич был наречен в крещении в честь его современника византийского императора Василия II, а его правнук – в честь прадеда, что, впрочем, не опровергает полностью первой догадки, хотя и лишает ее однозначной необходимости.

Между тем популярная ре-этимологизация была иной. Попав в восточнославянский контекст, имя Владимир ассимилируется в ряду понятных значений. Речь идет о значениях корня *-миръ*. Слово *мир* с самого начала славянского

письменного периода имел два различных значения: 1) ‘мир, вселенная, κόσμος, universum’ и 2) ‘мир, покой, εἰρήνη, pax’. (Третье значение ‘община’ к истории нашего имени отношения не имеет.) В орфографии нового времени вплоть до 1918 г. эти слова четко различались в написании: *мир* в значении *покой* писалось через *и* восьмеричное, или широкое, а *мир* в значении *вселенная* писалось через *і* десятеричное. Сегодня мы не можем по смыслу различить названия “Война и миръ” у Толстого и “Война и міръ” у Маяковского, которые писали “мир” по-разному и подразумевали разные вещи. То же самое было и в начальную пору письменности: орфографических норм не было и различить *вселенную* и *покой* по написанию нельзя было. Оба слова писались через *и* восьмеричное, как это делаем мы сегодня. В составе же имени Владимир/Володимир дело значительно осложнялось тем, что этот корень попадает в безударную позицию – ударение падает на предшествующий слог – и теряет свою определенность. Вероятно в результате этого (или в результате еще ощутимой связи с древним значением?) и в летописях, и прологах корень этот в этом имени пишется с замечательным разнообразием: через *и*, через *ε* и через *ѣ*. Их можно считать равнозначными (*ѣ* как раз и употреблялось в тех случаях, когда *и* и *ε* могут появляться взамен друг друга, но, в отличие от фонологически обусловленного их чередования, в данном случае это условный знак неразличения). И все же, несмотря на это разнообразие, у нас есть свидетельства о том, как это имя понималось в раннюю эпоху на Руси.

В “Повести временных лет” в статье под 1093 г. есть такой эпизод. Когда умер киевский князь Всеволод Ярославич, Владимир Всеволодович, известный впоследствии как Мономах, вместо того, чтобы, как это делали в подобных случаях до него, вступить в борьбу за отцовский престол, неожиданно уступил его старшему двоюродному брату Святополку Изяславичу, отец которого сидел на киевском престоле сразу после смерти Ярослава Владимировича, то есть до Всеволода. Владимир поступил так, согласно летописцу, ради мира между братьями – поступок доселе неслыханный. Вслед за этим братья собираются на совет, чтобы решить, как им вести себя по отношению к половцам, которые стали серьезной угрозой. Святополк предлагает немедленно выступить против них в поход. Владимир же возражает против похода. И это тот самый Владимир, который впоследствии становится знаменит своими победоносными походами против половцев, дважды затеянными вопреки возражениям Святополка. Во всех случаях, однако же, летопись объясняет его поступки интересами мира. Весь эпизод 1093 г. получает кульминацию в замечательной формуле: “**володимѣрь хоташе мира сътополкъ же хоташе ратью**” (по Лаврентьевской летописи)².

Приведенная формула со всей очевидностью построена на столкновении двух уравнений: “*володимѣрь/миръ*” против “*святополкъ/рать*”.

Словесная игра в формулы, противопоставляющие *миръ* и *рать* в летописи неоднократна. Д.С. Лихачев отметил в Лаврентьевской летописи: “Годно ли ты с нимъ умирити – умиришися, паки ли рать зачнеши с нимъ” (1154); и в Ипатьевской: “Аще ты ратенъ – си ратни же, аще ты мирен, а си мирни же” (1186) [7. С. 59]. Я.Н. Щапов отметил повторяющуюся формулу: “Мир стоит до рати, а рать до мира” (1148 и 1151) [8. С. 92–95].

² В Ипатьевской малое отличие: вместо **хоташе** – **хотѣ**.

В нашей формуле дело обстоит сложнее. Здесь, помимо соположения *миръ/рать*, сопоставлены – *полкъ* в имени Святополка и *рать* в качестве синонимов; соответственно *миръ* сам по себе и *-миръ* в имени Владимиръ – это прямое тождество. Словом, Святополку само имя его предписывает быть воинственным, а Владимиру его имя велит быть мирным.

Более того, и *Владимир*, и *Святополк* понимались как имена, определяющие личность их носителей. Русский фольклор знает только одного Владимира – Красное Солнышко, а летопись явно сближает Святополка II Изяславича со Святополком I Владимировичем: в знаменитом эпизоде ослепления князя Васильяка Теревольского это злодеяние совершает некий *торчин* – якобы по приказу Святополка Изяславича. Так Святополк Изяславич оказывается сопоставленным со Святополком Владимировичем, который согласно той же летописи послал своего повара “именем Торчин” резать младшего брата Глеба.

В этом нет ничего удивительного: библейская традиция придает значение этимологическому смыслу, просвечивающему в имени. Этот уклон подхватывается христианской агиографией (об этом см. [9]). Рассмотренная формула совершенно ясно показывает, что в древней Руси существовало понимание имени Владимир как имеющего в своем составе корень – *миръ* в значении ‘покой’³.

О том, что такое же понимание имело место и несколько ранее, в пору Владимира Святославича, свидетельствует латиноязычная хроника епископа Титмара Мерзебургского, современника и соседа Владимира Святославича. В одном ее месте хронист, похоже, язвительно бросает по поводу киевского князя, что его напрасно называют владыкой мира, *potestas pacis* [12. VII, 73]. Здесь недвусмысленное понимание второго корня имени в смысле *рах*, мир. Для этого нужно было знать язык соседей, что, вероятно, сопровождалось и более широкими культурными знаниями (ср. [13. С. 319]).

Итак, уже на ранней стадии своего появления на Руси, в XI–XII вв., имя *Владимир/Володимир* подвергается осмыслению и переосмыслению. В плане исторической экзегезы оно, вероятно, понимается по аналогии с именем Василий, то есть в значении Властитель Могучий, а в национальной этимологизации – как Властитель Мирный. Первое значение связано с византийским имперским контекстом, тогда как для последнего, по-видимому, определяющим нужно считать христианский культурный контекст (заметим, что в данном случае эти контексты разделились).

Теперь нам необходимо сделать экскурс в историю второго корня интересующего нас имени. Обследование большого количества рукописей, начиная с самых ранних, хранящихся в Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки – в Основном собрании рукописной книги (ОСРК), Софийском, Соловецком и Погодинском собраниях – показало весьма однообразную картину

³ “Повесть временных лет” различает князей соответственно их именам: летописец сочувственно относится к тем, чье имя включает *-миръ* и противопоставляет им тех, чьи имена включают *-рать*, точнее *-полкъ* (*Святополкъ*, *Ярополкъ*) [10. С. 461–499].

Напомню любопытное обстоятельство: первый известный в истории славян Владимир, болгарский царь, воевал с первым известным в истории Святополком, великоморавским князем, который начал свое правление с того, что предал своего дядю Ростислава, некогда призвавшего Кирилла и Мефодия, в руки короля Арнулфа, который его заковал, ослепил и заточил в монастырь. Полностью исключать значимость моравско-богемской истории для русского летописца нельзя в виду предположения Н.К. Никольского о том, что восточнославянское летописание явилось продолжением некоей западнославянской летописи [11].

написания имени Владимир до XVII в.: второй корень этого имени появляется в трех вариантах – через *и*, через *ѣ* и через *ѣ*. Никаких закономерностей распределения не наблюдается. Зачастую в одной и той же рукописи, одной и той же рукой, на близком расстоянии имя пишется с разными гласными. Только в XVII в. изредка начинает попадаться написание с *i* десятиричным, напр. в Соловецком собрании: в Патерике Иерусалимском 1643 г. (РНБ Сол. 463 [640] в конце Рукописи), в Минее Четвѣй за сентябрь (1645) (РНБ Сол. 618 [499]. Л. 298об.), в Сборнике историческом (начало XVII в.) (РНБ Сол. 687 [852]. Л. 417). Но и тут *i* находится наряду с *и*. Это, впрочем, не случайность. В старопечатной книге XVII в. возникает дифференциация написания *мирѣ/мірѣ* по значению. Утверждается она извилистым путем. В изданиях Ивана Федорова унифицируется написание в одной форме: *мирѣ*, включая имя *Владимир*. Не имея возможности дать исчерпывающую картину, я тем не менее нахожу достаточным указать на то, что интересующая нас дифференциация возникает в конце XVI в. в Юго-Западной Руси. Она появилась в первых же печатных лексиконах, насколько я понимаю, в контексте задачи лексикографической дифференциации омонимов. Такая тенденция обнаруживается уже в первом восточнославянском печатном лексиконе галицкого ученого Лаврентия Зизания (Тустановского) под названием “*Лексис, сирѣчь Реченіа, Вкратыцѣ събраны. И изслове(н)скаго языка, на просты Рүскій Діалектѣ Истокованы*”, изданном в Вильне в 1596 г. Именно здесь появляется дифференциация *мирѣ/мірѣ*. Собственно слова *мірѣ* там нет, но есть производные от него: “*міротвореніе, то того свѣта створ[е](н)ее*” и “*міроде(р)жець, держа(т)ца того свѣта*”⁴ (см. фототипическое воспроизв. в [14. С. 56]). Деятельность Зизания связана со Львовом, Вильной и Киевом – именно в изданных там книгах обнаруживаются ранние адаптации интересующего нас различения.

Помимо лексикона Зизания и вслед за ним, наиболее ранние известные мне издания с соблюдением дифференциации *мирѣ/мірѣ* – украинские; это *Псалтирь* (Львов, 1615), *Антологіонъ* (Киев, 1619) и *Евангеліе* (Львов, 1636), *Псалтирь* (Киев, 1643).

Первая отчетливая дифференциация именно слов *мирѣ/мірѣ* как таковых появляется у киевского книжника, “архитипографа церкви российской”, Памвы Берынды (ум. 1632):

Мирѣ: покой, смир[е](н)ее, згода, помиренье.

Мірѣ: свѣтъ, или сей свѣтъ, або то(т) свѣтъ,

мета(ф)[орически], слыи люде, слостници непокаанны:

и слости. и ты(ж), нижняа плоть [15. С. 119].

Слово *свѣтъ* в языке украинской письменности, действительно, встречается систематически там, где в московских книгах скоро появится *мірѣ*. Видимо, украинские книжники были всерьез озабочены дифференциацией значений. Метафорические же значения нужно здесь понимать в том плане, в каком употреблялось слово *мірський*, то есть как антоним к *небесный, горный*. Примыкающие к этим статьям производные *Міротвореніе* и *Міроде(р)жець* у Берынды воспроизводят разъяснения Зизания (да и сам Берында в послесловии к Лексикону упоминает Зизания в числе своих источников).

⁴ В круглых скобках – надстрочные выносные буквы.

Дифференциация *миръ/міръ* появляется в московской печати только в рамках книжной sprawy под рукой патриарха Никона с первого года его реформ и сразу становится правилом с 1653 г. (по наблюдениям В.А. Ромодановской над Евангелием от Иоанна, представленным в докладе на конференции “История в рукописях – рукописи в истории”, 16 июня 2005⁵).

В Москве интересующую нас дифференциацию кодифицировал влиятельный “Лексикон трехязычный” Федора Поликарпова (Поликарпова-Орлова), справщика и затем архитипографа московского царского Печатного двора, изданный в 1704 г. Здесь дифференциация корней *миръ/міръ* довольно четко проходит по различию *εἰρήνη, παῖς /κόσμος, οἰκουμένη, mundus* (см. [17. S. 352]). В поле *міра* “низкие” и потусторонние коннотации не указаны, как это делалось у украинских предшественников, хотя у него есть здесь то же слово *Міродержецъ*, что и у Зизания и Берынды.

Стоит в связи с нашей темой задержать внимание на этом производном слове от *міръ* – у Зизания и Берынды: “Міродръжец: держатца того света” – определение дано как будто прямое, но это по сути косвенное истолкование, ибо кто это таков не сказано; у Поликарпова только указан его греческий эквивалент: “Міродержецъ, κοσμοκράτωρ, mundi rector, mundi princeps” и “Міроправитель, тоже” – это, наоборот, с виду косвенное, а по существу прямое истолкование. Очевидно, что, как украинские авторы, так и московский имеют в виду единственное в славянском переводе Нового Завета употребление этого слова, а именно в значении Сатана (Еф. 6.12). (Его синоним: *князь міра сего, ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου, princeps mundi huius* [Иоанн 12.31 и 16.11]). В греческой Библии в этом значении употребляется *κοσμοκράτωρ* – в противоположность *παντοκράτωρ*, Б-г. Отсюда истолкование слова *міръ, κόσμος* и его производных в значении *плотского, тварного, нижнего* мира, которое подчеркнуто у Зизания и Берынды. Зато объяснение у Поликарпова просто через греческие и латинские эквиваленты с лингвистической беспристрастностью по разному представляет смысл производного *міродержецъ* для посвященных и непосвященных.

“Словарь Академии Российской”, давший норму вплоть до 1918 г. в отношении интересующих нас лексем, идет по следам Поликарпова [18. С. 146]. Здесь прямо в гнезде слова *Міръ* находятся слова: *Міроспаситель, Міродержецъ, Міродержавецъ*; в этом расширенном ряду значение корня нейтрализовано, оно более не склоняется односторонне к негативном полюсу. Вероятно, в данном случае зарегистрировано его московское восприятие XVII в., которое, по-видимому, испытало сдвиг по сравнению с украинским.

Разумеется, дифференциация *миръ/міръ* не была принята старообрядческой книжной традицией – она придерживалась унифицированного написания слова *миръ* через *и* восьмеричное во всех значениях и производных словах.

Дифференциация слова *миръ/міръ* сказалась на судьбе имени, составляющего предмет нашего исследования. Она потребовала выбора его написания, кото-

⁵ На важный в этой связи вопрос о том, кто перенес эту особенность из Киева в Москву, возникает соблазн предположить, что это был Епифаний Славинецкий – когда он был призван царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. и стал помощником Никона в переводческом и книгоиздательском деле, весьма влиятельным на Печатном дворе. Трудность проверки этого предположения заключается в том, что ни один из сохранившихся списков епифаниева “Лексикона латинського” не принадлежит руке автора, разнятся списки сильно, и орфография в них разная (см. вступ. статью В.В. Нимчук в [16]).

рый был сделан в московских Прологах и Служебных Минях⁶: со второй половины XVII в. имя *Владиміръ* пишется с *i* десятиричнымъ.

Это далеко не само собой разумеющийся выбор. Он означает разрыв с той тенденцией осмысления этого имени, которая существовала и в Древней Руси и, по-видимому, была продиктована христианским контекстом, отдававшим предпочтение *мирному* перед *мірским*. Отныне имя Владимир понимается по-новому: как *Владыка (Властитель) міра*.

Сделанный в Москве XVII в. выбор требует внимания. Ни в одном из возможных значений *Владыка міра* не может быть индивидуальным христианским именем; в историческом же поле реальных употреблений *Владыка міра* – это синоним *Міродержца, Міроправителя*, или *Владыки міра сего*, имевших четкое новозаветное значение. Как такое значение имени могло не только возникнуть, но и закрепиться – загадка, которая выходит за рамки нашей статьи. Должно быть, вопрос и не возникал. Скорее всего, выбор был сделан в пользу великолепия. Возражений, насколько нам известно, не последовало. Хотя после реформы орфографии 1918 г. *i* десятиричное исчезло, самая непосредственная ассоциация второго корня со значением *κόσμος* и соответствующее понимание имени в целом, кажется, для носителей языка сохранились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Франчук В.Ю. До історії імені Володиміръ // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965.
2. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.
3. Спасский С. Полный Месяцеслов Востока. М. 1901 [репр. М., 1997]. Т. 2.
4. Schoenfeld M. Woerterbuch der altgermanischen Personen- und Voelkernamen. Heidelberg, 1911.
5. Fabre d'Enviu J. Le Dictionnaire allemande enseigné par l'analyse étymologique... Paris, 1881.
6. Преображенский А.Г. Этимологический словарь. М., 1959. Т. 1.
7. Лихачев Д.С. Устные истоки художественной системы “Слова о полку Игореве” // Слово о полку Игореве. Сб. статей и исследований. М., 1950.
8. Шапов Я.Н. “Мир стоит до рати, а рать до мира” // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб 1. XI–XVI века.
9. Булгаков С., протоиерей. Философия имени. Париж, 1993; Флоренский П. Имена // Опыты. М., 1990.
10. Сендерович С.Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь).
11. Никольский Н.К. “Повесть временных лет” как источник для истории начального периода русской письменной культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Т. II. Вып. 1.
12. Titnari merseburgiensis chronicon. Monumenta Germaniae historica. Nova series. Berlin, 1955. Т. IX.
13. Мельникова Е.А. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000.
14. Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. Київ, 1964.
15. Памва Берында. Леѣіконъ славенорвскій и именъ тлъкованіе. Київ, 1627.
16. Лексикон латинский Ѽ. Славинецького. Лексикон славено-латинський Ѽ. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973.
17. Polikarpov F. Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskva. 1704. Muenchen, 1988.
18. Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4.

⁶ Печатанье Прологов и Служебных Миней, где имя Владимир встречалось, было прерогативой Москвы, Киев и Львов ее не оспаривали, оспорили ее только старообрядцы.

© 2007 г. М. Ю. ДОСТАЛЬ

СЛАВИСТИКА: МЕЖДУ ПРОЛЕТАРСКИМ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОМ И СЛАВЯНСКОЙ ИДЕЕЙ (1941–1948)

Анализируя сложное положение отечественной славистики в межвоенный период, можно прийти к выводу, что постепенный отказ от национального нигилизма в политике и культуре СССР тем не менее не привел к существенному повороту в реабилитации славянской идеологии. Напротив, в условиях действия советско-германского договора 1939 г. и опасения хоть как-то спровоцировать агрессора из пропаганды были исключены всякие упоминания о славянской солидарности в прошлом и настоящем, всячески разоблачались “реакционная сущность” панславизма и отождествление его с целями и задачами советской внешней политики. Что касается славяноведения, то само право на существование этой науки можно было отстоять только путем отречения от дореволюционного, “насквозь пропитанного панславистскими идеями”, славяноведения и декларированием его возрождения на “кристальночистой”, классовой основе марксистско-ленинской методологии.

Начало Великой Отечественной войны в корне изменило ситуацию в славяноведении, показало насущную необходимость знания истории, языков и культуры славянских народов, вступавших (за исключением союзных Германии Болгарии и Словакии) в ряды борцов Сопротивления. Для поработанных славянских народов война с фашизмом означала борьбу не на жизнь, а на смерть. Согласно разработанному фашистскими лидерами в 1941 г. плану “Ост” (в “большом” варианте), славянским народам грозило тотальное уничтожение. «Нацистской реконструкцией охватывались не только вся довоенная Польша, но и Чешские земли, советская Украина, Белоруссия, часть РСФСР и Прибалтика. По разным подсчетам гитлеровцев здесь проживали от 45 до 65 млн коренных жителей, в основном “расово неполноценных” славян. Из этого числа нацисты намеревались депортировать за Урал и частью уничтожить от 31 до 51 млн. чел., в том числе поляков – 80–87%, белоруссов – 75%, населения западной и юго-западной Украины – свыше 60%, около 50% чехов, а также литовцев – 85%, значительное число эстонцев и латышей». Остальных при активной немецкой колонизации указанных территорий ожидала германизация или превращение в невольников [1. С. 33–34].

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

В условиях войны доктрина пролетарского интернационализма показала свою полную несостоятельность. Понимая это, И.В. Сталин в беседе с У. Гарриманом, координатором американской программы ленд-лиза (беседа состоялась во время московского совещания представителей СССР, США и Великобритании, проходившего 29 сентября – 1 октября 1941 г.), откровенно сказал: “Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за Советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию” (цит. по: [2. С. 204]). Уже утром 22 июня 1941 г. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров получил предписание: “Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы” [3. С. 192]. В то же время в связи со внешнеполитической задачей создания антигитлеровской коалиции была приглушена антиимпериалистическая пропаганда. Во внутренней политике прекратились гонения на церковь, пропагандировались патриотизм и межнациональное единство [4. С. 29, 30, 34; 5–7]. В своем известном выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин ясно выразил изменение курса партии и правительства в сторону патриотизма и признания роли национального фактора во внутренней и внешней политике в подчеркивании того обстоятельства, что это “война всего советского народа”, “всенародная отечественная война”, “война за свободу нашего отечества”, “сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы” [8]. С первых же дней войны на идеологическое вооружение органов агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) официально была взята в числе других средств патриотическая идея славянской солидарности. Руководитель Главного управления РККА А.С. Щербаков прагматически отмечал, что в пропаганде надо “использовать газеты, журналы, радио, черта, дьявола, сатану, кого угодно – но в интересах нашего советского дела” (цит. по: [9. С. 32]). Поэтому в идеологической борьбе за победу сделали ставку на славян, евреев, церковь, женщин, молодежь, ученых, словом на всех тех, кто мог затрагивать и возбуждать патриотические чувства разных слоев советского общества, соотечественников и соплеменников за рубежом.

Для активизации и координации чрезвычайно важного во время войны дела агитации и информации 24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР было создано Совинформбюро. Его возглавил кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков, заместителем был назначен С.А. Лозовский, одновременно заместитель наркома иностранных дел. Результаты их активной деятельности, в том числе, в области возрождения славянской идеологии проявились незамедлительно.

Начиная с июля 1941 г., в газете “Правда” из номера в номер на четвертой странице начали печататься статьи о положении славянских народов, поработанных фашистской Германией. 14 июля была опубликована статья Я. Викторова “Расправа фашистских варваров над польским народом”; 15 июля – сразу две статьи без подписи “Гитлеровцы истребляют сербский народ” и “Антигерманские листовки в Югославии”. 20 июля под общим заголовком “Оккупированные страны под фашистским игмом” напечатаны три статьи: “Черногорский народ борется с фашистами”, “Экономическое порабощение Сербии”, “Балканы – колония Гитлера”; 21 июля – статья Я. Викторова “Чехословакия в борьбе

за свою независимость”. Статьи нацеливали читателя на мысль о необходимости объединения славян в борьбе с фашизмом. В журнале “Большевик” (за июль 1941 г.) в статье его редактора Е. Ярославского как бы обобщались материалы “Правды”. Статья называлась “Борьба славянских народов против германского фашизма”. Видный партийный идеолог заключил свою статью словами: “Фашистские банды – злейшие враги всего славянства”, эта установка затем многократно тиражировалась в партполитпропаганде [10. С. 200].

Советские слависты с самого начала войны также активно включились в антифашистскую пропаганду. Так В.И. Пичета 19 июля 1941 г. опубликовал в “Комсомольской правде” статью “Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы”, 20 июля в “Известиях” – статью “Лютый враг славянства”, 28 июля в “Авиационной газете” – “Гитлер – лютый враг русского народа”, 5 августа в той же газете – “Великая борьба польского народа с немцами”, 15 августа в “Правде” – “Славяне никогда не будут рабами”, в тот же день в “Известиях” – “Пусть каждый клочок славянской земли станет могилой врагу”, 24 августа в “Комсомольской правде” – “Исторические судьбы славянства” и пр. Все эти статьи, написанные знатоком истории славян, несли мощный эмоциональный заряд, направленный на борьбу с фашизмом.

Не отставал от В.И. Пичеты и академик Н.С. Державин. 15 августа была напечатана в “Правде” его статья “Славяне поднимаются на смертный бой”, в “Ленинградской правде” 21 августа – статья “Славяне никогда не будут рабами фашизма”, 2 сентября в газете “Красный Балтийский флот” – статья “Немецкий фашизм – злейший враг славянства” и пр.

Уже 29 июля 1941 г. Н.С. Державин выступил с инициативой создания “Международного бюро в помощь борьбы славянских народов за освобождение от фашистского ига”. В докладной записке, направленной в Государственный Комитет Оборона он вместе с профессором Е.З. Волковым писал: “Мы полагаем, что сейчас настал прекрасный момент, когда самим ходом исторических событий Советский Союз поставлен во главе славянских народов, когда Советский Союз может открыто перед всем миром протянуть руку братской помощи своим младшим братьям – славянам, объединить их вокруг себя и создать таким образом из всех славянских народов под своим руководством в Центральной Европе и на Балканах естественный и мощный оплот против фашизма и возможных в будущем его преемников” (цит. по: [10. С. 200]). Панславистский пафос, выраженный в записке, осторожный Н.С. Державин, впрочем, никогда в печати в дальнейшем не акцентировал. Инициативу академика, в верхах, видимо, приняли во внимание, поставив его во главе созданного вскоре “Антифашистского комитета советских ученых”.

Начиная с августа 1941 г. были подготовлены и проведены несколько первых антифашистских митингов советской общественности: 10–11 августа в Москве состоялся славянский митинг, выступления участников которого транслировали по радио, 24 августа – еврейский радиомитинг, 28 сентября – митинг советской молодежи, несколько позже митинг советских женщин, наконец, 14 октября радиомитинг советских ученых [11. С. 73–80]. Проведение антифашистских радиомитингов послужило основой для организации и началу деятельности в 1942 г. Всеславянского комитета (ВСК) в Москве, Антифашистского еврейского комитета (ЕАК), антифашистских комитетов советской молодежи, советских женщин, советских ученых и пр. В 1943 г. был заключен своего

рода договор с Русской православной церковью и восстановлено патриаршество (подробнее см.: [12. С. 463–464; 7]).

Можно согласиться с заключением Н.К. Петровой, исследовавшей деятельность антифашистских комитетов в специальной монографии, что “на всех антифашистских митингах особый акцент был сделан на то, что впервые в истории фашистская Германия открыто выступила с самых крайних расистских позиций, и стало очевидно, что “новый порядок” на практике означал физическое уничтожение целых народов” [11. С. 87]. В противовес этой “людоедской теории и практике” провозглашалась политика, учитывающая национальный и гендерный факторы, направленная на сплочение широких кругов общественности, антифашистских, демократических государств во имя военного и политико-идеологического разгрома стран фашистского блока.

Разумеется, что с точки зрения развития славянской идеологии в годы войны наибольшую роль сыграли славянские антифашистские радиомитинги и деятельность Всеславянского комитета в Москве. Особая важность его работы заключалась в том, что в многонациональном Советском Союзе восточнославянские народы: русские, украинцы, белорусы (за исключением русинов) составляли самые крупные этносы, объединенные общностью культуры, истории, религии. Они, и особенно русский народ, играли ведущую роль в истории России и СССР. Нельзя не учитывать и то, что в славянских государствах Центральной и Юго-Восточной Европы – Польше, Чехословакии и Югославии, захваченных фашистской Германией и Италией, разворачивалось движение Сопротивления (подробнее см.: [13]). Прежде всего на эти славянские народы, как на естественных союзников России ВСК предстояло вести агитационную работу.

Кроме того, известно, что в США, Канаде, странах Латинской Америки, Австралии и Новой Зеландии существовали многочисленные славянские диаспоры, состоявшие из русских, украинцев, русинов, белорусов, чехов, словаков, поляков, южнославянских народов. Выходцы из славянских стран только в США насчитывали 15 млн человек, они особенно активно выступили в поддержку борьбы СССР с фашистской Германией, проведя Славянский конгресс в Детройте, организовав акции помощи Советскому Союзу. Естественно, что эта часть американского населения стала важным объектом международной деятельности ВСК и других органов советской пропаганды [11. С. 166–189].

Не углубляясь в подробности деятельности ВСК [14. С. 73–91; 15. С. 175–188; 11; 16], обозначим основные вехи в формировании и популяризации славянской идеологии, соответственно с колебаниями государственной политики, и ее влияние на славяноведение.

Славянский радиомитинг проходил под непосредственным руководством Совинформбюро и ЦК ВКП(б), с которыми согласовывались тексты всех выступлений. Все материалы радиомитинга публиковались в “Правде” и других ведущих изданиях, что свидетельствовало о приоритетном значении, которое придавало этому мероприятию партийно-государственное руководство страны. Передовая “Правды” от 12 августа называлась “Все славяне на борьбу против общего врага”. Открывал радиомитинг доклад классика советской литературы – А.Н. Толстого, несомненно выразивший в художественном слове официальную точку зрения. Он, в частности, сказал: “Славяне! Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного освобождения от гитлеровского гнета. Мы объединяемся как равные среди равных. Среди

нас не должно быть больших или меньших. У нас одна задача и одна цель – разгром гитлеровских армий и уничтожение всей военно-агрессорской системы национал-социализма. У нас одно горячее всеобъемлющее стремление, – чтобы славянские, равно как и все соседствующие с нами народы и государства и все прочие народы, мирно и покойно развивались в рамках своей государственности. Мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов. Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов. Наша задача – объединенными усилиями уничтожить фашистский гнет, каких бы жертв это нам ни стоило” [17. С. 9]. Этот принципиально важный фрагмент речи вошел в текст заключительного документа – обращения славянского митинга к славянам. Следует отметить, что несмотря на заявление о равном партнерстве в отпоре врагу, было понятно, что “объединение против”, весьма характерное при очередном возрождении славянской идеи и панславизма, могло происходить только вокруг могучего “старшего брата” – Советского Союза. И потому и в выступлении Толстого, и в передовице “Правды”, в речах других участников митинга (чешского ученого З. Неядлы, польского генерала М. Ярушайтиса, черногорского поэта Радуде Стиенского, македонского общественного деятеля Д. Влахова, словацкого поэта О. Лысогорского, сербского профессора Б. Масларича, хорватского общественного деятеля Ю. Салая, словенского журналиста И. Регента, болгарского общественного деятеля А. Стоянова, украинского писателя А.Е. Корнейчука, польской писательницы Ванды Василевской, белорусского поэта Янки Купалы, словацкого депутата М. Чулена, закарпатского общественного деятеля И. Локоты и др.) настойчиво проводилась мысль о родственной близости славянских народов в прошлом и настоящем и объединении их усилий вместе с СССР в борьбе против общего врага германского фашизма – “злейшего врага славянства и всего человечества”. В патриотической речи А.Е. Корнейчука прозвучала характерная здравица: “Да здравствует великая семья свободных, равноправных славянских народов, объединенная на священную борьбу с разбойничьим нашествием германского фашизма и его вассалов” [18. С. 28].

Публикации материалов Всеславянского митинга продолжались в “Правде” до 21 августа. Они завершились обширной статьей видного советского философа, начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александрова под названием “Славяне”, изданной потом массовым тиражом отдельной брошюрой (подробнее см.: [10. С. 202]). Точно также в одной книге были изданы и доклады, прозвучавшие на митинге. Примечательно, что “Вестник АН СССР” посвятил митингу почти весь сдвоенный № 7–8 за 1941 г. В журнале “Большевик” (1941. №15) публиковалось обращение участников Всеславянского митинга, статья писателя А.А. Фадеева “Единение славянских народов в борьбе против гитлеризма” и статья партийного деятеля и философа П.Ф. Юдина “Германский фашизм – лютый враг славянских народов”.

Итак, главным пропагандистско-мобилизующим лейтмотивом первого славянского радиомитинга стало объединение равноправных славянских народов для борьбы с “кровавым фашизмом”.

Образованный вскоре ВСК, куда вошли почти все названные выше докладчики, возглавил генерал-лейтенант А.С. Гундарев, сапер по военной специальности, начальник Военно-инженерной академии (см. воспоминания А.С. Гунда-

рева в кн.: [16. С. 171–338]), первым секретарем был назначен писатель А.А. Лаврентьев, бывший посол в Болгарии. ВСК начал свою активную деятельность после ревакуации из Куйбышева в первые месяцы 1942 г. Со второй половины того же года он предпринял выпуск журнала “Славяне”, выполнявший широкие задачи антифашистской пропаганды. Главной целью журнала провозглашалось “сплочение славянских народов для борьбы в союзе со всеми миролюбивыми народами против гитлеровской Германии и ее вассалов” [19. 1941. № 1. С. 3]. Журнал стал целенаправленным популяризатором идей славянской солидарности как составной части партполитпропаганды военного времени. В беседе с главой чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне Э. Бенешем (декабрь 1943 г.) И.В. Сталин откровенно сказал о целях своей тогдашней славянской политики: “Я никакой не панславист, я – ленинец, и им останусь. Однако не будет спокойствия в мире, если не будут проведены необходимые меры против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм” [20. С. 20] (см. также [21. С. 3–54]).

Следует отметить, что журнал чутко реагировал на любые изменения основной линии официальной пропаганды, постоянно цитировал высказывания Сталина и других членов ЦК по славянскому вопросу. Он был, так сказать, парадным фасадом внешней политики страны, стремящимся в наиболее привлекательном виде представить ее главные цели.

Журнал начал свою работу с публикации материалов Второго Всеславянского митинга в Москве, состоявшегося 4–5 апреля 1942 г. Если в докладах участников первого митинга, когда враг рвался к Москве, звучали общемобилизующие призывы объединения славян для борьбы с фашистскими захватчиками и помощи “доблестной Красной Армии”, то на втором митинге задачи были конкретизированы и соотнесены с текущей военной ситуацией. Митинг призывал сорвать “весеннее наступление” гитлеровцев, превратив партизанскую войну во всенародную борьбу против оккупантов. “Разжечь пламя всенародной партизанской войны в тылу врага” – вот главный призыв к братьям-славянам того времени [19. 1942. № 7. С. 3].

Много внимания в журнале уделялось развитию славянского движения в США, Канаде, Южной Америке и других странах с “прогрессивными”, то есть левыми лидерами которого ВСК вступал в тесные контакты. Здесь публиковались материалы первого и последующих Всеславянских конгрессов США, которые выражали свою солидарность (моральную и материальную) с антифашистской борьбой соотечественников в Европе и призывали к открытию там второго фронта в помощь СССР (подробнее см. [11. С. 171–179; 15. С. 182–183]).

Журнал пытался обосновать закономерность дружбы между славянскими народами, совсем в духе романтической “идеи славянской взаимности” XIX в.: “Дружба между славянскими народами – это не случайное явление: она зиждется на кровном родстве многочисленных славянских народов, на общности цели и благородных стремлениях всех славян к прогрессу, миру и дружбе” [19. 1942. № 3. С. 3]. Публиковались материалы, показывающие исключительно положительные примеры дружеских и союзнических отношений между славянскими народами, например, Грюнвальдская битва 1410 г., особо акцентировались идеологи славянской солидарности – Ю. Крижанич, Я. Коллар, Л. Штур и другие, славянские ученые, деятели культуры, полководцы и пр. (подробнее см.: [22. С. 304–319]).

3 мая 1943 г. в Москве состоялся третий Всеславянский митинг, который призывал славянские народы ко всемерной помощи наступающей Красной Армии, обмену опытом подпольной работы, срыву немецких планов принудительной мобилизации. Впервые открыто говорилось о создании ряда славянских военных формирований на территории СССР [14. С. 83–84].

23–24 февраля 1944 г. в советской столице проходил митинг славян-воинов. Представители воинских частей, уже прошедшие боевое крещение на фронтах войны впервые говорили о боевом содружестве славянских народов, о совместных военных действиях с Красной Армией. Выражалась уверенность, что ее наступление сольется с вооруженной борьбой славянских народов в тылу гитлеровских армий [15. С. 185].

В соответствии с целями радиомитингов формулировались и лозунги к очередным годовщинам Октябрьской революции и Первомайским праздникам. 31 октября 1941 г. “Правда” писала: “Привет угнетенным славянским народам, борющимся за свою свободу и независимость против немецких, итальянских и венгерских разбойников-империалистов”. В лозунге к 1 мая 1942 г. звучал призыв к партизанской войне с фашистами: “Братья угнетенные славяне! Поднимайтесь на священную народную войну против гитлеровских империалистов – смертельных врагов славянства. Да здравствует боевое единство славянских народов”. Призывы к укреплению боевого единства славян вне какой-либо классовой принадлежности против традиционных “империалистов” только фашистского толка (в другой агитационной литературе термин империалисты в применении к фашистам почти не употреблялся) звучали в лозунгах ЦК ВКП(б) вплоть до 1945 г., став неотъемлемой составной частью партполитпропаганды во время войны [10. С. 203].

Любопытно, что развитие славянской идеологии шло в ногу с укреплением патриотизма. С декабря 1941 г. на титульных листах военных газет лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” был заменен на новый – “Смерть фашистским оккупантам!”. Учреждены ордена в честь выдающихся русских полководцев, введены погоны русской армии вместо ромбов, патриотический гимн “Союз нерушимый” заменил пролетарский “Интернационал”, в мае 1943 г. был расформирован Коминтерн и пр. (подробнее см.: [4. С. 32; 23. С. 189–196; 24; 25]). Как справедливо писал профессор МГУ А.И. Вдовин, “человеконенавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к порабощаемым народам советская сторона противопоставила такие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм” [4. С. 34]. Другое дело, что часто теория не соответствовала практике.

Тем временем в СССР подготовливалась почва для утверждения господствующей мысли о лидирующей роли русского народа сначала среди других наций страны, затем и среди зарубежных славянских народов. В 1943 г. Сталин так определил задачи национальной политики: “Некоторые товарищи еще недооценивают, что главная сила в нашей стране – великая великорусская нация... Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом” (цит. по: [4. С. 38]). Этот мотив был сразу подхвачен средствами массовой информации и идеологическими структурами. После победы под Сталинградом в редакционной статье “Крепить единство славянских народов” первого номера журнала “Славяне” за 1943 г. говорилось: “Русский народ предстает перед всеми славянскими народами как мститель за оскорбление, нанесенное всей славянской семье народов.

Есть центр для объединения славян в отпоре наглým немецким разбойникам. Это Россия” [19. 1943. № 1. С. 5].

В итоговом документе митинга славян-воинов провозглашалось: “Да здравствует великий русский народ, вдохновивший все славянские народы на самостоятельную борьбу за честь, свободы и независимость их родины” [19. 1944. № 3. С. 8]. В журнале “Славяне” публиковались статьи с характерными названиями “Русский народ – опора славянства” (В. Иванов. 1944. № 6), “Великий русский народ” (В. Ермилов. 1945. № 10) и др.

Но стойкие защитники сугубо классового, марксистского подхода к истории не собирались без боя сдавать свои позиции. В мае–июне 1944 г. состоялось идеологически важное совещание по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) [26], в котором под бдительным наблюдением партийного руководства скрестили шпаги закоренелые марксисты “старой закалки” (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина и др.) и “патриоты” (А.И. Яковлев, Б.Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле, В.И. Пичета и др.). Первые обвиняли последних в “великодержавном шовинизме” и “квасном патриотизме”, в попытках пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, приукрашении реакционной политики царского самодержавия и противопоставлении русского народа другим народам нашей страны. Вторые напоминали о разгромленной школе М.Н. Покровского, об очернении истории России и преуменьшении ее роли в мировом историческом процессе [4. С. 43]. Ученик В.О. Ключевского, крупный специалист по истории русского крестьянства и государства А.И. Яковлев выступил на заседании 7 января 1944 г. со смелым заявлением: “Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним с любовью. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях” [26. 1996. № 4. С. 93]. Яковлева поддержали в своих выступлениях слависты Б.Д. Греков, В.И. Пичета и др., говоря о высоких достижениях дореволюционной русской науки и необходимости патриотической интерпретации отечественной истории. И хотя подобные заявления осуждались на совещании как “явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам”, более того, хотя отвергались предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.Д. Скобелева и других выдающихся полководцев и государственных деятелей дореволюционной России [4. С. 43–44], нельзя сказать, что это заседание окончилось, как предполагалось в первоначальном проекте постановления ЦК, полной победой сторонников марксизма-ленинизма в его крайнем, догматическом, в духе М.Н. Покровского, проявлении (объективную оценку деятельности М.Н. Покровского см: [27]).

Историки-патриоты несомненно одержали моральную победу (подробнее см: [28]). Никаких “оргвыводов” в их отношении сделано не было. Напротив, в рамках русоцентристской кампании их настроения и взгляды нашли закономерное продолжение и поддержку. 4–12 июня 1944 г. в стенах МГУ была проведена представительная научная конференция “Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры”, в которой с патриотическим пафосом выступили представители всех факультетов университета, стремясь показать вклад отечествен-

ной науки в мировую в своей конкретной отрасли знания. В их числе зав. кафедрой истории южных и западных славян В.И. Пичета подготовил доклад “История южных и западных славян в трудах русских историков”, в котором попытался реабилитировать труды многих дореволюционных славистов [29. С. 60]. То же было сделано в отношении славянской филологии Н.С. Державиным в докладе “Вклад русского народа в сокровищницу мировой науки в области славянской филологии” [30].

Венчал эту русоцентристскую кампанию знаменитый тост Сталина во здравие русского народа, произнесенный в Кремле 24 мая 1945 г., в котором признавались его решающие заслуги в разгроме гитлеровской Германии: “Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа... потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... потому, что заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны” [31. С. 196–197].

Ближе к окончанию войны остро стал вопрос о будущем переустройстве мира и распределении сфер влияния. Эта тема не раз завуалированно возникала в официальных переговорах представителей великих держав в Тегеране (1943), Ялте (1944), Потсдаме (1945). Велись и более конкретные закулисные переговоры. 9 октября 1944 г. в Москву прилетели премьер-министр Великобритании У. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден. Их приняли И.В. Сталин и министр иностранных дел В.М. Молотов. Переговоры шли о разделении стран Центральной и Юго-Восточной Европы на английскую и советскую зоны влияния. У. Черчилль предлагал разделить Болгарию на доли: СССР – 90%, Англии – 10%; Грецию – диаметрально противоположно, Румынию и Югославию – по 50%. Сталин не согласился с таким делением. Он указал, что его нельзя проводить механически, следует учитывать реальную ситуацию. Болгария уже освобождена советскими войсками и объявила войну Германии. В результате белградской наступательной операции Красная Армия, болгарские части и партизанские соединения Югославии освободили ее столицу. Следовательно, эти страны должны оставаться в зоне советского влияния. В результате долгих жарких споров англичанам удалось “отторговать” себе только Грецию [12. С. 291–305; 32. С. 310–311]. Понятно, что все официальные записи этих секретных переговоров были уничтожены. Тем не менее в сохранившейся записке М.М. Литвинова, написанной, видимо, в преддверии или в результате этих переговоров, говорилось, что “любобное разграничение сфер безопасности” между СССР и Великобританией должно осуществляться “по принципу ближайшего соседства”, поэтому в “сферу интересов” Советского Союза должны попасть кроме Финляндии, Швеции, Венгрии, Румынии, Турции, также и славянские страны Балканского полуострова, Польша и Чехословакия [33. С. 178] (см. также [34]).

Лидеры славянских государств, естественно, были обеспокоены дальнейшей судьбой своих освобождаемых Красной Армией территорий. Они вовсе не хотели “коммунизации” своих стран. В декабре 1943 г. состоялась длительная беседа писателя А.Е. Корнейчука, курировавшего в НКВД в 1943–1944 гг. регион Центральной Европы, с чехословацким президентом в изгнании Э. Бенешем в Хабанье (американская база в Ираке). Бенеш, выступавший как последовательный сторонник славянского единства, направленного на разгром Германии, хотел уточнить цели “новой славянской политики” СССР. Он сознавал, что “славянскую идею можно реализовать только в сотрудничестве с Советским

Союзом на основе полного равноправия и независимости славянских народов” (курсив мой. – М.Д.) (цит. по: [33. С. 178]). Бенеш хотел убедиться в искренности заверений советского правительства о несовместимости проводимого им курса с насильственной советизацией. Корнейчук, естественно, постарался убедить Бенеша в том, что “славянская политика Советского Союза исключительно прогрессивна и демократична, что она не означает распространения некоего нового панрусизма и не имеет ничего общего со старым царским империализмом, так как основывается на полном равноправии всех славянских народов” [33. С. 175].

Во время обеда в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 г. И.В. Сталин высказал мысль о том, что для окончательного подавления Германии и исключения возникновения там реваншистских стремлений “нужен союз славянских народов”. “Мы новые русские славянофилы, – сказал он, – являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался там установить советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй” [33. С. 180]. Эти же заверения делались тогда и при встречах с лидерами других стран: Э. ОSUBКой-Моравским (Польша), И. Броз Тито и М. Джиласом (Югославия) [35], которые как и Э. Бенеш, приезжали в Москву для подписания договоров о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Из бесед со Сталиным и его окружением они вынесли убеждение, что СССР выступает за равноправное сотрудничество со славянскими народами и не намерен их “коммунизировать”. И. Броз Тито, в частности, писал: “Славянские народы на Балканах, учтя уроки истории, решили объединиться в великой освободительной войне и опереться на поддержку Советского Союза. Единство и братство славянских народов ни в коем случае не угрожает другим, неславянским народам, а, напротив, является могучим фактором обеспечения мира в Европе, который в последнее время постоянно нарушался немецкими захватчиками” [19. 1945. № 4. С. 13]. Многократно повторялись слова Сталина в беседе с мэром города Варшавы М. Спыхальским: “Союз славянских народов – это не царский великодержавный панславизм, это союз равных славянских государств. Советский Союз как раз и стоит на страже такого союза” [19. 1944. № 12. С. 43]. Наконец, председатель Временного Национального собрания Чехословакии Й. Давид 9 ноября 1945 г. сказал: “Так же как Советский Союз выполнил свои военные обязательства, он выполняет обязательство не вмешиваться в наши внутренние дела” [19. 1945. № 12. С. 7].

Как же формировалась советская программа послевоенного устройства славянского мира? Уже в октябре 1942 г. в недрах НКВД обсуждался вопрос о возможности заключения пакта о взаимопомощи между славянскими народами во время войны и после ее окончания. В обширной записке Н. Новикова “Польско-чехословацкая конфедерация”, с которой знакомился Молотов, в частности, говорилось: “Укрепление отношений между славянскими странами на почве совместного сопротивления гитлеризму в своем естественном развитии могло бы вылиться в пакт взаимопомощи не только на период нынешней войны против Германии, но и на длительный послевоенный период. Такой пакт сыграл бы огромную роль для ограждения национальной независимости славянских народов Средней Европы...” [33. С. 176]. Затем был взят курс на заключение договоров о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве с руководством славянских стран. Такие договоры вскоре были заключены с Чехослова-

кий, Польшей, Югославией, Болгарией [36; 37; 38]; (о закулисной стороне заключения этих договоров см.: [39]). В.И. Пичета в публичной лекции с примечательным названием “Боевое содружество славянских народов Советского Союза во главе с русским народом”, прочитанной 6 августа 1945 г. подчеркнул, что эти договоры закрепили и оформили прежнее боевое содружество “юридическими нормами”, чтобы обеспечить послевоенное сотрудничество славян, и создали “подлинное содружество славянских народов” [40]. После войны Сталин, по-видимому, задумывался над вопросом, как лучше управлять славянскими союзниками. И они сами шли ему навстречу, выдвинув проект создания Балканской федерации. Сначала в декабре 1947 г., по свидетельству М. Джиласа, обсуждалась возможность федеративного объединения Югославии и Албании с целью решения проблемы албанского меньшинства в сербских землях [35. С. 164]. Позднее, в январе 1948 г. в Бухаресте, Г. Димитров выступил с идеей создания Восточноевропейской федерации, включающей Болгарию, Югославию и Грецию. Без предварительного согласования с Москвой он строил планы заключения таможенного союза и координации экономических планов между Румынией и Болгарией [35. С. 196, 198]. На встрече славянских политических деятелей у И.В. Сталина в Кремле 10 февраля 1948 г., по воспоминаниям М. Джиласа, советский лидер резко выступил против последней инициативы Димитрова, но, в то же время одобрил первую: “Нет, сначала федерация между Болгарией и Югославией, а потом обеих с Албанией, – и добавил: – Мы думаем, что должна быть создана федерация между Румынией и Венгрией, а также Польшей и Чехословакией” [35. С. 202]. Наблюдательный и думающий политик, М. Джилас, проанализировав высказывания советских политических деятелей представил интересную картину планов Москвы относительно будущего государственно-политического устройства стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Он писал: «Сталин больше не развивал вопрос о федерации. Позднее в форме указания он повторил, что федерация между Югославией, Болгарией и Албанией должна быть создана немедленно. Но из сформулированной им позиции и неопределенных в то время намеков советских дипломатов представлялось, что советские руководители также флиртовали с мыслью о реорганизации Советского Союза путем присоединения к нему “народных демократий” – Украины с Венгрией и Румынией и Белоруссии с Польшей и Чехословакией, тогда как Балканские государства должны были объединиться с Россией! Какими бы неопределенными и гипотетическими ни были эти планы, ясно одно: Сталин искал решения и формы для восточноевропейских стран, которые обеспечили бы и укрепили господство и гегемонию Москвы на длительное время» [36. С. 202–203].

Разумеется, подобные планы, если они действительно существовали, оставались тайной за семью печатями. В любом случае они были похоронены с возникновением советско-югославского конфликта в июне 1948 г.

Но даже открытые шаги советского руководства по заключению договоров о дружбе и послевоенном сотрудничестве дали повод западным публицистам выступить с рядом статей, обвинявшими СССР в возрождении “русского панславизма”. Статьи подобного рода появились в газетах “Нью-Йорк Таймс”, “Экономист”, “Трибюн” и др. 10 января 1945 г. газета “Нью тид” (Гётеборг) писала: “Москва вывесила флаг панславизма. Всеславянский комитет является полным и совершенным представителем славянского мира. Советский Союз с большим успехом, чем царская Россия, играет лозунгом панславизма. Советский Союз

выступает как настоящий освободитель славянских народов от пангерманского ига. Этот факт облегчает победное шествие панславизма по всем славянским странам” (цит. по: [41]). Но Москва не торопилась с публичным опровержением неизвестных советской общественности статей, потому и пространная статья профессора МГУ В.Т. Дитякина “Панславизм и современная политика славянских народов”, законченная 29 января 1946 г., осталась неопубликованной.

В задачи идеологического обеспечения, высказанной Сталиным идеи *союза* равноправных славянских народов, входило постепенное формирование в общественном мнении убеждения о ведущей роли в таком образовании, прологе будущего блока, Советского Союза. В статье М.И. Калинина “Славяне и война” содержался призыв к послевоенному сотрудничеству славянских народов: “Можно надеяться, что после победы над гитлеровскими разбойниками славянские страны, их правительства наладят дружественные отношения с Советским Союзом, с русским народом” [19. 1944. № 1. С. 9].

Еще до окончания войны, в марте 1945 г. в Софии был проведен Славянский собор (по существу съезд), который был приурочен к годовщине освобождения Болгарии. Здесь вновь прозвучали слова о послевоенном объединении славянских народов: “Сплоченность славянских народов и их дружба с великим Советским Союзом является надежной гарантией прочного мира в Европе и процветания славянских государств” [19. 1945. № 5. С. 24].

Средства массовой пропаганды стремились представить СССР как образец истинно демократического государства, с самым передовым общественным строем: “Народы Советской страны во главе с русским народом создали государство нового типа, равного которому нет по прочности. В Великой Отечественной войне советского народа изжито и былое недоверие славянских народов к старшему в их семье – к русскому народу” [22. 1943. №1. С. 5].

В этой обстановке вновь возобновились усилия советских славистов по воссозданию Института славяноведения АН СССР причем на комплексной основе [42; 43]. Решение об организации такого института было принято Президиумом АН СССР еще в августе 1942 г. в эвакуации в Свердловске. Понятно, что тогда реализация такого проекта была затруднительна. Временно, как прообраз Института, была создана “Славянская комиссия АН СССР” во главе с академиком Н.С. Державиным. Она успешно работала по существу на общественных началах и объединяла в себе специалистов по славянскому языкознанию, литературе, истории, этнографии, фольклору и даже праву [44]. В статье “Центр славяноведения” Н.С. Державин указывал, что существование Комиссии обосновывалось необходимостью укрепления боевого союза славянских народов и налаживания связей “великого советского народа со всеми славянскими народами” [19. 1942. № 6. С. 109]. Понятно, что на преимущественное право по организации Института претендовал академик Державин. Но длительная командировка ученого в Болгарию и Югославию и перенесенный там инсульт надолго вывели его из строя. Инициативу в благоприятных условиях близкой победы и прогнозируемого сплочения славянских народов вокруг СССР снова взяло на себя руководство Института истории АН СССР. В докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, поданной директором Института истории Б.Д. Грековым 12 апреля 1945 г., в качестве обоснования снова был использован аргумент престижа и лидерства советской науки: “Между тем освободительная роль Советского Союза в отношении славянских народов требует, чтобы советское славяноведение заняло руководящее место в разработке вопросов ис-

тории славянских народов, в изучении их языков и литературы, в объединении научных сил вокруг славяноведческих проблем. Советское славяноведение несомненно привлечет к себе внимание советских ученых, которые будут приезжать в Советский Союз для работы в советских архивах, для более тесного общения с исследователями, работающими на основе метода марксизма-ленинизма” [42. С. 12].

Идея создания Института была активно поддержана международной научной общественностью, собравшейся в июне 1945 г. на широком праздновании 220-летия Академии наук в России и СССР [45].

После выздоровления академик Н.С. Державин в начале 1946 г. обратился с письмом лично к И.В. Сталину, пытаясь убедить вождя в том, что именно он должен возглавить новый институт, упрекнув соперников в узости понимания проблем славяноведения. При этом он, выдавая желаемое за действительное, несколько приукрасил процесс интеграции славянских стран вокруг СССР, обосновывая тем самым необходимость создания комплексного Института славяноведения. Так он писал: “Великой любовью окружают нас все славянские народы Центральной и Южной Европы, с восхищением они следят за нашим развитием, справедливо видя в наших успехах залог их свободного, счастливого существования. Провозглашенные Вами начала нашей славянской политики являются началом новой эры в развитии всего славянского мира” [42. С. 17]. Однако маховик утверждения в различных инстанциях нового Института уже был запущен, и Державину пришлось лишь смириться с потерей своего лидерства в этом процессе.

Если ученые в секретных записках и письмах руководству страны откровенно почувствовали в “сталинской славянской политике” подспудную идею объединения славян под эгидой СССР, то широкой общественности она преподносилась осторожно и дозированно. В послевоенное время читателям журнала “Славяне” внушалась мысль о том, что “вне Советского Союза нет будущего у семьи славянских народов” [19. 1946. № 4. С. 20]. Более четко указанная завуалированная тенденция к созданию блока стран “новой демократии” и их будущей неизбежной “коммунизации” проявилась в период подготовки Славянского конгресса в Белграде (декабрь 1946 г.) [46], а также первого послевоенного конгресса ученых-славяноведов, который должен был пройти в Москве в апреле 1948 г. [47]. Накануне созыва несостоявшегося научного съезда 27 марта 1948 г. было созвано совещание в ЦК ВКП(б) членов его Оргкомитета. В своем напутствии ведущий идеолог партии А.А. Жданов откровенно рассказал о по существу панславистских планах объединения славянских народов вокруг СССР. Но с началом холодной войны он же призвал к осмотрительности, чтобы не компрометировать политику Советского Союза в глазах международного общественного мнения: “Мы можем дать этим повод американской пропаганде для обвинения нас в том, что славянство объединяется против США. Могут сказать, что Конгресс (славистов. – М.Д.) есть звено в цепи подготовки славян к столкновению с Америкой. *Это, конечно, не значит, что мы фактически не объединяем славян, это объединение идет* (курсив мой. – М.Д.). Но не надо выступать сейчас с этим, пусть пальма первенства в объединении блоков принадлежит самим американцам. США и Англия ищут сейчас всякого повода для того, чтобы обвинить нас в объединении славян против них. Зачем мы будем давать им в руки этот козырь?” [48. С. 10–11].

Таким образом, вопреки заявлениям официальной пропаганды, выраженной, в частности, в журнале “Славяне”, что СССР не имеет в своей международной политике никаких великодержавных панславистских целей, на самом деле происходило постепенное формирование блока государств Центральной и Юго-Восточной Европы, вставших на путь “народной демократии”, с попыткой их все-сторонней советизации [49]. При этом широко использовалась пропаганда славянской идеи. Однако эта тенденция очень скоро пришла в противоречие с реальностью: ведь в формирующийся блок входили и неславянские страны. И в этом случае при установлении режимов советского типа надежнее было опираться на доктрину пролетарского интернационализма. Был создан Коминформ, объединивший прежде всего компартии будущих стран социализма [24; 50; 51]. Но главный удар “панславистским” намерениям нанес разрыв отношений между лидерами компартий СССР и Югославии в июне 1948 г. [52–56] После этого идеология нового блока базировалась исключительно на классовой доктрине пролетарского интернационализма. Она же долгое время оставалась идейной основой активно развивающегося после войны советского славяноведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Носкова А.Ф.* Фашистский “новый порядок” в Восточной Европе и борьба славянских народов против нацизма // *Славянский альманах* 2005. М., 2006.
2. *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995.
3. *История Коммунистического Интернационала.* 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
4. *Вдовин А.И.* Национальный вопрос и национальная политика СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии // *Вестник Московского университета.* М., 2003. Серия 8. История. № 5.
5. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995.
6. *Васильева О.Ю.* РПЦ в политике советского государства в 1943–1948 годах. М., 1999.
7. *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы.* 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003.
8. Правда. 1941 4 VII.
9. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. М., 1997.
10. *Дубровский А.М.* “Весь славянский мир должен объединиться”: идея славянского единства в идеологии ВКП (б) в 1930–1940-х годах // *Проблемы славяноведения.* Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2000. Вып. 1.
11. *Петрова Н.К.* Антифашистские комитеты в СССР: 1941 – 1945 гг. М., 1999.
12. *Мировые войны XX века.* М., 2002. Кн. 3. Вторая мировая война.
13. *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* 1939–1945. М., 1995.
14. *Валев Л.Б., Марьина В.В., Славин Г.М.* Всеславянский комитет и освободительное движение зарубежных славянских народов в период Второй мировой войны // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов.* Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973.
15. *Досталь М.Ю.* “Новое славянское движение” в СССР и Всеславянский комитет в Москве в годы войны // *Славянский альманах.* 1999. М., 2000.
16. *Кикешев Н.И.* Славяне против фашизма. М., 2005.
17. *Толстой А.* Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма // *Вестник Академии наук СССР.* М., 1941. № 7–8.
18. *Корнейчук А.* Избавим человечество от кровавого фашистского кошмара // *Вестник Академии наук СССР.* М., 1941. № 7–8.
19. *Славяне.* 1942–1948.
20. *Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.)* // *Вопросы истории.* 2001. № 3.
21. *Славянские народы и Вторая мировая война. Круглый стол* // *Славяноведение.* 1996. № 3.
22. *Досталь М.Ю.* Славянская идея и славяноведение в годы Великой Отечественной войны // *Славянский альманах.* 2001. М., 2002.

23. *Макдермотт К., Агню Д.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000.
24. *Ватлин А.Ю.* Смерть Коминтерна // Родина. 1991. № 6–7.
25. Коминтерн и Вторая мировая война. М., 1999. Ч. 2. После 22 июня 1941 г.
26. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2–6, 9.
27. *Чернобаев А.А.* “Профессор с пикой” или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
28. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11.
29. *Досталь М.Ю.* Кафедра истории южных и западных славян накануне и в годы Великой Отечественной войны (К 65-летию основания) // Славяноведение. 2004. № 4.
30. *Державин Н.С.* Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. М., 1946. Т. 3. Кн. 2. (Ученые записки МГУ. Вып. 107).
31. Выступление товарища И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. // *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.
32. *Кикешев Н.И.* За други свои. М., 2005.
33. *Марьина В.В.* Славянская идея в годы Второй мировой войны (К вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997.
34. *Филатов А.М.* В комиссиях Нацкоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995.
35. *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002.
36. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. 1941–1945. В 3-х томах. М., 1946–1947.
37. Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993.
38. *Сиполс В.Я.* Великая Победа и дипломатия. 1941–1945. М., 1999.
39. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1997. Т. 1. 1944–1948.
40. АРАН. Ф. 1548. Оп. 1. Д. 274. Л. 26.
41. Центральный московский архив – Музей личных собраний. Ф. 43. Оп. 1. Д. 165. Л. 19–20.
42. *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6.
43. *Досталь М.Ю.* Институт славяноведения и балканистики РАН (К 50-летию его создания) // Славистичні студії. Львів 1997. Т. 1. Матеріали V Міжнародного славистичного колоквиуму. Львів, 14–16 травня 1996 р.).
44. *Досталь М.Ю.* Славянская комиссия АН СССР (1942–1946) // Славянский альманах. 1996. М., 1997.
45. *Досталь М.Ю.* Международные связи советских славистов в 40-е годы XX в. // Славянский альманах. 2003. М., 2004.
46. *Досталь М.Ю.* Белградский славянский конгресс победителей фашизма // Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998.
47. *Досталь М.Ю.* Идея славянской солидарности и несостоявшийся в Москве в 1948 г. первый общеславянский конгресс ученых славистов. // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997.
48. *Досталь М.Ю.* Запись беседы А.А. Жданова с организаторами конгресса ученых-славистов. Март 1948 г. // Исторический архив. М., 2001.
49. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. М., 2002.
50. *Гибианский Л.Я.* Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1991. № 4.
51. *Адибеков Г.М.* Коминформ и Восточная Европа. 1947–1956. М., 1994.
52. *Волков В.К., Гибианский Л.Я.* Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7.
53. Советско-югославский конфликт. 1948–1953 // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 3.
54. *Гиренко И.С.* Сталин – Тито. М., 1991.
55. *Гибианский Л.Я.* От “нерушимой дружбы” к беспощадной борьбе: модель “социалистического лагеря” и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков “социалистического содружества”: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
56. *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период “холодной войны” (1945–1957). М., 2002.

© 2007 г. А. С. УСАЧЕВ

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-БОЛГАРСКИХ
КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рассматривая памятники древнерусской книжности, исследователь сталкивается со множеством вопросов, связанных с выявлением как их непосредственных источников, так и произведений, так или иначе повлиявших на них. Нередко поиск подобных связей побуждает обратиться к балканским странам, книжная культура которых была тесно переплетена с судьбами литературы Древней Руси. Ниже мы рассмотрим один эпизод из истории русско-балканских книжных связей рубежа XIV–XV вв.

Бытование памятников южнославянской книжности на русской почве общеизвестно. Так, сочинения ряда болгарских писателей эпохи Средневековья получили распространение в целом ряде русских списков, начиная с XV в. При изучении сочинений южнославянских авторов в древнерусской письменности огромное значение приобретает вопрос о времени их появления на Руси. В настоящей работе мы сосредоточим внимание на раннем этапе бытования на Руси одного памятника болгарской литературы.

Среди распространенных на Руси южнославянских памятников большое значение имеют сочинения болгарского патриарха Евфимия Тырновского. Крупнейший представитель тырновской литературной школы оставил после себя немало произведений, часть которых получила достаточно широкое распространение на Руси. Однако остается открытым вопрос о том, с каким периодом можно связывать появление здесь сочинений болгарского писателя. На материале одного из них мы и попытаемся выяснить, когда именно труды Евфимия начали проникать на Русь.

К числу наиболее ярких сочинений Евфимия Тырновского относится Слово похвальное Константину и Елене (ок. 1374–1393 гг.), древнейший русский список которого, как указал в устной беседе А.А. Турилов, относится к 30-м годам XV в. (см. [1. Ф. 304.I. № 754]). Приходится ли начало распространения данного сочинения на этот период или есть основания говорить о более раннем бытовании Слова похального на Руси?

Сравнивая тексты памятников русской средневековой агиографии, мы обратили внимание на некоторые текстуальные совпадения. Так, удалось зафиксиро-

Усачев Андрей Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник НИО книговедения РГБ, преподаватель РГГУ.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-00497а) и гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект МК-6546.2006.6).

ровать ряд близких чтений в Слове похвальном Константину и Елене Евфимия Тырновского, Житии митрополита Петра, которое создавалось митрополитом Киприаном, согласно датировке Р.А. Седовой, ок. 1397 – 1404 гг. [2. С. 96], а также в Похвале князю Владимиру. Приведем эти фрагменты:

Слово похвальное Константину и Елене	Похвала Владимиру	Житие митрополита Петра
<p>“...Константин, добляа благочестия ветвь; Константин, апостольский ревнитель; Константин, црѣковное утверждение; Константин, идольский разрушитель; Константин, благоверия проповедник...”</p> <p>“Нь греди ми ниня и сам, Константине, и слово даруй, в еже о тебе начати слово. Вьса бо твоа чюдна, вьса твоа красна, вьсака црѣкви тобою украси се, вьсако царство тобою утверждает се, вьсак идол тобою потреблен бысть, вера христьянскаа тобою утверждена бысть” (цит. по [3. С. 104])</p> <p>“...Кто не възделеет иже благодетию почтенному, кто не прославит прославленного от Бога?” (цит. по [3. С. 144])</p>	<p>“Владимир – добляа благочестия ветвь! Владимир – апостольский ревнитель! Владимирь – церковное утверждение! Владимир – идольский разрушитель! Владимирь – благоверия проповедникь!”</p> <p>“...Но гряди ми ныне и сам, Владимире, и слово даруй в еже о тебе начати слово. Вся бо твоа чюдна! Вся твоа красна! Всяка цркви тобою украси ся, вся Русскаа земля тобою утверждается, всяк идол тобою потреблен бысть, вера христьянскаа тобою утвержена бысть...” (цит. по [4. С. 31])</p> <p>“Кто не възделеет иже благодатию почтенному? Кто не прославит прославленного от Бога?” (цит. по [4. С. 38])</p>	<p>“...Петр добляа благочестия ветвь, Петр апостольский ревнитель, Петр благоверия проповедник...”</p> <p>“И огради ми ныне, и сам, святителю Петре, вем бо недостойна себе тебе к похвалению, но ты ми слово даруй, в еже о тебе начати слово, вся бо твоа чюдна, вся твоа красна, всяка цркви тобою украси ся, вся земля Русьская тобою утверждается...” (цит. по [2. С. 100]).</p> <p>“Кто не възделеет иже благодатию почтенному, кто не прославит прославленного от Бога!” (цит. по [2. С. 101])</p>

Необходимо также отметить, что первые два отрывка сходным образом читаются в Поучении на память Владимира [4. С. 39], а также в 1-й главе 1-й степени Книги степенной царского родословия [5. С. 60]. Если характер связи двух последних памятников сомнений не вызывает – есть все основания говорить об использовании Поучения в степенной редакции Жития Владимира (это наблюдение было сделано студентом МДА Н.Ф. Околовичем в его неопубликованном кандидатском сочинении 1909 г. “Жития святых, помещенные в Степенной книге” (см. [1. Ф. 172. К. 325. № 2. л. 103 об., 118 и др.]; в настоящее время данная работа нами готовится к изданию), то на вопросе о параллелях в других сочинениях необходимо остановится подробнее.

Слово похвальное Константину и Елене принадлежит перу ярчайшего представителя тырновской литературной школы патриарха Евфимия (1374–1393 гг.). Памятник был посвящен болгарскому царю Иоанну Шишману (ум. 3.06.1395). Любопытно отметить, что к тырновской литературной школе принадлежал и будущий митрополит Киприан, который был близок Евфимию. В историографии уже неоднократно отмечалось связанное с его приходом на Русь возникновение интереса к памятникам болгарской литературы, которое приходится на последнюю четверть XIV в. [6. С. 215–254; 7. С. 64–70; 8. С. 34; 9. С. 321–337]. На Руси Киприан создает ряд памятников (в том числе и Житие митрополита Петра). Вряд ли можно сомневаться в том, что хорошо знакомому с Евфимием Киприану были известны его сочинения (оба книжника состояли в переписке, о влиянии трудов Евфимия на сочинения Киприана см., например

[10. С. 104–105; 11. С. 202; 12. С. 213–215]). Приведенные выше случаи текстуальных совпадений Жития митрополита Петра и Слова похвального Константину и Елене указывают на то, что, по-видимому, последнее входило в круг памятников, знакомых Киприану. Есть основания считать, что Киприан мог использовать произведение своего великого современника одновременно как образец для подражания и источник ряда характеристик описываемых персонажей. Если данное предположение справедливо, можно полагать, что с эпохой Киприана было связано появление на Руси не только кратких болгарских и сербских житий (см. [13. С. 70]), но и Слова похвального Константину и Елене.

Характер связи Слова Евфимия Тырновского и Похвалы Владимиру был вскрыт Н.Ф. Околовичем, который выявил целый ряд случаев текстуальной близости этих памятников (а также Поучения на память крестителя Руси). Слово похвальное, судя по всему, явилось источником Похвалы (и Поучения). Однако, в отличие от Жития митрополита Петра, атрибуция и датировка Похвалы Владимиру и Поучения на его память оставляет ряд вопросов. Согласно предположению А.М. Молдована, оба памятника были созданы в XIV в. на основе 2-й редакции “Слова о законе и благодати” киевского митрополита Илариона (по мнению исследователя, Поучение восходит к Похвале) [14. С. 33. Рис. 7]. Нами было высказано предположение о создании Похвалы в XV – первой трети XVI в. и Поучения в первой четверти XVI в. в Волоцком монастыре [4. С. 8–16]. Как бы то ни было, оба памятника уже существовали в первой трети XVI в.: древнейший список Похвалы датируется 20-ми годами XVI в. (см. [1. Ф. 304.I. № 678]; подробнее о датировке этой рукописи см. [15. S. 279–301; 16. С. 64–76; 4. С. 19–20]), единственный список Поучения относится к концу первой трети этого же столетия (см. [1. Ф. 113. № 659], о времени и обстоятельствах создания рукописи см. [17. С. 123; 4. С. 22–23]). В свою очередь, несомненный факт использования в этих памятниках рассматриваемого произведения Евфимия указывает на 70-е годы XIV в. (начало патриаршества Евфимия, а также время прихода на Русь Киприана, с которым, по-видимому, и связано появление списка Слова похвального на русской почве) как рубеж, ранее которого данные сочинения не могли быть созданы. Таким образом, оставляя вопрос о точном времени написания и авторстве Похвалы и Поучения открытым, можно отметить, что эти два памятника фиксируют использование фрагментов, по всей видимости, восходящих к Слову похвальному Константину и Елене, не ранее 70-х годов XIV в. и не позднее первой трети XVI в. На рубеже 50–60-х годов XVI в. два приведенных выше фрагменты были заимствованы из Поучения на память Владимира автором Степенной книги (подробнее о времени создания этого произведения см. [18. С. 28–40]).

Вероятно, в указанных выше случаях речь может идти об использовании неких трафаретных формул агиографии, которые могли адресоваться различным персонажам (императору Константину, князю Владимиру, митрополиту Петру). Однако их поиск в целом ряде памятников русской житийной литературы (за исключением приведенных выше примеров) результатов не дал. Отмечая очевидную необходимость продолжения данного исследования, можно констатировать, что хронологически наиболее ранним произведением, содержащим указанные выше чтения, является Слово похвальное Константину и Елене Евфимия Тырновского, с которым был связан автор Жития митрополита Петра (в Житии Константина и Елены Симеона Метафраста [1. Ф. 98. № 124], которое послужило источником Слова похвального Евфимия, данные фрагменты не

фиксируются). Все это побуждает рассматривать сочинение болгарского патриарха как вероятный источник (или образец) ряда памятников древнерусской книжности: Жития митрополита Петра, Похвалы Владимиру и Поучения на его память; опосредованно к нему восходит и Степенная книга. Учитывая датировку Жития митрополита Петра, можно наметить период, не позднее которого Слово похвальное Константину и Елене Евфимия стало известно на Руси, – рубеж XIV–XV вв., т.е. на два–три десятилетия раньше написания древнейшего известного русского списка этого памятника. Все это дает основания полагать, что проникновение сочинений болгарского патриарха на Русь началось вскоре после их написания, очевидно, при посредничестве близких к нему книжников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОР РГБ.
2. *Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993.
3. *Kaluzniacki Em.* Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius. Wien, 1901.
4. *Усачев А.С.* Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование и тексты) // Вестник церковной истории. 2006. Вып. 2.
5. Книга степенная царского родословия. ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. 1-я половина.
6. *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 19.
7. *Дмитриев Л.А.* Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции великотырновской школы // Ученики и последователи на Евтимий Търновски: втори международен симпозиум. Велико Търново, 20–23 май 1976. София, 1980.
8. *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.). М.; Л., 1962.
9. *Турилов А.А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV – XV в. и “второе южнославянское влияние” // Древнерусское искусство: Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998.
10. *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19.
11. *Дончева-Панайотова Н.* Поетика и стилистика на житието и похвалното слово за митрополит Петър от Киприан // Руско-балкански културни връзки през средновековието = Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982.
12. *Станчев К.* Търновската школа и развитието на агиографските жанрове // Руско-балкански културни връзки през средновековието = Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982.
13. *Турилов А.А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV – начала XVI в. // Руско-балкански културни връзки през средновековието = Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982.
14. *Молдован А.М.* “Слово о законе и благодати” Илариона. Киев, 1984.
15. *Дыбо В.А., Кучкин В.А.* Болгарский текст в русской минее XVI в. // Byzantinobulgarica. 1966. Т. II.
16. *Молдован А.М.* К истории составления троицкой минее № 678 (значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // ЗОР ГБЛ. М., 1981. Вып. 42.
17. *Клосс Б.М.* Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV – первой половины XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. 6.
18. *Усачев А.С.* К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22).

© 2007 г. Л.Е. ГОРИЗОНТОВ

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР: ПЕРВЫЕ ГОДЫ (ПО НОВЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Замечательный польский историк и долгожитель профессии Стефан Кеневич отмечал постепенное сокращение в XX в. дистанции, отделяющей изучаемое время от времени его научного изучения [1. S. 233–234]. Падение коммунистических режимов качественным образом ускорило этот процесс. Совершенно иначе, чем двадцать лет тому назад, выглядят возможности изучения современности. Изменился и характер взаимодействия между историей и науками о современности.

История науки, пожалуй, находится в арьергарде этих общих веяний. Так, сегодня систематическое исследование прошлого отечественного славяноведения обрывается на рубеже 1930–1940-х годов – том моменте, когда оно, будучи почти полностью ликвидированным, только начинало возрождаться. Что ж, сочинитель стихотворной летописи Института славяноведения Б.Ф. Стахеев (1924–1993) напоминал мудрое предостережение А.К. Толстого: “Ходить бывает склизко по камешкам иным...”

Между тем, 1950–1960-е годы – героический период отечественного славяноведения, когда ценою огромных усилий были выращены кадры и созданы многочисленные компендиумы, 70–80-е годы XX в. – его советский зенит, когда по ряду направлений определилось мировое лидерство наших славистов, последнее пятнадцатилетие – время адаптации науки к условиям коренной социокультурной трансформации, ее раскрепощения и интернационализации, заслуживают самого пристального внимания. Обращение к истории головного славистического учреждения страны – Института славяноведения РАН, который в этом году отметил свой 60-летний юбилей, – позволяет проследить эти этапы с наибольшей полнотой и сделать небесполезные для дальнейшего развития науки выводы.

Первый из публикуемых документов – постановление Президиума АН СССР по результатам проверки работы Института за первые три года его существования – примечателен фиксацией ожиданий руководства Академии от недавно созданного в ее структуре научного учреждения. Датированный 15 декабря 1949 г., он обнаружен в архивном фонде Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В постановлении отмечены многочисленные упущения организационно-кадрового

Горизонтов Леонид Ефремович – д-р ист. наук, профессор РГГУ, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

характера. Отражены такие родовые черты советской науки, как централизация, администрирование, плановость, нацеленность на коллективные труды. Чего стоило одно лишь указание укомплектовать штат за полтора месяца! Кандидатов на замещение ставок в ту пору было совсем немного. Почти по всему спектру славистических дисциплин недоставало даже университетских преподавателей. Как заявил в середине 1946 г. академик Н.С. Державин (1877–1953), “славяноведческие круги у нас небольшие, довольно жидкие” [2. С. 20]. Публикуемые материалы наглядно показывают несколько улучшившуюся, но все же крайне сложную, кадровую ситуацию рубежа 40–50-х годов XX в.

Присутствовавший на заседании Президиума АН СССР 15 декабря 1949 г. С.Б. Бернштейн так написал о нем в своем дневнике: “Сегодня наш Институт славяноведения отчитывался перед Президиумом Академии. Греков сделал доклад, в котором обнаружил полное незнание работы Института. Сделал в докладе много ошибок. С содокладом от обследовавшей Комиссии выступил А.Д. Удальцов, который, как всегда, говорил общими словами”. В прениях выступили директор Института этнографии С.П. Толстов и президент АН СССР С.И. Вавилов: последний указал на необходимость длительных командировок в славянские страны для подготовки научных кадров. В кулуарах Бернштейн заметил вице-президенту АН СССР В.П. Волгину, что кадровой проблемы в славяноведении не существовало бы, сохранись в начале 1930-х годов Цикл южных и западных славян историко-этнологического факультета МГУ, последним выпускником которого он был. Весьма дерзкая, надо признать, вольность, поскольку, являясь деканом факультета, Волгин был прямо причастен к разрушению славистического образования!

Характерно, что очередная комиссия, обследовавшая Институт ровно год спустя, также осталась “многим недовольна” [3. С. 139, 142, 155]. Московский Институт славяноведения в первые годы существования был недалеко от того, чтобы повторить судьбу своего ленинградского предшественника, так и не успевшего отметить свое трехлетие. Спасло его, конечно, то, что славянские государства после войны стали интересны Кремлю как спутники СССР.

Соответственно, приоритетом становится налаживание связей с “прогрессивными учеными” стран народной демократии [4]. Неслучайно, что буквально в канун заседания Президиума первый директор Института академик Б.Д. Греков сделал на его Ученом совете доклад о своей поездке в Польшу. Правда, из числа дружественных государств после известного заявления Коминформбюро от 29 июня 1948 г. выпала Югославия. Характерно, что среди упоминаемых в постановлении “историй” зарубежных славянских стран, работа над которыми началась уже на рубеже 40–50-х годов XX в., югославский труд отсутствует.

Приметой времени явилось обвинение группы сотрудников Института в буржуазном объективизме – “серьезных ошибках буржуазно-объективистского характера”. Мало того, что четверо были названы поименно (а это уже десятая часть коллектива!), – в тексте постановления присутствовало угрожающее “и др.”. В 1949 г. двое из “объективистов” покинули институтские стены, причем в их числе – конфидент академика Державина В.Т. Дитякин; остальные двое еще долгое время работали в Институте. “Буржуазный объективизм” в ту пору противопоставлялся классовому подходу и партийности и считался питательной средой для космополитизма. Он инкриминировался “Истории Чехии” (с участием Б.М. Руколь), “Славянскому сборнику” (т. 1–2) и “Документам к истории славяноведения в России (1850–1912)”, изданным Институтом в 1947–1948 гг. [5].

Все “объективисты” являлись историками со специализацией по Польше, Чехии и Югославии. Примечательно, что защищенные в годы войны диссертации В.Н. Кондратьевой и М.В. Миско были посвящены польскому восстанию 1863–1864 гг., которое впоследствии станет главным объектом внимания институтских специалистов по истории Нового времени. Оба полониста – выпускники упоминавшегося выше Цикла южных и западных славян МГУ.

Второй и третий документы связаны между собою тематически, временной близостью (1951 г.), архивным фондом Института славяноведения и своим составителем – тогдашним заместителем директора Института Валентиной Адриановны Смирновой (1902–1965). Специалист по новейшей истории Чехословакии, Смирнова успела поруководить Институтом, придя в него новоиспеченным кандидатом наук и проработав менее 5 лет (1948–1952). У Б.Ф. Стахеева этот период обозначен как “матриархат Смирновой”: она сосредоточила в своих руках административные рычаги при “тишайшем”, по определению А.А. Зимина, директоре Грекове [6. С. 32]. Один из этих документов является обращением Института в Президиум АН СССР, второй (без указания даты и адресата) также, по всей видимости, предназначался для отправки в вышестоящие инстанции. В содержательном плане они посвящены славянскому языкознанию.

Подобный выбор сделан не только потому, что так “легли карты” архивных находок, но и из тех соображений, что именно из лингвистического меньшинства Института славяноведения вышла впоследствии когорта ученых, принесших ему наиболее яркую мировую славу. Из постановления Президиума АН СССР 1949 г. следует, что начальство ожидало от Института в первую очередь разработки новейшей истории европейских стран народной демократии. Однако ровно полгода спустя появляются руководящие документы куда более высокого ранга – тексты И.В. Сталина по вопросам языкознания, печатавшиеся в “Правде” с 20 июня 1950 г. и дезавуировавшие “новое учение о языке” Н.Я. Марра (1864–1934).

Хотя не все в сталинских указаниях выдерживало критику с точки зрения специалистов (особенно озадачил многих тезис о курско-орловском диалекте как основе формирования литературного русского языка), то был звездный час отечественного славяноведения. Марризм фактически перечеркивалось славянское языкознание, исходящее из генетического родства изучаемых языков, между тем, близкородственность славян служила важнейшим основанием существования славяноведения в целом [7. С. 145–190]. Именно среди славистов сопротивление “новому учению” с его таинственными “диффузными выкриками” *сал, бер, йон, рош* было наиболее упорным. Хотя марристы находились и в их рядах: ярким примером может служить один из наиболее влиятельных тогда славистов академик Державин. Заявление Смирновой о том, что “в нашем коллективе нет и не было марристов”, следовательно, не заслуживает полного доверия.

В 1950 г. языковеды-слависты оказались необыкновенно востребованными, их прошлые заслуги борьбы с марризмом по достоинству оценены, “зеленый свет” дается сравнительному изучению языков – и это несмотря на то, что еще совсем недавно, в ходе борьбы с космополитизмом, компаративистика попала в немилость. Не без сильного, надо полагать, давления извне Греков был готов весной 1951 г. расстаться со своими лингвистами, передав их в штат Института языкознания [3. С. 159]. На волне реабилитации компаративистики лингвистам Института славяноведения уже в ранние 1950-е годы удалось настоять на вклю-

чении в плановую проблематику изучения восточнославянского материала. Последнее не могли не поддерживать историк-отечествовед Греков, сам много занимавшийся сравнительным изучением памятников древнего славянского права (после войны активно привлекая югославянский и польский материал), и сменивший его в 1951 г. на директорском посту специалист по отечественной археологии П.Н. Третьяков. Греков поспешил распространить реабилитированные в языкознании подходы на “изучение явлений общественной жизни славянских народов” [8. С. 12].

За два года, прошедшие между первым и третьим документами, производится смена руководства Института. Возможно, декабрьское постановление 1949 г. следует рассматривать как звено в цепи мер по вытеснению Грекова с командных постов в науке: 1951 г. – снятие с поста директора Института славяноведения, 1953 г., незадолго до его смерти, – снятие с постов директора Института истории и академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР. Устранению Грекова с должности директора Института истории предшествовали сходные обвинения в засорении вверенного ему учреждения “политически сомнительными” людьми, недостатках в подготовке кадров, уходе от актуальных проблем, нежелании возглавить советских историков в деле перестройки научной работы [9]. Примечательно, что трое из четырех “буржуазных объективистов” Института славяноведения – бывшие сотрудники сектора славяноведения Института истории, которым руководил В.И. Пичета (1878–1947).

Возрождение славянского языкознания открыло двери Института для ученицы С.Б. Бернштейна И.Е. Можяевой и ее однокурсников. Окончив в 1948 г. образованную в 1943 г. кафедру славянской филологии филологического факультета МГУ [10], в начале 1952 г. она стала сотрудником Института, где прошла вся ее трудовая жизнь. Камерное и теплое мемуарное свидетельство Инессы Евгеньевны Можяевой (1925–1996) удачно дополняет сухие строки казенных бумаг. Инесса Евгеньевна много помнила и, выйдя на пенсию, можно сказать, жила воспоминаниями, свято хранила материалы институтских капустников. Именно у нее я впервые познакомился со стихами Стахеева.

Но от устных сказаний ветеранов науки до написания ими воспоминаний нередко бывает весьма далеко. Одни делают этот шаг сами. Так, В.А. Дьяков (1919–1995), решив, что “мемуарный возраст” у него настал в 75 лет, успел закончить несколько глав, в том числе о своей работе в Институте славяноведения. Правда, об Институте, в отличие от военных мемуаров, он писал достаточно сухо и, кажется даже, неохотно – и это при том, что сам очень много занимался историей славяноведения и был патриотом научного учреждения, в котором проработал более трети века [11]. В ответ на мой вопрос, почему так, он лишь перечислил ряд фамилий руководителей Института: не о них же вспоминать... Гораздо меньше, чем знал и рассказывал, доверил бумаге Г.Э. Санчук (1917–1996) – участник знаменитых “пичетников” и один из тех, кто попал в Институт славяноведения из сектора славяноведения Института истории АН СССР. Другие решаются на запись воспоминаний лишь при наличии посторонней помощи. Использование диктофона переводит работу в русло устной истории. Третьи же категорически отказываются, ссылаясь на то, что у них “нет времени” или “еще не время”.

Уже свершившимся фактом и серьезным прорывом в данной области стала публикация воспоминаний и дневниковых записей Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997) – одного из главных “моторов” возрождения университет-

ской и академической славистики, фактически с момента основания, а официально с осени 1948 г. – заведующего кафедрой славянской филологии (славянского языкознания) филфака МГУ, а с 1947 г. – руководителя лингвистических подразделений Института славяноведения. И на сегодняшний день, бесспорно, главного институтского мемуариста. Напомню, что работа с мемуарами Бернштейна началась еще при жизни патриарха отечественного славяноведения. Бернштейну по праву принадлежит центральное место в тексте Можяевой, которую удалось-таки уговорить собственноручно записать воспоминания. Работать с ней было приятно. Не забуду, как трогательно она осведомлялась, уместно ли описывать “калошные истории”.

Воспоминания Можяевой важны не только для истории Института, но и для представления о том, как готовились слависты-филологи в период войны и в первые послевоенные годы в МГУ. Молодых специалистов не минули политические бури позднего сталинизма. Югославистов, к числу которых принадлежала и мемуаристка, особенно. Репрессиям подверглась упоминаемая Можяевой университетская преподавательница сербского языка.

Наука вынуждена была чутко реагировать на политическую конъюнктуру, следовать переменчивым и одновременно жестким правилам большой игры, ловить в свои паруса попутные ветры. Ученые и студенты привлекались к деятельности таких крайне политизированных институций, как Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Славянский комитет СССР (до 1947 г. – Всеславянский комитет) и Совинформбюро при Совете министров СССР. Выпускники славянских кафедр МГУ работали в совминовских структурах – Всесоюзном радиокомитете и Главлите СССР, а Институт славяноведения находился под угрозой кадрового пополнения аспирантами образованной в 1946 г. Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Ученых курировали партийные инстанции, в частности, отвечавший за науку в аппарате ЦК сын А.А. Жданова Юрий. В самой Академии наук и высшей школе было предоставлено структур и лиц, которые бдительно охраняли политическую стерильность славяноведения.

Но не только и не столько об этом у Можяевой. Прочитав ее воспоминания, можно узнать, что из шести институтских комнат три были отведены под библиотеку, которой у Института давно уже нет, а вновь созданный сектор литературоведения помещался на “черном кожаном диване”. И еще про дух демократизма, который выгодно отличал Институт славяноведения тех лет от других, “старших по возрасту” научных учреждений. Начало большого дела всегда вдохновляюще действует на людей науки, в чем я в очередной раз убедился, готовя к печати параллельно с настоящей публикацией воспоминания о том же самом периоде в Центре русских исследований Гарвардского университета (США) – одном из антагонистов московского Института славяноведения на поле изучения Восточной Европы.

Не все настоятельные рекомендации академического начальства (как, впрочем, также его собственные обещания и отчаянные обращения в инстанции со стороны Института) имели реальные последствия. Например, не вошло в практику проведение дважды в год общесоюзных совещаний славистов [12], далеко не всегда предоставлялись обещанные ставки, переселения в особняк в Трубниковском переулке пришлось подождать. Борьба за ставки и помещение, слухи о закрытии Института будут сопровождать его существование все 60 лет...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kieniewicz S.* Historyk a świadomość narodowa. Warszawa, 1982.
2. *Досталь М.Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6.
3. *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи / Публикация подготовлена М.Ю. Досталь и А.Н. Горяиновым при участии Г.К. Венедиктова, В.П. Гудкова, Р.В. Булатовой и Е.Н. Овчинниковой. М., 2002.
4. *Горизонтов Л.Е.* “Методологический переворот” в польской исторической науке на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6; *Досталь М.Ю.* Международные научные связи советских славистов в 40-е годы XX века // Славянский альманах 2003. М., 2004.
5. *Досталь М.Ю.* С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на историческом факультете МГУ // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004.
6. Александр Александрович Зимин. М., 2005.
7. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917–начало 1930-х годов). М., 2004.
8. Академику Б.Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952.
9. *Горская Н.А.* Академик Борис Дмитриевич Греков // *Греков Б.* Киевская Русь. М., 2004. С. 24. *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.
10. *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948) (К 60-летию ее основания) // Славяноведение. 2003. № 5.
11. Из воспоминаний В.А. Дьякова // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997; *Włodimir Dżakow.* Wspomnienia // *Przegląd Wschodni.* 1997. T. IV. № 4(16).
12. Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Библиографический словарь. Нью-Йорк, 1993.

1.

Президиум Академии Наук Союза ССР Постановление

г. Москва

15 декабря 1949 г.

(Протокол № 30 заседания Президиума. § 383)

383. Отчет о научной деятельности, состоянии и подготовке кадров Института славяноведения АН СССР.

Докладчик академик Б.Д. Греков

Содоклад Комиссии Президиума член-корреспондент АН СССР А.Д. Удальцов (1)

Президиум Академии Наук СССР отмечает, что за три года своего существования Институт славяноведения проводил работу в области изучения истории, языка и литературы славянских стран, выпустил в свет 3 (2) и сдал в печать 5 научных работ, опубликовал свыше 30 научных статей и рецензий в журналах Академии Наук, провел в 1948–1949 гг. 5 научных сессий, привлечших внимание широкой общественности.

Наряду с этим Президиум отмечает, что в работе Института славяноведения имеются серьезные недостатки:

1. Институт не обеспечивает выполнение стоящих перед ним больших задач. Организационный период в Институте недопустимо затянулся и фактически еще не закончен. Ученый совет Института бездействует и не является направляющим центром в жизни Института. Ведущие научные сотрудники чрезмерно заняты работой по совместительству и не в состоянии уделять Институту должного внимания. Директор Института, академик Б.Д. Греков, являющийся одновременно академиком-секретарем Отделения истории и философии, директором Института истории и выполняющий ряд других поручений, не имеет по Институту славяноведения заместителей в полном штатном составе. Должности зам. директора и заведующего сектором литературы и языка до сих пор не замещены. Институт не имеет также достаточного количества научных сотрудников и научно-вспомогательного персонала.

2. Институт не ведет достаточно активной борьбы против идеологических извращений в области славяноведения. Не вся научная продукция Института стоит на должном теоретическом уровне; выявлены серьезные ошибки буржуазно-объективистского характера в работах сотрудников Института – В.Т. Дяткина, М.В. Миско, Б.М. Руколь, В.Н. Кондратьевой и др. (3)

3. Институт все еще не координирует и не возглавляет работу славяноведов, работающих как в академических, так и во внеакадемических учреждениях СССР.

Не разработаны мероприятия по организации связи Института с научными работниками в области славяноведения в странах народной демократии.

Поэтому Институт все еще не является боевым научным центром, направляющим всю работу в области славяноведения в нашей стране и действительно помогающим прогрессивным ученым стран народной демократии в их борьбе за марксистскую науку, не выполняя, таким образом, тех задач, которые ставятся перед ним Партией и Правительством.

4. Большим недостатком в деятельности Института является почти полное отсутствие в нем специалистов по новейшей истории славянских стран, в связи с чем невозможна разработка наиболее важных и актуальных проблем возникновения и развития народной демократии. Из круга исследований Института выпадают не только многие важные проблемы, но и целые области науки – история Словакии, болгарская литература, все славянские языки, кроме болгарского.

5. Совершенно недопустимым является то обстоятельство, что основные темы утвержденного Правительством академического плана не обеспечены полностью штатными исполнителями, а поручены авторам, приглашенным со стороны. Стоят под угрозой невыполнения такие важные проблемы академического плана 1949–1950 гг., как “История Польши”, “История Чехословакии”, “История Болгарии”.

6. Не на должной высоте стоит контроль за выполнением плановых работ Института. Недостаточно конкретны планы отдельных сотрудников Института, особенно по сектору филологии.

7. Руководство аспирантурой Института славяноведения не обеспечено. Президиум Академий Наук СССР постановляет:

1. Обязать дирекцию Института славяноведения устранить имеющиеся недостатки и обеспечить выполнение Институту задач, поставленных перед ним Партией и Правительством, как перед научным центром всей славяноведческой работы в СССР.

2. В этих целях обязать дирекцию Института славяноведения:

а) Организовать четкий контроль за выполнением академического плана научно-исследовательских работ Института славяноведения, обеспечив все темы штатными исполнителями и завершение в срок всех запроектированных по плану 1950 г. трудов.

б) Разработать в течение первого полугодия 1950 г. конкретный план научно-исследовательских работ по славяноведению на предстоящую пятилетку (1951–1955 гг.) с учетом задач, поставленных перед Институтом Партией и Правительством.

в) Разработать к 1.I.1950 г. конкретный план координации Институтом славяноведения научно-исследовательской работы в области славяноведения институтов Академии Наук СССР (Института истории материальной культуры, Института этнографии, Института истории искусств, Института мировой литературы и др.) и соответствующих кафедр ВУЗ'ов СССР.

г) Для научно-политического руководства работой в области славяноведения, ведущейся на периферии, проводить в Институте периодические (не реже 2 раз в год) общесоюзные совещания славяноведов по отдельным проблемам истории, литературы и языка славянских народов. Разработать и представить в Президиум к 1.I.1950 г. конкретный план таких совещаний на 1950 год.

д) Установить деловые связи Института с соответствующими научными учреждениями стран народной демократии. Привлекать прогрессивных ученых этих стран к обсуждению важнейших проблем славяноведения и к участию в изданиях Института.

е) Представить к 1 января 1950 года мотивированную заявку на необходимые научные командировки сотрудников Института в Польшу, Чехословакию и Болгарию в 1950 году.

3. Войти с ходатайством в Совет Министров СССР о командировании научных работников (историков, лингвистов, специалистов по различным разделам культуры) в страны народной демократии для изучения языка и ознакомления с культурой и экономикой данных стран в целях подготовки кадров славяноведов.

4. Разрешить Институту славяноведения издать в 1950 году 4 выпуска "Кратких сообщений" (объемом до 8 – 10 авторских листов каждый) (4).

5. Поручить Штатно-бюджетной комиссии Президиума АН СССР рассмотреть вопрос об увеличении штата Института славяноведения на 15–20 штатных единиц научных сотрудников.

6. Создать в Ленинграде группу Института славяноведения во главе с академиком Н.С. Державиным (5). Штатно-бюджетной комиссии Президиума АН СССР рассмотреть вопрос о выделении для этой группы штатных единиц.

7. Предложить директору Института академику Б.Д. Грекову к 1 февраля 1950 года укомплектовать штат Института квалифицированными научными сотрудниками-славяноведами и совместно с Управлением кадров АН СССР подобрать и представить на утверждение Президиума АН СССР кандидатуру заместителя директора Института.

8. Директору Института академику Б.Д. Грекову совместно с Управлением кадров (тов. Борисов П.А.) возбудить ходатайство о направлении на работу в Институт славяноведения группы молодых специалистов из числа оканчивающих аспирантуру Академии общественных наук ЦК ВКП(б) по специальности славяноведение.

9. Определить контингент приема в аспирантуру Института славяноведения на 1950 год – 15 аспирантов и 5 докторантов. В дальнейшем при определении контингента приема в аспирантуру учитывать потребность научных учреждений и ВУЗ'ов страны в славяноведческих кадрах.

10. Ходатайствовать перед Министерством высшего образования СССР о предоставлении Институту славяноведения преимущественного права отбора кандидатов в аспирантуру Института из числа студентов, оканчивающих в 1950 году государственные университеты.

11. Обязать Библиотеку АН СССР передать Институту славяноведения из Ленинграда дублетные фонды по славяноведению.

12. Принимая во внимание, что площадь, занимаемая Институтом славяноведения, не обеспечивает нормальных условий для развертывания научной работы и подготовки кадров, поручить Управлению делами Академии Наук СССР внести в Президиум к 15 января 1950 г. предложения о предоставлении Институту славяноведения дополнительной рабочей площади в размере 450 кв. метров.

П.п. Президент

Академии Наук СССР, академик – *С.И. Вавилов*
Главный ученый секретарь Президиума Академии Наук СССР, академик – *А.Б. Топчиев*
(Печать протокольного отдела АН СССР)

Российский Государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 132. Д. 341. Л. 5–10.

2.

Одной из важнейших задач советского языкознания, вытекающих из гениального произведения И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, является сравнительное изучение славянских языков. Товарищ Сталин указал, что сравнительное изучение славянских языков, изучение их языкового родства “могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка”. На первый план здесь, естественно, выдвигается работа по сравнительной грамматике славянских языков. Эта работа имеет громадное значение для решения теоретических вопросов языкознания, эта работа позволит претворить в жизнь указание И.В. Сталина о связи языка с историей общества, ибо сравнительная грамматика может и должна строиться на исторической основе. Эта работа, наконец, имеет громадное практическое значение, ибо создание сравнительной грамматики славянских языков полнее раскроет грамматический строй каждого из славянских языков – уточнит его грамматику и принесет тем самым большую пользу делу преподавания языка в средней и высшей школе.

Изучение сравнительной грамматики славянских языков является, однако, не только задачей первостепенной важности, но и чрезвычайно сложной задачей – задачей огромного объема, решение которой под силу лишь большому, высококвалифицированному и слаженному коллективу. Решением Президиума АН СССР работа по сравнительному изучению славянских языков возложена на Институт славяноведения. И первый практический вопрос, который стоит

перед нами – что нужно сделать, чтобы Институт эту работу с успехом осуществил? Институт к разрешению этой задачи почти не приступил.

Как известно, в Институте славяноведения создан сектор славянского языкознания решением Президиума в конце марта этого года. Нужно сказать, однако, что это решение было в значительной степени формальным. При создании сектора Институт получил лишь 3 штатных единицы. Вместе с лингвистами, работавшими в Институте ранее, у нас работают шесть лингвистов. Из них 1 доктор наук, 3 кандидата.

Естественно, что такое количество не может обеспечить необходимыми специалистами по разным славянским языкам, специалистами по общему языкознанию.

В составе сектора славянских языков имеются в настоящее время только специалисты по болгарскому языку и один младший научный сотрудник без степени по чешскому языку. Отсутствуют специалисты по польскому, сербскому, хорватскому, словацкому и другим славянским языкам. При таком состоянии кадров осуществление возложенной на Институт работы по сравнительному славянскому языкознанию невозможно. Необходимо значительное расширение научного состава сектора славянских языков с привлечением специалистов по всем славянским языкам, в том числе и восточнославянским (русскому, украинскому и белорусскому) и специалистами по общему языкознанию, обладающими высокой теоретической подготовкой.

Для успешного осуществления этой задачи необходимо, чтобы Институт немедленно развернул работу по сравнительному языкознанию, но Институту обязательно нужна помощь, ибо без этой помощи мы не сможем выполнить возложенных на нас задач.

1. Институту необходимо предоставить возможность приглашения на работу лингвистов – специалистов по западным и южным славянским языкам.

Если Институт в области сравнительного изучения славянских языков будет заниматься и восточнославянскими языками, а Институт славяноведения считает это целесообразным, то Институт должен пригласить и специалистов по русскому, украинскому и белорусскому языкам.

Для этого необходимо Институту предоставить штатные возможности. В этом году мы сможем подобрать 5 специалистов. В будущем 1952 году не менее 10–15. Подбор кадров представляет большие трудности, даже подбор молодых специалистов, не говоря уже о высококвалифицированных кадрах, поэтому Институт должен быть уверен, что подобранные им специалисты могут быть обеспечены штатными возможностями. Мы просим в решении Президиума записать о предоставлении в 1952 году 10–15 штатных единиц, как это было в проекте решения на заседании секретариата.

2. Институту необходима помощь Института языкознания, часть научных работников Института языкознания может и должна принять участие в работе по сравнительному языкознанию (Кузнецов, Аванесов и др.), но в планы этих работников не внесена работа по сравнительному языкознанию. Мы просим, чтобы эта работа была внесена в их планы, чтобы она стала их плановой, обязательной для них работой.

Кроме того, наш Институт нуждается в теоретической помощи, в критическом обсуждении своих работ. Институт языкознания в этом нам никогда не отказывал. Мы просим и при увеличении объема нашей работы оказывать нам такую помощь.

3. Институт в ближайшие месяцы обязан, и он это сделает в самое ближайшее время, подготовить программу maximum и программу minimum по сравнительному изучению славянских языков.

При условии увеличения научного состава сектора языкознания Институт считает целесообразным поставить на ближайшее пятилетие (1952–56 гг.) разработку темы “Именное склонение в славянских языках”. По этой теме будут проведены исследования по отдельным славянским языкам и старославянскому языку, и на их основе написана обобщающая работа. Итоги работы по сравнительной грамматике славянских языков предполагается публиковать в специальных сборниках Института, которые будут выходить ежегодно. Первый сборник, намеченный к выпуску в 1952 году, будет подготовлен совместными силами Института славяноведения и Института языкознания.

4. Исследования в области сравнительной грамматики славянских языков будут проводиться и в других научных и учебных заведениях нашей страны (Академии Наук союзных республик, Московский, Ленинградский, Киевский университеты и др.). В связи с этим в Академии Наук СССР при Президиуме необходимо создать комиссию по сравнительному изучению славянских языков, которая явилась бы консультативным органом.

5. Вопрос о подготовке и переподготовке кадров.

Ввиду того, что Институт не располагает кадрами вполне квалифицированных специалистов для работы по сравнительной грамматике славянских языков, и вопрос подготовки и переквалификации кадров будет являться основной задачей ближайших лет деятельности Института, дирекция просит выделить специальные средства на организацию занятий языками, в первую очередь языками, необходимыми для работы в области сравнительной грамматики славянских языков.

Институт просит также предусмотреть в плане будущего набора аспирантов (1952–53 учебн. г.) увеличение количества аспирантских мест по Институту славяноведения для подготовки специалистов в области сравнительного славянского языкознания и отдельных славянских языков. На 1952–1953 уч. год просим предоставить Институту право приема пяти аспирантов по этим специальностям.

Институт очень удовлетворен постановкой этого вопроса на заседании Президиума. Это обсуждение и решение Президиума должно положить начало настоящей творческой работе для претворения в жизнь одной из важнейших задач советского языкознания – сравнительного изучения славянских языков (6).

Институт должен преодолеть, и он преодолет сложные задачи подбора кадров, разработки программы работы и ее организацию. Наш маленький коллектив языковедов, пополненный новыми силами, сможет выполнить эти задачи. В нашем коллективе нет и не было марристов, и мы уверены, что они справятся с поставленными задачами*. Мы просим Президиум устранить все досадные недоразумения, которые происходили в аппарате Президиума с просьбами и запросами Института в области славянского языкознания.

В. Смирнова

Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 70. Л. 8–12.

* подчеркнуто красным карандашом.

21.12. 51

В отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
тов. Ю.А. Жданову

В послевоенные годы в области славянского языкознания сделано было мало. Вне внимания исследователей находились основные, центральные проблемы этой науки: происхождение славянских языков, сравнительная грамматика славянских языков, история древнейшего периода славянских языков, старославянский язык и др. Всеми указанными проблемами заниматься было невозможно, так как Н.Я. Марр и его ученики третировали изучение семей языков как проявление теории “праязыка”. Лишь член-корреспондент Академии Наук СССР проф. Л.А. Булаховский (7) продолжал заниматься вопросами сравнительной фонетики славянских языков, несмотря на то, что его работы “учениками” Марра объявлялись порочными. “А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка” (Сталин).

Несмотря на указанные трудности, работа в области славянского языкознания все же продолжалась. За последние пять лет в области славянского языкознания проводились следующие работы:

1. Чл.-корр. АН СССР проф. Л.А. Булаховский опубликовал ряд работ по вопросам истории славянского ударения. В настоящее время им заканчивается капитальное исследование истории ударения во всех славянских языках. Следует указать большое исследование проф. Булаховского, посвященное наименованию птиц в славянских языках, работу профессора Кировского Педагогического Института В.П. Петруся о слоговых плавных в славянских языках (краткое извлечение из работы напечатано в “Известиях языка и литературы АН СССР”).

2. Работа по изучению славянских литературных языков ведется акад. В.В. Виноградовым (8) и проф. Л.А. Булаховским (см. например статью акад. В.В. Виноградова “Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков” – В[естник] М[осковского] у[ниверситета]. 1949, № 7).

3. Уделялось внимание вопросам фонологии. Следует указать работу проф. П.С. Кузнецова, посвященную изучению состава фонем в сербском языке, ряд статей проф. Р.И. Аванесова о древних славянских фонемах и другие (9).

4. Велась работа в области истории и диалектологии болгарского языка. Ряд работ выполнен проф. С.Б. Бернштейном (см. список его печатных работ). Под его руководством в Институте славяноведения ведется работа по изучению болгарских говоров СССР. Доцент МГУ В.В. Бородич работает над изучением истории болгарского глагола (10).

5. Доцент А.Г. Широкова и кандидат филологических наук Н.А. Кондрашов работают в области словацкой диалектологии, которой посвящены их кандидатские диссертации (11).

В настоящее время в секторе филологии Института славяноведения АН СССР, объединяющем литературоведов и языковедов, имеются четыре научных сотрудника – специалиста в области славянского языкознания:

1. Доктор филологических наук, проф. С.Б. Бернштейн – специалист по славянскому языкознанию. Стаж научной работы с 1931 г. В Институте славяноведения АН СССР проф. Бернштейн работает с 1/1 – 1947 года. Докторская диссертация “Разыскания в области болгарской исторической диалектологии” проф. Бернштейном защищена в 1946 году.

2. Кандидат филологических наук Е.В. Чешко – специалист по болгарскому языку. Стаж научной работы с 1947 года. В штат Института Е.В. Чешко зачислена в октябре 1947 года. Кандидатская диссертация “Словообразование глаголов движения в современном русском литературном языке” защищена в июне 1947 года.

3. Кандидат филологических наук Ю.С. Маслов – специалист по болгарскому языку. Стаж научной работы с 1936 года. В штат Института Ю.С. Маслов зачислен с 15 июня 1950 г. Кандидатская диссертация “Возникновение и развитие сложного прошедшего в немецком языке” Ю.С. Масловым защищена в июне 1940 года.

4. Младший научный сотрудник Э.И. Полтораднева – специалист по болгарскому языку. Тов. Полтораднева окончила в 1949 году славянское отделение филологического факультета Московского Государственного Университета. В штат Института Э.И. Полтораднева зачислена с ноября 1949 года.

Список научных трудов сотрудников Института прилагается.

В Институте славяноведения ведется работа только по изучению болгарского языка. Основная тема – изучение болгарских говоров. Эта работа ведется в двух направлениях: составление лингвистического атласа болгарских говоров в СССР и монографическое изучение говоров (работа Е.В. Чешко “К истории кайракийского говора”, аспиранта И.К. Буниной “Из истории вайсальских говоров”, ее кандидатская диссертация “Фонографическое описание ольшанского говора” и другие).

Проф. С.Б. Бернштейн работает над темой “Славянское население Валахии”.

В новом пятилетнем плане Института по славянскому языкознанию намечена разработка двух больших тем:

1. Основные проблемы грамматики болгарского литературного языка. Работа будет посвящена детальному исследованию важнейших грамматических категорий современного болгарского языка.

2. Болгарские говоры Советского Союза. В 1951, 52 и 53 гг. предполагается проведение трех экспедиций с целью монографического изучения отдельных говоров, в том числе восточно-фракийских говоров, которые не могут изучаться в самой Болгарии, так как область Восточной Фракии после освобождения Болгарии в 1878 году не вошла в состав нового государства и осталась под властью турок.

Ограниченность тематики работ, намеченных на ближайшую пятилетку, объясняется отсутствием в Институте специалистов по другим славянским языкам. Все лингвисты Института являются болгароведами.

Институтом славяноведения проводится большая работа по подготовке молодых специалистов в области славянского языкознания. В этом году защитил диссертацию аспирант С.К. Шаумян на тему “Фонологический состав польского литературного языка”. Закончены диссертации двух аспирантов по чешскому языку. В 1950 году будут закончены две диссертации по болгарскому языку. В составе аспирантов имеются специалисты и по другим славянским языкам.

Ряд аспирантов (Бунина И.К., Плотникова Л.С., Иванова Н.Х.) печатают свои работы в изданиях Института (12).

К сожалению, Институт был лишен возможности оставлять на работе лучших аспирантов, так как не имеет ставок. Это же обстоятельство лишает возможности Институт привлекать к работе молодых специалистов, окончивших аспирантуру в других местах.

Подготовка аспирантов-славистов проводится также в Московском, Ленинградском, Киевском, Львовском университетах.

При наличном составе лингвистов Институт славяноведения не может приступить к проведению научно-исследовательской работы в области сравнительного славянского языкознания и в области изучения отдельных славянских языков (кроме болгарского).

Для выполнения задач, поставленных перед советскими славистами товарищем Сталиным, Институт славяноведения считает необходимым создание в Институте специального сектора славянского языкознания со значительным расширением штата научных сотрудников-языковедов. К работе в секторе должен быть привлечен ряд специалистов по русскому языку с широким славяноведческим кругозором и знаниями в области сравнительной грамматики славянских языков.

В связи с этим Институт славяноведения возбудил ходатайство перед Президиумом Академии Наук СССР о разделении сектора филологии на два сектора: сектор славянских литератур и сектор славянского языкознания, а также об увеличении штата сотрудников-языковедов в 1950 году на две ставки доктора наук, три ставки кандидата наук и пять ставок младших научных сотрудников без степени.

Институт предлагает в состав сектора следующие кандидатуры:

а) Из числа лиц, не работающих в настоящее время в Институте, привлечение которых на основную работу в Институт крайне желательно:

1. Проф. П.Я. Черных – зав. кафедрой русского языка в Московском Областном Педагогическом Институте.
2. Проф. П.С. Кузнецов – Московский Государственный Университет.
3. Кандидат филологических наук С.С. Высоцкий – сотрудник Института Русского языка.
4. Е.В. Немченко, окончившая аспирантуру Института славяноведения по специальности: история чешского языка.

б) Из числа лиц, которые могут быть привлечены к работе в Институте по совместительству:

1. Действительный член Украинской Академии Наук и член-корреспондент Академии Наук СССР Л.А. Булаховский – Киев.
2. Член-корреспондент Украинской и Литовской Академий Наук В.А. Ларин – Ленинград.
3. Проф. Р.И. Аванесов – Москва.
4. Проф. В.П. Петрусь – Киров.
5. Доцент Э.А. Якубинская-Лемберг – Ленинград (13).
6. Кандидат филологических наук А.Г. Широкова – Москва.
7. Кандидат филологических наук В.В. Бородич – Москва.
8. Кандидат филологических наук А.Ф. Иорданский – Уфа.

Основными научными проблемами сектора языкознания на ближайшие пять лет должны быть:

1. Сравнительная грамматика славянских языков (конкретная тематика может быть уточнена позже).

2. Старославянский язык. Необходимо приступить к составлению словаря старославянского языка. В свое время этот вопрос был поднят акад. С.П. Обнорским (14), но конкретно ничего не было сделано. Необходимо также подготовить научный курс старославянского языка.

3. Межславянские языковые взаимосвязи. Эта научная проблема имеет большое значение. На первое место здесь выдвигается вопрос о влиянии русского языка на другие славянские языки.

4. История и диалектология отдельных славянских языков. Необходимо приступить к изучению истории чешского, польского и других славянских языков. В Институте ведется работа только в области болгарского языка.

5. Необходимо приступить к работе в области изучения грамматического строя современных славянских языков. В Институте пока ведется работа только в области болгарской грамматики.

6. В настоящее время очень остро стоит вопрос создания учебников и учебных пособий по славянскому языкознанию. Одни университеты с этой задачей не справятся. Необходимо, чтобы план работы Института славяноведения предусматривал создание ряда учебников и учебных пособий.

Зам. директора
Института славяноведения
АН СССР

В.А. Смирнова

Архив РАН. Ф. 1965. Оп. 1. Д. 70, Л. 1–7.

4.

Можаева И.Е. Воспоминания слависта. 1940–1950-е годы.

В октябре 1942 г., возвратившись из эвакуации, я нашла Москву непривычно пустой, темной и холодной. В домах не топили, город не освещался, и только на улице Горького тусклые лампочки, запрятанные в глубокие металлические конусы, выхватывали из темноты небольшие куски асфальта. Народу было мало, вывезенные из столицы учреждения еще не вернулись. Весной 1943 г. началась реэвакуация, в выпускные классы школ стали приходить представители институтов и уговаривать “идти в студенты”, обещая выдачу рабочих карточек. Десятиклассникам нужно было только решить, в какой вуз отнести документы: вступительные экзамены появились лишь год спустя. Несколько человек из нашего класса выбрали филологический факультет МГУ.

Пока университетские здания восстанавливали после бомбежек, истфак и филфак разместились в школе на Большой Бронной: историки учились в первую смену, филологи – во второй половине дня. На курсе было 200 человек – 194 девочки и 6 мальчиков-инвалидов. Классы в школах, как известно, небольшие и, когда на общих лекциях собирался весь курс, на каждую парту приходилось по три человека, а остальные устраивались на подоконниках и полу.

Осенью 1943 г. состоялся первый набор на только что созданную славянскую кафедру. К 16 студентам нашего курса было присоединено 12 второкурсников русского отделения. Необходимость подготовки славистов казалась очевидной.

Фронт уже вплотную приблизился к границе со славянскими странами, в составе нашей армии действовали военные формирования зарубежных славян. В феврале 1944 г. в Колонном зале состоялся митинг славян-воинов. Вспоминается необыкновенно красочное зрелище: шитые золотом мундиры, ордена, звенящие шпоры, живописные группы, поднимавшиеся со своих мест на клич "Niesch żyje!" или "Живео!" В то же время после разгрома славистики в 30-е гг. работать на кафедре, по сути дела, было некому. Ее первый заведующий академик Державин производил впечатление декоративной фигуры. Сидя на читавшихся им лекциях по этногенезу славян, мы слушали хриплые, исполненные пафоса возгласы: "Лаба, а не Эльба, Липецк, а не Лейпциг". Академика приходили снимать для американского зрителя, и три самых красивых девушки курса, сделав, по указанию факультетского начальства, прически, обеспечивали "крупный план". Державин принимал у нас введение в славянскую филологию – первый и потому памятный университетский зачет. Помню, как он вошел в класс со своим верным оруженосцем профессором Дитякиным, несшим его пальто, калоши и трость. Вручая каждому зачетку, Державин присовокуплял какую-нибудь вежливую фразу. Видели мы его редко, от случая к случаю.

Главным для нас был Самуил Борисович Бернштейн, который практически нес на себе всю тяжесть руководства кафедрой. Нехватка специалистов определила достаточно произвольный поначалу набор предметов. Лингвистика находилась в лучшем положении, поскольку сравнительную грамматику славянских языков, историю сербского и чешского языков читал сам Бернштейн. Прослушали мы и курс старославянского. Много хуже обстояло дело с литературоведением: страноведческие курсы либо читались на низком уровне, либо вообще отсутствовали. Необходимость сдавать так и оставшуюся неизвестной нам историю сербской литературы обнаружилась за пять дней до государственного экзамена. Вновь выручил Самуил Борисович, велел подготовить восемь – по числу студентов-югославистов – писателей. Каждый из нас взял какого-то одного, а в канун экзамена состоялся обмен впечатлениями...

При выборе языковой специализации надо было также исходить из наличных ресурсов. Как раз тогда кончала аспирантуру А.Г. Широкова, а в Военном институте иностранных языков преподавала сербка-эмигрантка Р.И. Григорьева (15), что оказалось особенно кстати, поскольку Югославия являлась нашим ближайшим союзником в войне. Чтобы студенты смогли определиться, провели пробные занятия. Александра Григорьевна, говоря по-чешски довольно слабо, сделала упор на теорию, объяснив значение доисторических сочетаний **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* в изучении славянских языков. Радмила Ивановна, понятия не имея о каких-либо сочетаниях и грамматических конструкциях, обрадовала своих слушателей возможностью сразу же писать и читать по-сербски – стоит только запомнить шесть букв, которых нет в русском алфавите. Бодро продекламировав стишок "Кад би јелен има крила, тад би брза птица била", узнав, какие в Сербии фрукты и поверив обещанию отправиться туда сразу же после победы, девять из нас, и я в их числе, выбрали сербский язык. Семерых более привлекла научная строгость, которую сулило изучение чешского. К чешскому приобщили и русистов-второкурсников. С этого знаменательного дня, собственно, и началась наша студенческая славянская жизнь.

Наши преподаватели учились на нас и вместе с нами. Никаких учебников, пособий и словарей. Все записывалось на слух, причем с необыкновенной экономией бумаги – строка к строке, без абзацев и полей. Несмотря на трудности,

“славяне” сдавали экзамены и зачеты, которых в летнюю сессию никогда не бывало меньше 6–8, писали курсовые и семинарские работы, прочитывали в год по 100–200 книг по русской и зарубежной литературе. И еще успевали ходить в театры и на концерты в Консерваторию, кассир которой приносил билеты прямо на факультет. Одним из самых памятных стало исполнение 6-ой симфонии Чайковского оркестром под руководством чешского дирижера Кубелика, причем не только благодаря мастерству музыкантов.

Незадолго до концерта у моей подруги украли из гардероба Консерватории калоши. В 1946 г. при карточной системе и нечастых ордерах на приобретение промтоваров утрата калош была делом серьезным. Много раз мы ходили в дирекцию с требованием вернуть их. И вдруг в качестве компенсации за пропажу нам предлагают пропуск на Кубелика. Подумав, мы решили, что Кубелик стоит калош. Кстати, жаль, что калоши ушли из нашей жизни. Удобная это была вещь: пришел, снял, переобуться не надо. Как уже говорилось, калоши надевал Державин, они являлись неотъемлемой частью гардероба С.А. Никитина (16). П.Г. Богатырев (17) носил всегда калоши на номер—два больше, при экстремальных поворотах профессора во время лекции они срывались с ног, и тот, не прерывая фразы, водружал их на законное место...

В первые годы своего существования славянская кафедра имела репутацию престижной, во всяком случае, так к ней относились студенты-русисты и классики. Во времена, когда контакты с границей были редки, нас приглашали на различные встречи в ВОКС, Совинформбюро, Славянский комитет, юбилейные спектакли Большого театра. Мы присутствовали на приемах в честь представителей славянских университетов, обменивались с гостями книгами, пели славянские песни. В мае 1945 г. в Москву приехала делегация молодежи Югославии. В здании на Моховой, 9 расстелили красные дорожки, лестница и галерея были очищены от студентов. Вызванные телеграммой ректора, мы уселись за покрытый зеленым сукном стол, делая вид, что пришли на предэкзаменационную консультацию. Делегацию привел сам ректор. Открыв дверь в кабинет, И.С. Галкин стал бурно радоваться удаче: “совершенно случайно” гости попали на славянское отделение филфака, да еще в сербскую группу. Наша преподавательница сидела во главе стола, ожидая, что делегация проследует к ней. А на другом конце стола она посадила действительно случайно забредшую к нам богемистку, которая, естественно, ни слова по-сербски не знала. К общему ужасу, глава делегации подошел прямо к ней и, не услышав в ответ родного языка, в недоумении отпрянул. Радмила Ивановна надеялась, что к нам зайдет и Тито, но этого не произошло, и мы видели его только на университетском дворе.

В следующем, 1946 г., советская студенческая делегация отправилась на Международный съезд студентов в Прагу. После войны к нам часто стала приезжать с лекциями профессура из Праги, Варшавы, Софии. Самое яркое впечатление произвели лекции президента Сербской Академии наук А. Белича, читавшиеся на высочайшем научном уровне. Особенно интересно было расставлять в сербском тексте музыкальные ударения, утраченные нашей обрусевшей преподавательницей. Принимая экзамен, Белич оценивал знания по непривычной 12-балльной системе. Приезд президента зарубежной академии считался неординарным событием, нас фотографировал корреспондент “Известий”, а снимок попал в витрину ТАСС на улице Горького.

Немало пришлось преодолеть за пять лет учебы в университете. И все же мы не были совсем “первый блин комом”. Много лет спустя Бернштейн скажет,

что таких студентов, какие пришли на кафедру в военные годы, теперь нет. Самуил Борисович был для нас мэтром, мы им гордились. Тридцатидвухлетний, он не казался нам молодым. Когда говорили ему: “Самуил Борисович, в вас половина курса влюблена” – он лениво тянул: “Да? А я думал, что все”. Даже в бедные военные годы ему удавалось хорошо, элегантно одеваться. А во время болгарской диалектологической экспедиции его фигура в белом костюме, перчатки и соломенная шляпа в кабине грузовичка, катившего по пыльной бессарабской степи, были целым событием. Председатель местного колхоза делал все, чтобы получше принять студентов и аспирантов, возглавляемых таким профессором.

1 июля 1948 г. выпускники кафедры получили дипломы “научного работника в области славяноведения, преподавателя ВУЗа и ВТУЗа и учителя средней школы”. Для нас, вступающих в самостоятельную жизнь, настоящие трудности только начинались. Навсегда врезались в память слова, услышанные мною вскоре после выдачи диплома: “Инка, твой Тито – троцкист”. Было опубликовано заявление Коминформа, разрывающее наши отношения с Югославией. Политика властно меняла судьбы людей и науки. Вышедшие в 1945–1948 гг. книги, в числе которых – вся переизданная после войны югославянская классика, отправились в спецхран на том основании, что предисловия к ним писали те, кто сделался персонами нон грата. Контакт с изучаемой страной и тем более поездок туда никаких. Двери издательства для югославской тематики закрыты. Практическая работа, на которую можно было рассчитывать, весьма специфическая – Радиокомитет, Главлит. Из 8 выпускников сербской группы пятеро поступили в аспирантуру: трое с лингвистической, а двое с литературоведческой, связанной с литературой XIX в., специализацией. Студенты двумя курсами младше успели переключиться на изучение болгарской литературы. Отечественная югославистика стала оживать только после визита Хрущева и Булганина в Югославию в 1955 г. Надо, однако, сказать, что до конца 80-х годов поехать в эту страну было значительно сложнее для ученых, чем, скажем, в Болгарию, Польшу или Чехословакию.

Конец сороковых ознаменовался небывалым расцветом марризма. За время летних каникул, отделявших студенческие годы от аспирантских, сменилось руководство филфака. Вместо академика В.В. Виноградова деканом стал Н.С. Чемоданов. Сравнительно-историческое языкознание попало в немилость, зато, внедряемое твердой рукой ретивых администраторов типа Сердюченко (18), победно шествовало “новое учение о языке Н.Я. Марра”. Четыре тома сочинений Марра изучались, что называется, от корки до корки. Студентам стал читаться курс “Новое учение о языке” Москальской (19). Спеша показать свою приверженность веяниям времени, многие лингвисты занялись поиском фактов скрещивания языков. Пресловутые элементы *sal, ber, yon, rož* служили предметом обсуждения на бесчисленных конференциях.

Видные ученые отстранялись от чтения лекций и руководства семинарами. Горько было видеть яркого лингвиста профессора П.С. Кузнецова в роли консультанта, дающего библиографические справки на семинаре по общему языкознанию Чемоданова, в которых не слишком эрудированный декан действительно нуждался. Другому поистине энциклопедическим знаниям ученому П.Г. Богатыреву пришлось вовсе покинуть МГУ. Он нашел приют в Воронежском университете, где преподавал несколько лет, проживая вместе с женой в аспирантском общежитии. Петр Григорьевич запомнился как человек удиви-

тельно доброжелательный, не жалевший ни сил, ни времени, чтобы помочь каждому, в ком он видел искру живого интереса к науке.

Тяжелое впечатление оставляли заседания факультетского Ученого совета того времени с их разбирательствами, нередко кончавшимися истериками. Так, жену бывшего ректора Е. Галкину-Федорук (20) обвиняли в том, что она, парт-орг русской кафедры, не способствует перестройке академика Виноградова и тот продолжает придерживаться старых классических взглядов. Обвиняемая бурно протестовала, и ее приводили в чувство с помощью сердечных капель.

Казалось, в лингвистике надолго воцарилось угрюмое единомыслие. Но вдруг произошел неожиданный поворот. Не знаю, кому и как удалось добиться открытия дискуссии по языкознанию на страницах газеты “Правда”: тогда чаще других можно было услышать имя профессоров А. Чикобавы и Б.А. Серебренникова (21). Поначалу марристы не сомневались в своей неуязвимости, и их самоуверенные поучения буквально заполняли кулуары факультета. Статья Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”, воздававшая должное сравнительно-историческим исследованиям, коренным образом изменила ситуацию. Для соблюдения приличия дискуссия в “Правде” продолжалась еще день-другой, но курс был ясен, и вчерашние марристы спешили как можно скорее изъять из редакции свои отправленные в газету статьи. Ироническое отношение к сталинской работе появилась позже (“Товарищ Сталин, Вы – большой ученый, // В языкознанье знаете Вы толк”) (22), а тогда была радость, что пришел конец диктатуре марризма, к нормальной жизни возвращаются и наука, и преподавание:

Был Марр умен, был Марр велик,
Затмил почти он Маркса славу,
Но выпустили Чикобаву
И Марру сделали чик-чик.

Студенты и аспиранты требуют срочного созыва Ученого Совета, который, однако, не спешит назначать свое заседание. Тогда к молодежи присоединяются несколько преподавателей. Выступая перед ними, П.С. Кузнецов говорит, что в одном пункте он, пожалуй, не согласен с товарищем Сталиным. Слушатели замирают от этой невиданной дерзости, а маститый ученый спокойно делится своими сомнениями по поводу того, что курско-орловский диалект лег в основу русского литературного языка – над этим еще надо подумать.

Практические последствия статьи Сталина не заставили себя долго ждать. Планы научных исследований с новыми темами и проблемами, опять великое множество конференций, внесение в уже готовые статьи и диссертации необходимых цитат. Одно из таких последствий привело меня в Институт славяноведения АН СССР. Дело в том, что Институт получил пять ставок (пять сразу! невероятно!) на развитие сравнительно-исторического языкознания, и заканчивавшие университетскую аспирантуру стали 31 декабря 1951 г. сотрудниками Академии наук.

На шестом году своего существования Институт славяноведения располагался в семи комнатах верхнего этажа здания на Волхонке, 14. Три из них занимала библиотека, еще одну – дирекция, в остальных обосновались сектора истории и языкознания. Сектор литературоведения, только что отделившийся от лингвистов, с головой ушедших в изучение болгарских диалектов и творительного падежа, скромно размещался на черном кожаном диване.

Основной задачей Института считалась подготовка больших коллективных трудов. Индивидуальные монографии отодвигались в далекое будущее, а без них нельзя было претендовать на должность старшего научного сотрудника. Эта административная “неувязочка”, надо сказать, попортила много крови. Сотрудников было около 40 человек. После многолюдного филфака Институт казался тихим и сердечным домом. Читальный зал библиотеки работал до 22 часов и никогда не пустовал. Домой не спешили, у многих и дома-то не было: снимали комнаты за городом. Помимо научных занятий, вечера занимали шахматы, пинг-понг, ужин в кафе, походы на поздний сеанс в кино.

Основной костяк сотрудников составляли выпускники исторического и филологического факультетов Московского университета, люди, принадлежащие к одному поколению, объединенные сходными интересами. В Институте царила атмосфера товарищества, не в чести было чиновничество, зато коллеги всегда проявляли искреннее участие в жизни друг друга. Может, поэтому один из немногих академических институтов, наш, отличался редким по тем временам демократизмом, в чем и сейчас можно убедиться, посмотрев сохранившиеся материалы некогда очень популярных институтских капустников. Не только героями, но и исполнителями юмористических сценок выступали, наряду с остальными, члены дирекции. Реакция на насмешливую критику капустника и стенгазеты была неизменно доброжелательно-понимающей и, наверное, просто не могла быть иной в наших стенах.

С первых лет существования Института славяноведения главными в его деятельности считались исторические исследования. Историкам предоставлялись очевидные преимущества – в издании научных трудов, командировках и т.д. Несмотря на это, в Институте сложился сильный сектор языкознания, в котором уже в 50-е годы вырос ряд видных, впоследствии ставших знаменитыми, ученых...

Комментарии

1. *Греков* Борис Дмитриевич (1882–1953): академик, в 1937–1953 – директор Института истории, в 1946–1951 – первый директор Института славяноведения, в 1946–1953 – академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР. *Удальцов* Александр Дмитриевич (1883–1958): чл.-корр., специалист по раннему западноевропейскому средневековью, в 1946–1956 – директор Института истории материальной культуры АН СССР (на этом посту сменил Б.Д. Грекова, до того – зав.сектором в Институте истории), на стадии организации Института славяноведения рассматривался как претендент на должность зам. директора.

2. Вероятнее всего, тремя изданными под грифом Института книгами считались его “Ученые записки” (т. 1), а также монографии Б.Д. Грекова и С.Б. Бернштейна (см. “Институт славяноведения и балканистики. 50 лет”. М., 1996. С. 284).

3. *Дитякин* Валентин Тихонович (1896–1956): историк культуры и славяноведения, работал также по югославянской проблематике, в 1944–1956 – профессор филфака МГУ, секретарь упраздненной в 1946 г. Славянской комиссии АН СССР, в 1947–1949 – старший научный сотрудник Института славяноведения. В Москву из Казани попал благодаря Н.С. Державину. Уход Дитякина из Института мог быть связан вовсе не с его приверженностью “буржуазному объективизму” (см. [3. С. 140–141, 218]). *Миско* Михаил Васильевич (1904–1972): ис-

торик-полонист, канд. ист. наук, в 1944–1946 – в Институте истории, в 1947–1964 – старший научный сотрудник Института славяноведения, с 1945 преподавал в МГУ. *Руколь* Бася Менделевна (1917–2000): историк-богемист, канд. ист. наук, в 1944–1946 – в Институте истории, в 1947–1949 – младший научный сотрудник Института славяноведения, с 1949 – на каф. истории южных и западных славян истфака МГУ. *Кондратьева* Вера Николаевна (1908–1981): специалист по истории Польши и Югославии, канд. ист. наук, в 1944–1946 – в Институте истории, в 1947–1973 – в Институте славяноведения.

4. “Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР” издавались с 1951 г. Всего вышло 43 выпуска.

5. Ленинградская группа Института славяноведения образована в составе пяти человек во главе с Н.С. Державиным 7 июня 1950 г.

6. Постоянная Комиссия по вопросам сравнительной грамматики славянских языков АН СССР была создана в апреле 1951 г. под председательством С.Б. Бернштейна. Заседание Президиума АН СССР, на котором рассматривался вопрос о сравнительной грамматике славянских языков, состоялось 2 ноября 1951 г. Руководство Академии выражало недовольство работой Института славяноведения в этой области (см. [3. С. 159, 162]).

7. *Булаховский* Леонид Арсеньевич (1888–1961): академик АН УССР и чл.-корр. АН СССР, в 1944–1961 – директор Института языковедения АН УССР и зав.каф. славянской филологии Киевского ГУ. “Капитальное исследование истории ударения во всех славянских языках” было реализовано в 1950-е годы в виде цикла книг по акцентологии отдельных языков.

8. *Виноградов* Виктор Владимирович (1894–1969): академик, с 1945 – зав.каф. русского языка филфака МГУ, в 1950–1954 – директор Института языкознания, с 1950 – академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР.

9. *Кузнецов* Петр Савич (1899–1968): д-р филол. наук (1947), проф. МГУ, сотрудник Института языкознания и Института русского языка. *Аванесов* Рубен Иванович (1902–1982) – д-р филол. наук (1948), проф. МГУ, в 1939–1982 – зав.сектором Института русского языка.

10. *Бородич* Вера Владимировна (1905–1978): доц. каф. славянского языкознания филфака МГУ.

11. *Широкова* Александра Григорьевна (1918–2003): в 1944–1947 – сотрудник Института русского языка, в 1947–1948 – в Институте славяноведения, с 1948 – доц. каф. славянского языкознания филфака МГУ. *Кондрашов* Николай Андреевич (1919–1996): с 1949 – доц. каф. славянского языкознания филфака МГУ.

12. *Бунина* Ирина Константиновна (род.1918): в Институте славяноведения с 1951. *Шаумян* Себастиан Константинович (1916): с 1954 – в Институте славяноведения. *Плотникова Л.С.* – аспирантка С.Б. Бернштейна, его помощник в организации диалектологических экспедиций. *Иванова (Перчинская)* Нина Хаджиевна (род. 1927): в 1952–1954 – в Институте славяноведения.

13. *Якубинская-Лемберг* Эрика Антоновна (1895–1961): в 1937–1948 – в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР, преподавала в ЛГУ, в 1952–1954 – в Институте славяноведения.

14. *Обнорский* Сергей Петрович (1888–1962): академик, языковед-русист, в 1944–1950 – директор Института русского языка, проф.МГУ, на стадии организации Института славяноведения рассматривался как кандидат на пост директора, в 1947 г. – зам.директора Института славяноведения.

15. *Григорьева* Радмила Ивановна (1902–?): политэмигрантка из Югославии, в 1944–1948 – на каф. славянской филологии филфака МГУ, в 1948 арестована в связи с антиюгославской кампанией, умерла на родине. Сугубо отрицательно отзывается о ней в своих дневниковых записях С.Б. Бернштейн.

16. *Никитин* Сергей Александрович (1901–1979): д-р ист. наук (1947), в 1947–1961 – зав.каф. истории южных и западных славян истфака МГУ, в 1947–1970 – зав.сектором и с 1947 – зам.директора Института славяноведения.

17. *Богатырев* Петр Григорьевич (1893–1971): д-р филол. наук, этнограф, фольклорист, искусствовед, с 1942 – проф. филфака МГУ, с 1943 – зав. сектором фольклора Института этнографии.

18. *Сердюченко* Георгий Петрович (1904–1965) – лингвист-востоковед, в 1945–1950 – сотрудник и руководитель Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я.Марра АН СССР, чл.-корр. АПН РСФСР (1950).

19. *Москальская* Ольга Ивановна: д-р филол. наук (1953), германист.

20. *Галкина-Федорук* Евдокия Михайловна (1898–1965): д-р филол. наук (1949), языковед-русист.

21. *Чикобава* Арнольд Степанович (1898–1985): специалист по кавказскому и общему языкознанию, академик АН ГрузССР. *Серебренников* Борис Александрович (1915–1989): специалист по финно-угорским и тюркским языкам, проф. филфака МГУ.

22. Строки из стихотворения Юза Алешковского (1959 г.), долгое время считавшегося народной песней.

© 2007 г. Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

МАТЕРИАЛЫ К СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЙ ДИСКУССИИ ПО НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕОСЛАВИСТИКИ

Одним из мероприятий, проведенных Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в середине 80-х годов минувшего столетия в рамках двустороннего советско-болгарского сотрудничества в области истории и филологии, была состоявшаяся в сентябре 1985 г. в Софии встреча советских и болгарских ученых, на которой обсуждались некоторые важные вопросы палеославистической терминологии, этноязыковой принадлежности языка кирилло-мефодиевских переводов и древнейших памятников славянской письменности. Об этой встрече (в официальных документах она называлась также и рабочим совещанием), насколько нам известно, не было какой-либо информации в советской и болгарской славистической литературе, и она до недавнего времени оставалась только в памяти ограниченного круга непосредственных участников ее подготовки и проведения, число которых за прошедшие с тех пор годы значительно сократилось. Лишь несколько лет назад краткие сведения о ней были сообщены автором этих строк в тезисах доклада “К истории дискуссий о некоторых важнейших терминах палеославистики” на состоявшейся в ноябре 2002 г. в Москве научной конференции, посвященной памяти Р.М. Цейтлин [1. С. 12–13]. Между тем, встреча эта, как нам представляется, заслуживает более широкого внимания как любопытный пример сотрудничества Академий наук СССР и Болгарии по обсуждению спорных, в данном случае главным образом некоторых терминологических, вопросов палеославистики.

Инициатива проведения встречи исходила от тогдашнего руководства Болгарской Академии наук, которое в начале 1985 г. предложило в числе других обсудить на ней вопросы о содержании терминов “праславянский язык”, “древнеславянский язык”, “древнеболгарский язык”, “церковнославянский язык” и об Изборнике Святослава 1073 г. К сожалению, автор настоящей публикации не располагает письмом руководства Болгарской Академии наук, в котором, вероятно, были изложены мотивы, побудившие его обратиться с указанным предложением к АН СССР. Есть, однако, веские основания утверждать, что, как нам кажется, причиной этого (или одной из причин) были особенно обострившиеся в начале 1980-х годов в славистических кругах дискуссии по некоторым аспек-

Венедиктов Григорий Куприянович – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

там начальной истории славянской письменности и литературы, современной языковой ситуации у славян на Балканах, новейшей истории их литературы и др. Дискуссии по данным проблемам были связаны с так называемым македонским вопросом, которому проблемы эти как раз и придавали особую научную остроту и который, как хорошо известно, был объектом острых споров также и в рамках политики балканских стран, Болгарии и Югославии.

Предложение руководства БАН в АН СССР было поддержано. Секция общественных наук Президиума АН СССР, возглавляемая акад. П.Н. Федосеевым, поручила Институту славяноведения и балканистики АН СССР провести необходимую предварительную подготовку к намечавшейся встрече и участию в ней советских ученых. Во исполнение данного вице-президентом АН СССР Институту предписания директор Института акад. Д.Ф. Марков поручил д-ру филол. наук Р.М. Цейтлин и автору настоящей публикации подготовить справку о содержании предложенных для обсуждения болгарской стороной терминов (к которым было решено добавить и термин “старославянский язык”) и о протографе Изборника Святослава 1073 г. Авторам справки было поручено дать обзор существовавших в отечественной литературе мнений по этим вопросам. В мае–июне 1985 г. ими и была составлена предлагаемая вниманию читателей справка “О содержании некоторых терминов современной палеославистики и определении протографа Святослава Изборника 1073 г.” (далее просто “Справка”). В ней они старались дать краткий объективный обзор мнений советских ученых по указанным вопросам. В “Справке” учтена не только специальная научная литература по палеославистике, но также и справочники энциклопедического характера и университетские учебные пособия, в которых по тем или иным вопросам обычно, как известно, представляется если не общепринятая, то по крайней мере распространенная точка зрения. Поскольку предстояло обсуждение понимания указанных палеославистических терминов и протографа Изборника Святослава 1073 г. с болгарскими учеными, в “Справке” кратко изложена и их точка зрения по данным вопросам. Позиции многих ученых других стран по этим вопросам, плодотворно занимавшихся разработкой проблем палеославистики, в ней не рассматривались.

Подготовленная “Справка” для ознакомления и суждения о ней была направлена многим советским ученым-славистам, филологам и историкам, работавшим в разных институтах АН СССР, в Московском университете, в других научных и учебных заведениях (Институт славяноведения и балканистики АН СССР – д-р филол. наук проф. С.Б. Бернштейн, д-р филол. наук Е.И. Демина, д-р филол. наук А.А. Зализняк, д-р филол. наук В.И. Злыднев, д-р филол. наук Вяч.Вс. Иванов, канд. филол. наук О.А. Князевская, д-р ист. наук Литаврин, д-р филол. наук Т.В. Попова, канд. ист. наук А.И. Рогов, д-р филол. наук Л.Н. Смирнов, член-корр. АН СССР Н.И. Толстой, д-р ист. наук Б.Н. Флоря, д-р филол. наук Е.В. Чешко; Институт русского языка АН СССР – д-р филол. наук Е.М. Верещагин, д-р филол. наук проф. А.И. Горшков, д-р филол. наук Л.П. Жуковская, член-корр. АН СССР Ю.Н. Караулов, член-корр. АН СССР О.Н. Трубачев; Институт языкознания АН СССР – д-р филол. наук проф. В.К. Журавлев; Институт этнографии АН СССР – канд. ист. наук Л.В. Маркова; Институт археологии АН СССР – акад. Б.А. Рыбаков; Институт мировой литературы АН СССР – д-р филол. наук А.Н. Робинсон; Институт русской литературы АН СССР – акад. Д.С. Лихачев; Институт истории СССР АН СССР – д-р ист. наук Я.М. Шапов; Отделение литературы и языка АН СССР – акад. М.Б. Храп-

ченко, акад. Г.В. Степанов, д-р филол. наук В.П. Нерознак; Московский университет – канд. ист. наук Л.В. Горина, д-р филол. наук проф. Б.А. Успенский, д-р филол. наук проф. Г.А. Хабургаев; Государственный исторический музей – канд. ист. наук И.В. Левочкин; и др.) (ученые степени и звания названных ученых и место их работы указаны здесь по состоянию на лето 1985 г.). “Справка” была, естественно, направлена также вице-президенту АН СССР акад П.Н. Федосееву и в Отдел науки ЦК КПСС. В письмах директора Института славяноведения и балканистики АН СССР акад. Д.Ф. Маркова, адресованных перечисленным ученым, было сказано: “Дирекция Института просит Вас ознакомиться с направляемым материалом и письменно изложить свое мнение о наиболее обоснованном понимании названных терминов и протографа Изборника Святослава 1073 г. с целью выработки объективно научной точки зрения, которая могла бы послужить основой при обсуждении названных вопросов на намечаемой встрече”. На просьбу акад. Д.Ф. Маркова откликнулись почти все ученые, кому была направлена “Справка”, исключая тех, которые занимали высокие посты в научно-административном руководстве АН СССР.

Все полученные отзывы, как и некоторые другие материалы, касающиеся подготовки, проведения и итогов рассматриваемой здесь советско-болгарской научной встречи в сентябре 1985 г, находятся сейчас в личном архиве автора этих слов. Отзывы эти, на наш взгляд, представляют несомненный интерес как отражение существовавшего более двух десятилетий назад довольно широкого спектра мнений советских ученых не только по освещаемым в “Справке”, но и по ряду других важных вопросов палеославистики, с ними сопряженных. Подробный обзор отзывов, а тем более публикация всех их в журнале не представляется возможным (здесь приводятся только несколько, на наш взгляд, наиболее интересных отзывов).

Присланные отзывы весьма различны как по объему – от полутора–двух до 32 страниц машинописного текста, так и по рассматриваемым в них вопросам и тональности их обсуждения.

Отметим прежде всего, что авторы некоторых отзывов полагают, что дирекция Института славяноведения и балканистики АН СССР прибегла к негодному в науке административному способу обсуждения и решения дискуссионных вопросов. У них, в частности, вызывает удивление тот факт, что сложные вопросы палеославистической терминологии дирекция Института намеревалась обсуждать на двусторонней советско-болгарской встрече, а не на широком международном форуме, каким мог бы быть, например, международный съезд славистов. Некоторые авторы отзывов, кажется, всерьез опасались, что на намечавшейся встрече в Софии могли быть приняты неправомерные в науке решения, обязывающие к однозначному пониманию содержания тех или иных терминов учеными, придерживающимися на этот счет разных точек зрения. Проф. Б.А. Успенский, например, свой отзыв начинает словами: “Кажется странным, что вопросы палеославянской научной терминологии предполагается обсудить в рамках сотрудничества ученых только двух славянских стран и притом в узком кругу. Представляется, что решение проблем в этой области предполагает встречу на более широком и открытом форуме”. Более жестко эту же мысль высказал проф. С.Б. Бернштейн: “Вопросы терминологии относятся к важнейшим и весьма ответственным разделам научных исследований. Они тесно связаны с осмыслением самой сущности явлений и процессов. Поэтому они должны рассматриваться и обсуждаться учеными Института в секторах

и на Ученом совете, а не в дирекции. Это вопросы науки, а не администрации". Отметив, что поднятые в "Справке" проблемы широко обсуждаются во всех славянских странах (особенно в Чехословакии), Бернштейн указывает, что "все-сторонне все спорные вопросы терминологии нужно обсудить на всеславянской встрече. Организатором этой встречи должен быть Международный комитет славистов". Авторы других отзывов, наоборот, поддержали идею обсуждения палеославистической терминологии на встрече советских и болгарских ученых. Так, проф. Г.А. Хабургаев в сопроводительной записке к своему отзыву пишет: "Хочу... поддержать идею намечаемой дискуссии: обсуждение затронутых в справке вопросов с болгарскими коллегами было бы в настоящее время желательно".

Что касается отношения к содержанию самой "Справки", то следует прежде всего отметить расхождения авторов отзывов в оценке степени ее объективности и полноты. Так, проф. Г.А. Хабургаев считает, что "в целом этот документ вполне объективно отражает мнение советских языковедов по затрагиваемым здесь вопросам". Член-корр. АН СССР Н.И. Толстой отмечает, что «справка построена по принципу "объективного" изложения различных мнений. Такой подход возможен, но, к сожалению, он оказался далеко не объективным».

Наиболее критически оценила "Справку" д-р филол. наук Л.П. Жуковская, усмотревшая в ней научную некомпетентность и недобросовестность ее авторов. Она, впрочем, отмечает, что "Справка", "на первый взгляд, кажется объективной", но тут же утверждает, что она "не является такой ни по существу, ни по многочисленным приводимым цитатам и их интерпретации". «Нетрудно заметить, – пишет она, – что авторы "Справки" стремятся склонить читателя на точку зрения болгарских ученых. Слабо представлена научная аргументация, приводятся преимущественно мнения, а не аргументы. Интерпретация нередко субъективна». Л.П. Жуковская, в частности, подчеркивает: пытаюсь «внедрить в сознание читателя "Справки", что старославянский язык – это и есть древнеболгарский», что "старославянский – это в своей основе древнеболгарский язык", ее авторы "смешали (сознательно подменили – ?) два значения слова *основа*". В таком же духе звучат и другие ее замечания. «После этого, – пишет она, – встает вопрос: написана ли "Справка" просто невнимательно, в качестве отписки, или же она сознательно создавалась тенденциозно?». Особенно много возражений вызвало у Жуковской изложенное в "Справке" мнение об Изборнике Святослава 1073 г. "Здесь, – пишет она, – почти к каждому словосочетанию возникает возражение или вопрос." Она полагает, что филологи, не работавшие непосредственно с древними славянскими рукописями, не могут судить об их происхождении на основании изучения существующей литературы. Жуковская утверждает, что авторы "Справки", никогда не изучавшие древнее славянское письменное наследие по рукописным подлинникам, тем не менее решительно заключают: «Таким образом, в отечественной научной литературе считается *бесспорным*, что *русская* рукопись "Изборник Святослава 1073 г." восходит к болгарскому протографу "Изборник Симеона" (начало X в.). *Сомнения* в болгарском происхождении протографа данной рукописи, высказанные в *самое последнее* время, не подтверждаются *убедительными* аргументами" (курсив Жуковской. – Г.В.). Но, пожалуй, самым впечатляющим критическим замечанием Л.П. Жуковской является следующее ее утверждение: "В "Справке" неверно и политически ошибочно употреблено словосочетание "*русская* рукопись" в применении к "Изборнику 1073 года." Эту рукопись необходимо

называть только *древнерусской*,” поскольку Древнерусское государство и его народ, также как и язык этого народа, в советской науке квалифицируются только как общие предшественники трех будущих восточнославянских народов и их языков: русского, украинского и белорусского. Термин “русский” в применении к явлениям этноса, культуры, письменности и самого языка свидетельствует о некомпетентности авторов “Справки” в истории и языке восточных славян”.

Не комментируя преподанный авторам “Справки” “урок необходимой компетенции” в рассматриваемом здесь вопросе, отметим только, что им пришлось по этому поводу представить директору Института Д.Ф. Маркову пространную пояснительную записку. В ней было показано, что русской рукописью Изборник Святослава 1073 г. в трудах советских ученых называется нередко; русскими, а не только древнерусскими, называются в них также народ и язык древних восточных славян, их письменность, культура и др. Весьма показательны в этом отношении статьи, опубликованные в изданном в 1977 г. академическом труде “Изборник Святослава 1073 г.” Ответственный редактор этого сборника – акад. Б.А. Рыбаков, а Л.П. Жуковская – член редколлегии. Здесь, например, в статье авторитетного палеографа М.В. Щепкиной “К изучению Изборника 1073 г.” сказано, что этот Изборник – “одна из двух древнейших точно датированных *русских рукописей*” (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Г.В.) [2. С. 224]. О.И. Подобедова пишет, что вслед за болгарскими “и *русские книгописцы* усвоили все достижения книжного искусства Византии IX–XI вв.” [2. С. 35]. Характеризуя художественное оформление рукописи Изборника 1073 г., В.Д. Лихачева указывает, что она “живо отражает ту замечательную эпоху в истории *русской культуры*, в которую он создавался” [2. С. 68]. Сравни также и в статье Е.М. Верещагина: “Для историка *русской культуры и литературы* Изборник 1073 г. интересен своим содержанием, для языковедов – тем, что в нем представлены особенности, характеризующие влияние *русского языка*” [2. С. 138]. Подобного рода примеры употребления термина “русский” в цитируемом сборнике статей можно легко умножить. В свете сказанного здесь у авторов “Справки” не могло не сложиться убеждение в явной предвзятости и очевидной необъективности Л.П. Жуковской в ее оценке изложенного в “Справке” мнения об Изборнике Святослава 1073 г. В конце упомянутой выше объяснительной записки, представленной директору Института акад. Д.Ф. Маркову, авторы “Справки” написали: “О причинах, побудивших Л.П. Жуковскую дать столь предвзятую и необоснованную квалификацию данного в нашей справке определения Изборника Святослава 1073 г. как русской рукописи, мы, естественно, можем только догадываться”.

28 июня 1985 г. в Институте в порядке подготовки к советско-болгарской встрече в Софии состоялось рабочее совещание членов делегации советских ученых, которым предстояла поездка в Софию: Д.Ф. Марков (руководитель делегации), В.И. Злыднев и Г.Г. Литаврин (заместители руководителя), А.И. Горшков, Е.И. Демина, Л.П. Жуковская, В.К. Журавлев, И.В. Левочкин, Р.М. Цейтлин и Г.К. Венедиктов (ученый секретарь делегации). В состав делегации были включены также А.Н. Робинсон и Г.А. Хабургаев, которые, по разным причинам, в этом совещании и во встрече в Софии участия не принимали. На совещании члены делегации обсудили “Справку” и полученные отзывы о ней, совпадения и расхождения их точек зрения по вопросам, стоявшим в повестке дня софийской встречи. Отмечалось, что члены делегации, как и все со-

ветские ученые, считают, что Болгария внесла значительный вклад в распространение христианства на Руси и в развитие древнерусской культуры, но что, вместе с тем, позиция советских ученых по ряду вопросов отличается от позиции болгарских историков и филологов. Было признано, что на встрече в Софии члены делегации будут стремиться уточнить освещение данных вопросов, исходя из принципов последовательного историзма. О результатах рабочего совещания членов делегации было доложено вице-президенту АН СССР акад. П.Н. Федосееву. В адресованном ему письме от 17 июля 1985 г. акад. Д.Ф. Марков, в частности, писал: «Мы столкнулись, вполне естественно, с рядом сложных и недостаточно изученных проблем, которые, как мы полагаем, могут остаться открытыми для дальнейших исследований. Анализируя наши разногласия с болгарскими коллегами, мы еще более аргументированно укрепили свои позиции по поводу безусловного приоритетного значения старославянского языка, его широко признанной в мировой славистике международной функции; в этой связи выражаем свое несогласие с теми болгарскими учеными, которые отождествляют понятия “старославянский язык” и “древнеболгарский язык”; делегация считает также, что ряд болгарских лингвистов без реальных на то оснований преувеличивает значение древнеболгарского языка для древнерусского. Вместе с тем в процессе анализа дополнительного материала мы шли к уточнению и некоторых собственных позиций. Не стремясь к абсолютному тождеству взглядов советских ученых, мы видим, однако, и ясно определившиеся линии сближения научных выводов ученых обеих стран, притом не только по вопросам языкознания, но и по поводу “Изборника Святослава 1073 г.” Все это, на наш взгляд, создает основу для делового обсуждения вопросов сотрудничества советских и болгарских ученых, включая, разумеется, и спорные вопросы».

11 сентября 1985 г. в Институте состоялось второе рабочее совещание членов делегации, на котором еще раз были обсуждены задачи делегации на предстоявшей советско-болгарской встрече ученых в Софии. Было констатировано, что по весьма существенным вопросам советские ученые имеют единые или близкие точки зрения. По ряду из этих вопросов их взгляды близки ко взглядам болгарских исследователей, что является основой для сближения позиций советских и болгарских ученых, в том числе и по спорным вопросам. Отмечалось также, что некоторые вопросы еще недостаточно изучены и остаются открытыми, поэтому представляется полезным объединение усилий советских и болгарских ученых для дальнейшей совместной разработки проблем истории, литературы и литературных языков славян в эпоху раннего Средневековья. Был также обсужден и согласован вопрос о тематике выступлений на встрече членов делегации. Акад. Д.Ф. Марков отметил, что работа участников софийской встречи должна быть встречей специалистов и носить деловой, научный характер, без каких-либо митинговых черт. Он подчеркнул, что на предстоящей встрече обязывающие резолюции или постановления не должны приниматься, поскольку встреча эта – не собрание, а научный форум ученых двух стран.

Нужно отметить, что вся работа Института по подготовке софийской встречи шла в постоянном контакте с руководством Секции общественных наук АН СССР и Отделом науки ЦК КПСС.

Рабочее совещание болгарских и советских ученых по проблемам научного сотрудничества в области гуманитарных наук и некоторым спорным вопросам в изучении памятников славянской письменности IX–XI вв. (так стала официально называться в Софии готовившаяся встреча ученых двух стран) состоялась в

болгарской столице с 24 по 26 сентября 1985 г. Было проведено шесть заседаний, на которых заслушано 73 выступления. В совещании приняли участие советская делегация в составе 10 человек во главе с акад. Д.Ф. Марковым и болгарская делегация в составе 21 человека: вице-президент Болгарской академии наук акад. П. Зарев (руководитель делегации), акад. В. Георгиев, акад. П. Динков, акад. Д. Ангелов, член-корр. Д. Мирчева, член-корр. И. Дуриданов, проф. К. Куев, проф. Р. Павлова, проф. А. Минчева, доц. И. Добрев, ст.н.с. И. Кочев, ст.н.с. Е. Дограмаджиева, ст.н.с. Л. Мавродиева, ст.н.с. Б. Пейчев, ст.н.с. Л. Минкова, ст.н.с. И. Божилов, ст.н.с. С. Николова, ст.н.с. Л. Грошева, н.с. Е. Коцева, н.с. К. Иванова, н.с. С. Кожухаров. Как видим, болгарская делегация, включавшая крупнейших филологов и историков страны, имела очень представительный характер, и уже одно это свидетельствовало о большом значении, которое руководство Болгарской Академии наук придавало совещанию болгарских и советских ученых. Заседания носили открытый характер. На каждом из них присутствовали и лица, не входившие в состав официальной болгарской делегации (не только ученые), так что о совещании в Софии, в отличие от Москвы, было известно несравненно более широкому кругу ученых Академии наук, преподавателей Софийского университета, представителей других сфер культуры болгарской столицы. Само их участие в работе совещания стало показателем живого интереса болгарской общественности к обсуждавшимся на нем вопросам. Среди наших архивных материалов, относящихся к совещанию, никаких откликов средств массовой информации СССР и Болгарии о нем нет, и мы, к сожалению, не можем сказать, были ли такие отклики вообще.

Обсуждение поднятых на совещании вопросов проходило в деловой и дружеской обстановке, которая иногда, впрочем, принимала и весьма напряженный характер. Одним из наиболее остро обсуждавшихся был вопрос о соотношении древнеболгарского и старославянского языков и употреблении соответствующих терминов. По вопросу о церковнославянском языке серьезного обсуждения, по существу, не состоялось. На заключительном заседании был принят “Итоговый доклад”, где, в частности, указывалось, что “в результате обстоятельного и откровенного обмена мнениями, проходившего в дружеской обстановке, были выяснены некоторые спорные, еще не решенные вопросы, которые в одинаковой степени стоят перед болгарскими и советскими учеными. Сам ход обсуждения сложных вопросов раннего этапа славянской письменности явился важным шагом вперед по пути сближения позиций по спорным вопросам”.

Весь ход рабочего совещания был записан на магнитофонную ленту, копию которой Болгарская Академия наук вскоре предоставила Институту славяноведения и балканистики АН СССР. Изучение магнитофонной записи данного совещания и других относящихся к нему материалов, очевидно, могло бы составить предмет обширного самостоятельного исследования.

По возвращении советской делегации в Москву были подготовлены сначала краткая справка, а спустя некоторое время и более подробный отчет о рабочем совещании болгарских и советских ученых по проблемам научного сотрудничества в области гуманитарных наук и некоторым спорным вопросам изучения памятников славянской письменности IX–XI вв. Оба документа были направлены в Президиум АН СССР и в Отдел науки ЦК КПСС. На этом, собственно говоря, и закончилась продолжительная работа, проведенная Институтом по подготовке указанного совещания (встречи) и участию в нем делегации советских

ученых. Имело ли оно своим результатом какие-либо реальные, осязаемые изменения в отношении советских ученых к обсуждавшимся на нем некоторым спорным вопросам (главным образом терминологическим) современной палеославистики? Вряд ли. По той простой причине, что непосредственно участники совещания остались при своем мнении, а другим советским славистам о работе совещания по существу ничего не было известно. Что касается болгарских ученых, то, насколько можно судить по изданным после совещания трудам, их точка зрения по обсуждавшимся на нем спорным вопросам тоже не претерпела ощутимых изменений.

Независимо от этого есть, на наш взгляд, основания утверждать, что софийское совещание советских и болгарских филологов и историков – любопытный факт, представляющий особую попытку преодоления разногласий по терминологическим и другим вопросам в данной области науки о славянских древностях.

Ниже следует полный текст “Справки” без каких-либо изменений. Исправлены только опечатки и случайные описки.

О содержании некоторых терминов современной палеославистики и определении протографа Святослава Изборника 1073 г. (Справка)

I.

О терминах: праславянский, старославянский, древнеславянский, церковнославянский, древнеболгарский язык

В современном славяноведении данные термины многозначны. Некоторые из них, особенно *старославянский*, *древнеславянский*, *церковнославянский*, часто употребляются как синонимы (нередко одним и тем же автором и даже в одном и том же труде). Такая многозначность этих основополагающих терминов, как и терминов *литературный язык* и *национальный язык*, лишает исследования необходимой научной точности в толковании кардинальных проблем истории славянских языков, прежде всего литературных.

1. Термин “*праславянский язык*”

Праславянский язык (общеславянский, по устаревшей терминологии) – язык-предок всех славянских языков. Праславянский язык (вместе с прагерманским, пракельтским и др.) восходит к праиндоевропейскому языку. Праиндоевропейский язык, по мнению большинства современных ученых, стал распадаться на отдельные праязыки (в их числе праславянский) в третьем тысячелетии до н.э. В течение длительного периода существования праславянского языка его диалектная структура неоднократно перестраивалась под влиянием различных как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Распад праславянского языка в ходе усиленной миграции славянского населения начинается в середине первого тысячелетия н.э., когда постепенно (и неодновременно) формируются праславянские диалекты – предшественники современных славянских языков.

2. Термин “*старославянский язык*”

Термин “старославянский язык” особенно многозначен. “Практически спор о содержании основных терминов, связанных с понятием *старославянский язык*, оборачивается прежде всего обсуждением состава письменных источников для изучения этого языка. Одни исследователи считают старославянскими только рукописи с чертами древнеболгарского языка, а потому, например, от-

носят Киевские листки к моравским памятникам, Фрейзингейнские отрывки к словенским, а Остромирово евангелие к восточнославянским источникам. Другие понимают термин *старославянский язык* расширительно и включают в число его памятников не только перечисленные, но и многие другие, в том числе и более поздние рукописи” (Р.М. Цейтлин. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977, с. 9). Наиболее часто встречаются следующие его толкования.

1) *Старославянский язык* – это первый письменно-литературный язык славян IX–XI вв., созданный Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. на основе солунского (южномакедонского) диалекта болгарского языка и развитый их учениками и последователями. От IX в. памятников письменности на этом языке не сохранилось. Известные старославянские памятники, написанные глаголицей и кириллицей, датируются X–XI вв. Старославянский язык был языком общеславянского значения и распространения, оказал большое влияние на формирование многих славянских литературных языков. Это – наиболее распространенное понимание термина “старославянский язык”. Ср. и мнение проф. Г.А. Хабургаева: «...Если обратиться к филологической практике, то нетрудно заметить, что понятие “старославянский язык” обычно связывается с языком несохранившихся кирилло-мефодиевских переводов и сохранившихся старейших текстов (X–XI вв.), для большинства славистов – только балканского (этнически – древнеболгарского) происхождения; тексты более поздние (XII–XIV вв.), а зачастую и тексты XI в. небалканского происхождения (западнославянские, как Киевский миссал, и восточнославянские, начиная с Остромирова евангелия) квалифицируются как церковнославянские, отражающие языковые особенности региона их создания» (Г.А. Хабургаев. Старославянский – церковнославянский – русский литературный. – В кн.: История русского языка в древнейший период. М., 1984, с. 6). Ср. дефиницию старославянского языка в энциклопедии “Русский язык” (М., 1979): “Старославянский язык – древнейший литературно-письменный язык славян, зафиксированный в памятниках 10–11 вв., продолжавших литературную традицию переведенных Константином (Кириллом) и Мефодием ... и их учениками с греческого языка христианских церковных книг... В основу его был положен южномакедонский (солунский) диалект древнеболгарского языка” (с. 331). Ср. также: “... старославянским называется письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X–XI вв. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени... Подчеркивая древнеболгарскую основу старославянских памятников, их непосредственную связь с живыми болгарскими говорами того времени, мы ни в коей мере не нивелируем особенности старославянского языка как *общеславянского* культурного языка, не только понятного всем славянским народам, но и вобравшего в себя, прежде всего на лексическом уровне, различные элементы других славянских языков, особенно так называемые паннонизмы и моравизмы” (Р.М. Цейтлин. Лексика старославянского языка, с. 12–13).

2) *Старославянский язык* – литературно-письменный язык славян X–XI вв., сложившийся на основе переводов Кирилла и Мефодия с греческого языка богослужебных книг на южномакедонский (солунский) славянский диалект.

Ср. следующую дефиницию в “Большой советской энциклопедии” (Т. 24, кн. 1. М., 1976): “Старославянский язык – это язык древнейших дошедших до

нас славянских памятников X–XI вв., продолжавших традицию переведенных с греческого языка Кириллом и Мефодием в IX в. богослужебных и канонических книг. В основу старославянского языка, древнейшего славянского литературного языка, лег славянский южномакедонский (солунский) диалект. С самого возникновения старославянский язык носил характер славянского международного языка, употреблявшегося в среде западных славян (чешские, моравские, словацкие и отчасти польские земли), затем славян южных и несколько позже (с X в.) славян восточных” (с. 431).

Одно из отличий данного толкования термина “старославянский язык” от первого заключается в отсутствии указания на то, к какому именно южнославянскому языку относится солунский (южномакедонский) диалект.

3) *Старославянский язык* – язык переводов Кирилла и Мефодия и их непосредственных учеников, выполненных во второй половине IX в. в Византии, Моравии, Паннонии и Болгарии. Рукописи этих переводов не сохранились, и их язык изучается по поздним сохранившимся спискам, различным по месту и времени написания.

Данное толкование термина “старославянский язык” отличается от первых ограничением хронологических рамок этого языка только IX в. Ср. понимание термина “старославянский язык” в значении “язык первых славянских переводов, выполненных Кириллом и Мефодием” в недавно опубликованной статье проф. Г.А. Хабургаева: “Для меня остается принципиальным определение старославянского языка как языка *первых славянских переводов* (выделено автором статьи. – Р.Ц., Г.В.), выполненных в середине IX столетия, ибо языковая система первых переводов, какой она восстанавливается и описывается на протяжении уже более полутора столет... не тождественна тому, что обнаруживается в старейших сохранившихся текстах, включая и древнеболгарские” (Г.А. Хабургаев. Старославянский – церковнославянский – русский литературный, с. 6).

4) *Старославянский язык* – общеславянский литературно-письменный язык раннего Средневековья, широко представленный древнеболгарскими рукописями X–XI вв., древнерусскими рукописями с XI в. и позднее, древнесербскими рукописями с конца XII в. и позднее, а также двумя сохранившимися чехо-моравскими рукописями от X и XI вв. Поскольку в этих рукописях отражены особенности отдельных славянских языков, то язык данных рукописей обычно называется соответствующим локальным изводом старославянского языка (например древнерусский извод старославянского языка). Чаще в этом значении употребляется термин “церковнославянский язык (и его изводы)”. (Подробнее о нем см. ниже).

Все современные специалисты подчеркивают международное значение старославянского языка как общеславянского письменно-литературного языка эпохи раннего Средневековья и его большую роль в формировании и развитии славянских литературных языков, особенно восточнославянских и южнославянских.

Существенное различие в толковании термина “старославянский язык” касается определения диалектной основы старославянского языка.

Исследованиями многих крупнейших ученых-славистов XX в. различных стран установлено, что в основе старославянского языка лежит солунский (южномакедонский) диалект древнеболгарского языка. Так, член-корр. АН СССР В.Н. Щепкин писал: “В настоящее время преобладает взгляд, что язык первоучителей был одним из наречий древнеболгарского языка, именно – древним

солунским наречием... Еще в начале XIX в. Востоков указывал на ближайшее родство старославянского языка с болгарским... а Шафарик [установил, что]... в основу славянской письменности положен язык, который ранее был известен Кириллу, т.е. всего вероятнее – солунское наречие... Иные взгляды на родину старославянского языка могли держаться, пока оставались недостаточными наши сведения о наречиях болгарского языка... На востоке от Солуны, в недалеком от него расстоянии, открыто поднаречие, по происхождению принадлежащее к наречию восточноболгарскому” (В.Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, с. 22). Член-корр. АН СССР А.М. Селищев констатировал: “... Старославянский язык – это язык славянских переводов, выполненных Константином (Кириллом) и Мефодием и их учениками. В основе этого языка лежали элементы языка славянского населения Солуны и его пригорода. Кроме некоторых особенностей в лексике и в звуках, – особенностей, принадлежащих населению города, в своей основе это был язык славянского населения востока Балканского полуострова – язык славян болгарских” (А.М. Селищев. Старославянский язык. Ч. I. М., 1951, с. 28). В другом месте А.М. Селищев писал: “Историческое же изучение болгарского языка обнаруживает все главные черты звукового и морфологического состава кирилло-мефодиевских переводов” (с. 22). И далее: “... Теперь не подлежит сомнению, что элементы языка кирилло-мефодиевских переводов принадлежали языку славян, находившихся на юго-востоке Македонии и в других областях востока и юга полуострова – славян болгарских” (с. 23). Тридцать лет назад проф. С.Б. Бернштейн, характеризуя достигнутые к началу XX в. результаты исследования диалектной основы старославянского языка, отмечал: “Труды Щепкина вместе с работами В. Облака и некоторых других славистов окончательно утвердили в науке положение о том, что старославянский язык в своей основе восходит к одному из говоров древнеболгарского языка” (С.Б. Бернштейн. В.Н. Щепкин. М., 1955, с. 24–25).

В последние годы в отечественной литературе получает распространение точка зрения, согласно которой народной первоосновой старославянского языка был солунский (южномакедонский) диалект или язык солунских славян. Ср. в “Советском энциклопедическом словаре”: “Старославянский язык (древнецерковнославянский), письменно-литературный язык славян в средние века ... Сложился на основе перевода с греческого языка богослужебных книг на южномакедонский (солунский) диалект” (М., 1980, с.1277; 2-е изд., 1983, с. 1262). Ср. и в “Энциклопедическом словаре юного филолога” (М., 1984): “В IX в. трудами братьев Кирилла и Мефодия был создан первый славянский литературный язык – старославянский язык. В его основе лежал диалект солунских славян” (с. 283). Ср. и в опубликованной в 1969 г. статье акад. В.В. Виноградова “Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.”: “Вместе с тем очевидно, что старославянский язык, даже если принять его диалектной основой говор македонских, солунских славян, в процессе своего письменного воплощения подвергся филологической, обобщенной обработке и включил в себя элементы других южнославянских говоров” (В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, с. 254).

Высказывается и своего рода компромиссная точка зрения о болгаро-македонской основе старославянского языка. Так, проф. А.Е. Супрун пишет: «Хотя теперь и установлена болгарская, или, если учитывать, что родина Константина и Мефодия Солунь – Салоники находится в Эгейской Македонии, болгаро-македонская народная основа старославянского языка, в советской науке традици-

онно закрепилось название “старославянский язык”» (А.Е. Супрун, А.М. Калинта. Введение в славянскую филологию. Минск, 1981, с. 29), под которым понимается “язык древнейших славянских письменных памятников, появившихся на свет в X и частично XI в.” (с. 28).

Такое понимание диалектной основы старославянского языка, при котором принадлежность солунского (южномакедонского) диалекта какому-либо языку середины IX в. не определяется, предполагает, что ко времени, когда Кириллом и Мефодием были сделаны первые славянские переводы, южнославянские языки как отдельные языки на Балканах якобы еще не сложились и что поэтому относить этот диалект к древнеболгарскому языку нет оснований. Поскольку в настоящее время существует самостоятельный македонский язык, то простое указание на солунский (южномакедонский) диалект как на основу кирилло-мефодиевских переводов без указания на принадлежность этого диалекта (или языка солунских славян) в IX в. языку древнеболгарскому наводит на мысль о том, что исторически солунский (южномакедонский) диалект – это диалект именно македонского, а не болгарского языка. Мнение о том, что в эпоху Кирилла и Мефодия македонский язык уже существовал, в нашей литературе высказывается. Так, в учебном пособии “Введение в славянскую филологию” (Воронеж, 1979) проф. В.И. Собинникова пишет: “Константин и Мефодий составили азбуку на знакомом им македонском языке” (так! с. 51). В другом месте этого пособия (с. 55), правда, говорится, что “исторической основой” старославянского языка “явились македонские диалекты болгарского языка середины IX в.” (последние слова в кавычках – цитата из кн.: А.И. Горшков. Старославянский язык. М., 1963, с. 34).

В связи со сказанным нужно иметь в виду, что мнение об отсутствии в IX в. дифференциации славянских языков на Балканах нельзя считать доказанным. “Современное славянское сравнительно-историческое языкознание, – констатирует член-корр. АН СССР Ф.П. Филин, – ясно показывает, что расхождения между славянскими языками в IX–XI вв., не говоря уже о более позднем времени, были, причем на всех уровнях, не диалектными, а языковыми” (Ф.П. Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 239).

В болгарской научной литературе в последние примерно полтора десятилетия было высказано много возражений и недовольства по поводу употребленного у нас и в некоторых других странах термина “старославянский язык” вместо, как считают болгарские ученые, более правильного или даже единственно правильного термина “древнеболгарский язык”. Такое отношение к термину “старославянский язык” в Болгарии объясняется тем, что, по мнению болгарских ученых, он не указывает на этническую (болгарскую) принадлежность этого языка и что выбор его мотивируется главным образом международной функцией обозначаемого им языка. “Международная функция кирилло-мефодиевского языка, – пишет член-корр. БАН Д. Иванова-Мирчева, – факт действительно огромного значения. Но случилось так, что в современной науке эта функция все больше и больше воспринимается как единственная. Не ставится вопрос: где, на какой почве, на базе какого разговорного языка развивался этот язык, чтобы превратиться в настоящий, полноценный литературный язык, способный удовлетворить самые сложные и разнообразные требования средневековой науки, литературы и теологии. В результате такой переоценки международной функции кирилло-мефодиевского языка все реже встречается название *древнеболгарский язык*” (Д. Иванова-Мирчева. Задачи изучения болгарского

литературного языка XII–XIV вв. – В кн.: Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, с. 6). Нельзя согласиться с утверждением Д. Ивановой-Мирчевой, что вопрос о том, “где, на какой почве, на базе какого разговорного языка” развивался кирилло-мефодиевский язык, сейчас не ставится. Вопрос этот и в настоящее время ставится и изучается. Вместе с тем ее замечание о сужении употребления термина “древнеболгарский язык” не лишено оснований, особенно если учесть, что в последнее время, как сказано выше, отдельными учеными древнеболгарская основа первых славянских переводов, выполненных Кириллом и Мефодием, по крайней мере ставится под сомнение.

Что же касается встречающихся на страницах болгарских изданий настоячивых указаний на неприемлемость широко употребляемого термина “старославянский язык” (нередко звучащих едва ли не как прямое требование) вместо принятого у болгар термина “древнеболгарский язык”, то такие указания игнорируют сложившуюся у нас, как и в других странах, традицию употребления в научной и учебной литературе термина “старославянский язык”. Наряду с таким отношением в трудах болгарских лингвистов последнего времени встречаются и высказывания о допустимости употребления термина “старославянский язык” как синонима термина “древнеболгарский язык”. Ср. в цитируемой выше статье члена-корр. БАН Д. Ивановой-Мирчевой: “... Болгарское языкознание прочно стоит на позиции, поддерживаемой многими иностранными славистами в прошлом и в настоящее время, что первый славянский литературный язык по своей национальной основе – язык болгарский, по функции – литературный язык болгарской народности, но ввиду своей международной функции он может называться и *старославянским*” (Д. Иванова-Мирчева. Указ. соч., с. 6–7).

3. Термин “древнеславянский (литературный) язык”

Термин “древнеславянский (литературный) язык” получил распространение после опубликования в 1961 г. статьи члена-корр. АН СССР Н.И. Толстого “К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян” (Вопросы языкознания, 1961, № 1, с. 52–66). В этой статье доказывается следующее положение: “...Данные письменных памятников различных славянских народов позволяют поставить вопрос о существовании единого славянского литературного языка, функционировавшего с IX в. почти до конца XVIII в. и распространенного среди восточных и части южных славян, а в ранний период и среди славян западных” (с. 52). Термином “древнеславянский (литературный) язык”, следовательно, обозначается единый общеславянский литературный язык, функционировавший с IX в., т.е. со времени переводов Кирилла и Мефодия, до конца XVIII в. у восточных и южных (отчасти и западных) славян. Ср. и в другом месте названной статьи Н.И. Толстого: «...Нам будет удобнее признать язык сербской, болгарской, русской, сербско-болгарской, русско-болгарской и др. редакций *единым древнеславянским* (или “церковнославянским”, или “книжнославянским”) *литературным языком*, независимо от того факта, что в разные эпохи он мог находиться под влиянием определенного народно-разговорного субстрата, служившего источником его обогащения...» (с. 57).

Термин “древнеславянский (литературный) язык” в указанном значении был принят рядом ученых. В отечественной литературе он употребляется, например, в трудах профессоров М.М. Копыленко, Е.М. Верещагина, Н.А. Мещерского и др. Другие ученые употребляют его как синоним более употребительного термина “церковнославянский язык”. Ср., например, у акад. В.В. Виногра-

дова: “Истоки этого церковнославянского (функционировавшего на Руси.– *Р.Ц., Г.В.*) или древнеславянского языка восходят к “классическому” старославянскому языку, который в IX–XI вв. был общим литературно-письменным языком всего славянства, т.е. всех славянских народов – южных, восточных и западных” (*В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка, с. 237*).

По мнению некоторых ученых, термин “древнеславянский язык” является неудачным. Так, член-корр. АН СССР *Ф.П. Филин* пишет: «Самым неудачным названием нужно считать термин “древнеславянский язык”. Слова “древний” и “старый” по значению отличаются друг от друга. “Древний” – ведущий свое начало из отдаленного прошлого, очень давний. “Старый” – давно созданный, существующий долгое время (в противоположность новому). “Древнеславянский” по отношению к славянам и их языкам применимо к отдаленному прошлому славянства и даже к протославянской эпохе. А нам предлагают так называть язык IX–XVIII вв. (с XVII–XVIII вв. начинается новая история славянства!), причем внушается мысль, что это один и тот же межславянский литературный язык, с *единой системой*, только с разными локальными вариантами (редакциями). Генетически старославянский действительно восходит к солунско-македонскому диалекту древнеболгарского языка, но в своей более чем тысячелетней истории, употребляясь в разных странах с разными языковыми ситуациями, он претерпел столько изменений, что ни о какой единой его межславянской и вневременной системе не может быть и речи» (*Ф.П. Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 209*).

4. Термин “церковнославянский язык”

Термин “церковнославянский язык” чаще всего употребляется в следующих значениях:

1) *Церковнославянский язык* – это старославянский в своей основе язык, функционирующий у восточных и южных славян с XII в. и позднее и отличающийся локальными особенностями языков этих народов. Ср., например, следующее понимание церковнославянского языка русского извода в книге проф. *А.И. Горшкова* “Теоретические основы истории русского литературного языка” (М., 1983): “Язык богослужебных, культовых памятников, созданных вне Руси, но на Руси переписывавшихся, язык изначально старославянский, но под пером русских переписчиков утративший чисто старославянский облик и приобретший русские черты, может быть признан – согласно установившейся традиции – церковнославянским языком русского извода. Его история – продолжение истории старославянского языка в русском регионе” (с. 101).

Обычно этот термин в таком значении употребляется в составе более сложных наименований типа “русский церковнославянский литературный язык” или “церковнославянский язык русской редакции (извода)”. Эти наименования синонимичны наименованиям типа “русский извод старославянского языка” или “старославянский язык русской редакции”. Ср. у акад. *В.В. Виноградова*: “Таким образом, древнерусская народность обладала тремя типами письменного языка, один из которых – восточнославянский в своей основе – обслуживал деловую переписку, другой, собственно литературный церковнославянский, т.е. русифицированный старославянский, – потребности культа и церковно-религиозной литературы...” (*В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка, с. 185*). Или у члена-корр. АН СССР *Ф.П. Филина*: “Будучи перенесен в древнюю Русь, старославянский язык оказывался в хотя и

близкой, но иноязычной среде. Старославянские книги (в основном богослужебные) при переписке подвергались в языковом отношении изменениям, прежде всего невольным: в них стали проникать восточнославянские элементы. Образовался старославянский (церковнославянский) язык русской редакции, в исходной основе книжный древнеболгарский” (Ф.П. Филин. Истоки и судьбы русского литературного языка, с. 222). Ср. и у проф. С.Б. Бернштейна: “Сам старославянский (церковнославянский) язык в разных странах испытал влияние местных языков. В связи с этим в средние века существовали различные варианты старославянского языка” (см. “Введение” в кн.: Славянские языки. М., 1977, с. 15–16).

2) *Церковнославянский язык* – это книжный, письменно-литературный язык первоначально богослужебных книг, общий для народов греко-славянского мира. Его синоним – “древнеславянский язык”. Ср. приводимую выше цитату из статьи члена-корр. АН СССР Н.И. Толстого: “Нам будет удобнее признать язык сербской, болгарской, русской, сербско-хорватской, русско-болгарской и др. редакций *единым древнеславянским* (или “церковнославянским”, или “книжнославянским”) *литературным языком*, независимо от того факта, что в разные эпохи он мог находиться под влиянием определенного народно-разговорного субстрата, служившего источником его обогащения...” (Вопросы языкознания, 1961, № 1, с. 57). Н.И. Толстой предпочитает термин “древнеславянский язык” термину “церковнославянский язык” потому, что «церковнославянский язык функционирует не только в церковной сфере, а значительно шире и в древности чаще имел название просто “словенский”» (Там же, с. 52, сноска 1).

В болгарской лингвистической литературе термин “церковнославянский язык” (болг. “църковнославянски език”, “церковнославянски език”) также широко употребляется. Им обычно обозначается тот язык, который в нашей литературе чаще всего обозначается термином “церковнославянский язык русской редакции.” В отличие от принятого у нас понимания последнего как старославянского языка русской редакции или русифицированного старославянского языка, болгарские ученые рассматривают церковнославянский язык русской редакции как русскую редакцию древнеболгарского языка. Ср. формулировку в книге А. Бончева “Църковнославянска граматика” (София, 1952): “Богослужебный язык православных славянских церквей – это *русская редакция древнеболгарского языка*” (с. 8–9; цит. по статье: Д. Иванова-Мирчева. Задачи на изучаването на църковнославянски език. – Български език, 1977, № 6, с. 448). Ср. и заглавие доклада члена-корр. БАН Д. Ивановой-Мирчевой на съезде славистов в Киеве: “Задачи изучения русской редакции древнеболгарского языка” (Славянска филология, София, 1983, с. 77).

По существу точка зрения болгарских ученых на истоки церковнославянского языка, функционировавшего на Руси в течение нескольких веков, не отличается от утвердившегося в русской и советской науке мнения по этому вопросу, согласно которому, как сказано выше, старославянский – это в своей основе древнеболгарский язык. Вместе с тем следует подчеркнуть, что болгарские ученые полагают, что русификация древнеболгарского языка на Руси имела якобы ограниченный характер и что церковнославянский язык на Руси – это лишь слегка русифицированный древнеболгарский язык. Обычно болгарские ученые русификацию последнего ограничивают лишь отдельными элементами звуковой структуры. Ср., например, типичное в этом отношении мнение, сформулированное в изданной в 1982 г. в Софии книге “Строители и ревнители родного

языка”: “Начиная с XVII в. в связи с развитием книгопечатания в России вместе с поступающими отсюда печатными богослужебными книгами в православном мире утверждается в качестве официальной и авторитетной русская редакция этого средневекового письменного языка с очень точно установленными фонетическими и грамматическими нормами и орфографическими правилами и с безупречно фиксированными текстами, основанными на древнеболгарских образцах. Это церковнославянский язык в обычном смысле слова. В сущности этот язык есть язык древнеболгарских богослужебных текстов, при этом очень хорошо сохранившийся, в который были введены лишь некоторые отдельные черты русской фонетики” (Строители и ревнители на родния език. София, 1982, с. 16). Ср. и такую формулировку: “По происхождению он (церковнославянский язык. – *Р.Ц., Г.В.*) является древнеболгарским – древнеболгарским языком IX–X вв., начавшим свою жизнь на русской земле и получившим некоторые русские особенности” (*Д. Иванова-Мирчева*. Задачи на изучаването на църковнославянски език. – Български език, 1977, № 6, с. 449). Иногда структура церковнославянского языка едва ли не отождествляется полностью со структурой языка древнеболгарского. Ср.: «... Инварианты нормативного комплекса “общего славянского литературного языка” представлены реально существовавшей литературной формацией, имевшей свою конкретную субстанцию и структуру, соответствующим образом нормированную и кодифицированную и характеризирующуюся определенной стилистической дифференциацией”, которые (указанные инварианты) представляют собой “древнеболгарский литературный язык”» (*Н. Иванова*. Етнолингвистични аспекти в развитието на славянските книжовни езици през Възраждането. – Език и литература, 1984, № 1, с. 69). При таком понимании русской редакции церковнославянского языка (соотв. в болгарской терминологии – русской редакции древнеболгарского языка) место элементов собственно русского языка в церковнославянском языке, функционировавшем на Руси, в значительной мере нивелируется и, как следствие этого, преувеличивается роль древнеболгарского языка в формировании русского литературного языка, а влияние последнего на формирование современного болгарского литературного языка преуменьшается.

5. Термин “древнеболгарский язык”

Термин “древнеболгарский язык” имеет разные значения в зависимости от того, употребляется ли он применительно к истории болгарского языка или в общеславянском плане – при определении роли древнеболгарского языка в истории возникновения славянской письменности, формирования отдельных славянских литературных языков.

1) Термин “древнеболгарский язык” обозначает начальный период истории болгарского народного и письменно-литературного языка. Ср. аналогичные термины “древнерусский язык”, “древнечешский язык” и др. Ср.: “Болгарский литературный язык имеет более чем тысячелетнюю историю. Уже во второй половине IX в. в средневековой Болгарии во время правления Бориса I в связи с официальным принятием христианства создается литература на болгарском языке... Язык болгарских книг, созданных до конца XI в., принято называть древнеболгарским” (Славянские языки. М., 1977, с. 216).

2) Термин “древнеболгарский язык” обозначает первый письменно-литературный язык славян IX–XI вв., созданный Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. на основе солунского (южномакедонского) диалекта болгарского языка и развитый их учениками и последователями. В этом значении данный

термин синонимичен термину “старославянский язык” в его первом из указанных выше значений. Ср.: “Подспудно еще существует мнение, унаследованное от младограмматиков, что древнеболгарский письменно-литературный язык (именно как письменный и литературный) – язык искусственный. В результате до последнего времени явно недостаточно уделялось внимания *народной* живой основе древнеболгарского письменного языка и явно преувеличивалось значение греческих протографов... В дальнейшем я употребляю термин “древнеболгарский язык” только применительно к тому периоду, от которого сохранились рукописи... Таким образом, древнеболгарским я называю письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной и Восточной Болгарии конца X и XI вв. и на котором написаны 17 рукописей (11 глаголических и 6 кириллических)”. (P.M. Цейтлин. О современных проблемах древнеболгарской лексикологии. – Старобългаристика. 1980, кн. 2, с. 44–45).

В нашей литературе термин “древнеболгарский язык” в первом значении употребляется преимущественно только по отношению к древнейшему периоду народного болгарского языка, его народных говоров. В значении “древнеболгарский письменно-литературный язык” вместо термина “древнеболгарский язык” (“старобългарски език”), употребляемого в болгарской литературе, у нас обычно используется термин “старославянский язык”. Такое употребление этого термина применительно к внутренней истории болгарского языка приводит к распространившемуся в нашей научной и учебной литературе мнению, что история собственно болгарского литературного языка начинается не с переводов Кирилла и Мефодия, а с XII в. Это происходит оттого, что у нас установилась практика древнейшие болгарские рукописи X–XI вв. (Зографское евангелие, Саввину книгу, Супрасльскую рукопись и др., болгарская народная основа которых очевидна из анализа их языка) называть не древнеболгарскими, а старославянскими, а собственно болгарскими называть рукописи, датируемые XII в. и позднее (Добромирово евангелие XII в. и др.; ср. Остромирово евангелие XI в., называемое древнерусской рукописью, или Вуканово евангелие XII–XIII вв., называемое древнесербской рукописью). Отсюда может возникнуть впечатление, что древнеболгарские рукописи (X–XI вв. – самые близкие по времени создания и языку к кирилло-мефодиевским текстам) возникли позднее древнерусских.

Термин “древнеболгарский язык” как синоним термина “старославянский язык” в нашей литературе не получил широкого распространения. Обычно он, как и в последнее время термин “древнецерковнославянский”, указывается в качестве параллельного к термину “старославянский язык.” Ср.: “Старославянский язык (древнецерковнославянский или древнеболгарский) – древнейший литературный язык славян” (Большая советская энциклопедия, т. 40, 1957, с. 511); “В течение длительного времени старославянский язык (древнеболгарский) был на Руси литературным языком” (С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 81); “На другом, противоположном фланге в древней Руси находился перенесенный из Болгарии старославянский (древнеболгарский) литературный язык, основное ядро которого составляла обширнейшая богослужбная и нравоучительная (с элементами существовавших тогда в религиозной оболочке наук) литература” (Ф.П. Филлин. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981, с. 255).

Термин “древнеболгарский язык” в последние годы в нашей литературе отвергается не только на том основании, что язык кирилло-мефодиевских переводов стал общеславянским, международным литературным языком славянства,

для обозначения которого более пригодным считается термин “старославянский язык”, но и потому, что в IX в. этнонимом “болгары” назывались пришедшие на Балканы тюркские племена, а не славяне, называвшиеся в то время там словенами. Так, проф. Г.А. Хабургаев пишет: «Термин “древнеболгарский” следует признать неудовлетворительным, так как он искажает лингвистическую сущность языка древнейших славянских переводов. Дело в том, что в IX в. “болгарами” назывался народ тюркского (а не славянского!) происхождения, пришедший в VII в. на Балканский полуостров из Азии и покоривший местное население, называвшее себя славянами (точнее словенами). Позднее болгары-тюрки были ассимилированы славянами, которые стали называть себя “болгарами”. Но если даже, учитывая это последнее обстоятельство, считать древнеболгарским язык славян – предков нынешних болгар, то и в этом случае термин “древнеболгарский язык” следует признать неудачным для названия языка славянских переводов IX в., который, отражая многие фонетические и морфологические особенности одного из диалектов балканских славян, существенно отличался от этого диалекта в области лексики, синтаксиса, а отчасти и словообразования» (Г.А. Хабургаев. Старославянский язык. М., 1974, с. 6–7). В опубликованной в 1984 г. статье Г.А. Хабургаев допускает употребление термина “древнеболгарский язык” для обозначения языка древнейших славянских рукописей болгарского происхождения. Делая “замечание терминологического характера относительно языка старейших *сохранившихся* (выделено автором статьи. – Р.Ц., Г.В.) текстов балканского происхождения”, он заключает, что язык этих текстов (Мариинского евангелия, Зографского евангелия, Енинского апостола и др.) можно называть и древнеболгарским в том смысле, что он представляет собой местный извод церковнославянского языка, продолжающего традиции языка первых (кирилло-мефодиевских) переводов. Ср.: “В полном соответствии с принятой в современной Болгарии терминологией он может быть назван *литературным древнеболгарским* – в том смысле, в каком язык Остромирова евангелия может (и должен...) быть назван литературным древнерусским: будучи созданными в тогдашней Болгарии, старейшие балканские памятники более (особенно глаголические) или менее строго следуют традициям первых переводов; но следуют им как идеальной норме, “корректируемой” местным народно-разговорным “субстратом”. Иными словами, такие тексты представляют разные образцы древнеболгарского извода церковнославянского (древнеславянского) языка, эволюционно продолжающего традиции старославянского (кирилло-мефодиевского) языка в местных условиях” (Г.А. Хабургаев. Старославянский–церковнославянский–русский литературный – В кн.: История русского языка в древнейший период. М., 1984, с. 10). Ср. с этим мнение члена-корр. АН СССР А.М. Селищева, который следующим образом аргументирует предпочтительность термина “старославянский язык” термину “древнеболгарский язык”. Для обозначения языка кирилло-мефодиевских переводов, писал А.М. Селищев, “некоторые пользуются термином “древнеболгарский”. Этот термин ближе определяет элементы языка кирилло-мефодиевских переводов, указывая на их связь с языком славян, которые стали известны под именем “болгары”. Но этим термином надлежит пользоваться в том случае, если дело касается одного из периодов истории языка славян болгарских по сравнению с периодами последующими: язык кирилло-мефодиевских переводов в своем звуковом составе, в своих формах представляет данные для суждения о языке этих славян во второй половине IX в. Но сам по себе термин “древнеболгарский” не-

достаточно удовлетворителен по отношению к языку этих славян IX в. и к его отражению в кирилло-мефодиевских переводах: в то время на востоке полуострова болгары представляли собою не славян, а тюрков. Только несколько позднее утвердилось за славянами болгарского государства имя “болгары”. Но и позднее, как и в IX в., это население все еще называлось “словенами”... Более удовлетворительным считаем термин “старославянский” (“старословенский”), хотя и он не вполне удачен: термин не определяет, к какой именно славянской группе относился этот язык в своей основе. Но этот термин указывает на лингвистическое значение этого языка для исторического изучения славянских языков” (А.М. Селищев. Старославянский язык. Ч. I. М., 1951, с. 34).

Анализ рассмотренных выше толкований терминов “старославянский язык”, “церковнославянский язык”, “древнеславянский язык”, “древнеболгарский язык” показывает, что они недостаточно четко разграничиваются между собой или же употребляются как синонимы.

Наиболее аргументированными и отвечающими конкретным исследованиям языка древних славянских рукописей представляется следующее:

1) Старославянский язык – это первый письменно-литературный язык славян IX–XI вв., созданный Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. на основе солунского (южномакедонского) диалекта болгарского языка и развитый их учениками и последователями. Сохранившиеся старославянские памятники, написанные глаголицей и кириллицей, датируются X–XI вв. Старославянский язык был языком общеславянского значения и распространения, оказал большое влияние на формирование многих славянских литературных языков.

2) Церковнославянский язык – это старославянский в своей основе язык, функционировавший у восточных и южных славян с XII в. и позднее и отличавшийся локальными особенностями языков этих народов.

3) Термин “древнеболгарский язык” целесообразно употреблять применительно к истории болгарского языка (письменно-литературного и народного).

II.

Об “Изборнике Святослава 1073 г.”

Изборник Святослава 1073 г. – бесценная русская рукопись (266 листов), написанная русским уставом, высокохудожественно иллюминированная.

Изборник Святослава 1073 г. – русский список с несохранившегося протографа болгарской книги времени царя Симеона (сборника переводов из сочинений византийских авторов IV–IX вв.). Установлено несколько греческих рукописей, близких по содержанию к тексту Изборника Святослава 1073 г.

Включая Изборник Святослава 1073 г., в настоящее время известно 22 рукописи: 19 русских и 3 сербских списка этой болгарской книги. Среди них сербская рукопись XIII в. (древнейшая после Изборника Святослава 1073 г.) и русская рукопись Кирилло-Белозерского монастыря 1445 г., в тексте Похвалы которой упоминается царь Симеон (как полагают ученые – болгарский царь Симеон).

900-летний юбилей Изборника 1073 г. усилил интерес к его изучению. В СССР и в Болгарии прошли научные конференции. Их материалы были опубликованы в сб. “Изборник Святослава 1073 г.” (М., “Наука”, 1977) и в болгарском периодическом издании “Старобългарска литература” (София, 1979, кн. 5). В связи с юбилеем были опубликованы и другие материалы в ряде сборников и журналов СССР, Болгарии и других стран.

В 1983 г. вышло факсимильное издание “Изборника Святослава 1073 г.” (научный редактор издания – д. ф. наук Л.П. Жуковская). К изданию приложен “Научный аппарат факсимильного издания” из ряда статей, посвященных содержанию, палеографическому описанию и анализу художественного оформления рукописи Изборника Святослава 1073 г.

В русской и мировой славистике сложилось мнение, что Изборник Святослава 1073 г. – не оригинальное произведение древнерусской литературы, а копия с болгарского протографа. Об этом писал уже К. Калайдович, открывший рукопись Изборника 1073 г. в 1817 г. Данное мнение подтверждается современными советскими и зарубежными учеными. Ср.: “Изборник 1073 г. не является оригинальным произведением древнерусских писателей. В настоящее время известно о существовании нескольких греческих рукописей X в., с составом которых в основном совпадает Изборник Святослава, из чего можно сделать вывод, что протопротографом Изборника является греческий сборник, созданный в Византии в IX или в начале X в. Непосредственным протографом Изборника 1073 г. явилась болгарская рукопись аналогичного или близкого состава. Об этом свидетельствуют некоторые данные; во-первых, в одном из списков кодекса ... имеется обращение к Симеону – по мнению большинства ученых – болгарскому царю (893–927)” (*И.В. Левочкин*. Изборник Святослава 1073 года – памятник древнерусской культуры. – В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983, с. 10). Ср. также в “Истории русской литературы”, изданной под редакцией акад. Д.С. Лихачева: «Изборник Святослава 1073 г. является копией с болгарского сборника, составленного еще в начале X в. для болгарского царя Симеона. На Руси “Изборник” был переписан для киевского князя Изяслава, но затем имя князя было выскоблено и заменено именем Святослава, захватившего великокняжеский престол в 1073 г.» (с. 42). Ср. и в “Большой советской энциклопедии” (1972 г.): “Изборник 1073 г. переписан для князя Святослава Ярославича” (т. 10, с. 52). Так же и в вузовских учебных пособиях. Ср.: “Памятники XI в. представляют собой в большей своей части церковные произведения, переписанные со старославянского оригинала. К ним относятся: Остромирово евангелие 1056–1057 гг. ... Архангельское евангелие 1092 г. ... Новгородские служебные четьи-минеи... Святославовы изборники 1073 и 1076 гг. ...” (*В.В. Иванов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1983, с. 21–23). Аналогично в “Исторической грамматике русского языка” К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаева (М., 1981, с. 14). Известная чешская палеославистка (теперь главный редактор Словаря старославянского языка ЧСАН) З. Гауптова в 1981 г. писала: “Сегодня никто из исследователей ... не сомневается ... в болгарском происхождении всего сборника” (Старобългарска литература. 1981, кн. 10, с. 88).

Сомнение в болгарском протографе рукописи Изборника Святослава 1073 г. в неявной форме высказывается в статье “От редколлегии” к “Научному аппарату факсимильного издания”. Ср.: “Изборник Святослава восходит к славянскому протографу, переведенному с греческого оригинала на славянском юге (возможно, для болгарского царя Симеона – 893–927). Сама же дошедшая до нас и ныне изданная факсимильно рукопись была написана двумя древнерусскими писцами, вероятнее всего в Киеве” (с. 7). На сомнение авторов цитируемой статьи в болгарском протографе Изборника 1073 г. указывает неопределенное указание на “славянский юг”, откуда происходил “славянский протограф” русской рукописи, а также высказываемое допущение, что этот протограф, воз-

можно, был переведен для болгарского царя Симеона. Ср. с этим и следующее положение: “Изборник Святослава 1073 г. является памятником культуры трех восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского, так как он написан на древнерусском литературном языке и с некоторыми южнославянизмами” (с. 8). О том, что Изборник Святослава, восходящий к болгарскому протографу, является и памятником болгарской культуры, здесь не упоминается. Не отмечается в статье “От редколлегии” связь Изборника Святослава 1073 г. с болгарским источником и в той части, где идет речь о письме Изборника 1073 г. Ср.: “Письмо, которым написан Изборник, напоминает греческие буквы, применявшиеся в аналогичных книгах и эпиграфических памятниках. Оно называется кириллицей по имени Константина Философа (в монашестве – Кирилла, брата Мефодия). По господствующему в славистике мнению, Кирилл изобрел специальную славянскую азбуку – глаголицу. Но у славян и особенно в древней Руси преимущественное распространение получила кириллица, письмо, подобное письму самой передовой страны того времени – Византии, от которой Русь в 988 г. получила христианство византийского толка. На Руси кириллицу использовали не только для написания книг, но и в повседневном письме. Ею написаны на бересте бытовые грамоты и деловые документы XI–XV вв.” (с. 7–8). Здесь не сказано, что кириллица была изобретена в Болгарии (в Преславе) и именно оттуда пришла на Русь. Это мнение никем не оспорено. Ср., например, мнение двух крупнейших русских палеографов XX в. Е.Ф. Карский писал: “Древнейшие русские уставные рукописи (Остромирово евангелие, сборник Святослава 1073 г.) подражают письму восточноболгарских оригиналов, появившихся в области Преслава” (Е.Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 170). В.Н. Щепкин указывал: “Еще в середине XIX в. постепенное накопление материала позволило славному чешскому слависту выступить с научно обоснованной гипотезой, которая с тех пор признана большинством славистов. Шафарик пришел к выводу, что Кириллом изобретена глаголица, а наша кириллица возникла полувеком позднее, в школе царя Симеона” (В.Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, с. 23. – Выражение “признана большинством славистов” относится к хронологическому соотношению глаголицы и кириллицы, а не к месту их создания). Таково же мнение и современных ученых. См., например, у проф. С.Б. Бернштейна: “Кириллица родилась в Восточной Болгарии” (С.Б. Бернштейн. Константин-философ и Мефодий. М., 1984, с. 134).

Болгарские ученые различают “Изборник Симеона” как литературное произведение (перевод с греческого, сделанный в Преславе во время правления царя Симеона, памятник болгарской культуры начала X в.) и его сохранившийся до нашего времени древнейший список – русскую рукопись 1073 г. При этом эта рукопись называется: “Изборник 1073 г.”, или “Изборник Святослава (Симеона) 1073 г.”, или “Изборник Симеона (Святослава) 1073 г.”. Ср.: “Симеонов сборник, называемый Святославов по списку, сделанному для киевского князя Святослава Ярославича в 1073 г., неслучайно связан с именем Симеона; болгарский властитель (владетел) был инициатором перевода сборника, поручил эту работу отдельным книжникам, вероятно, непосредственно следил за ее исполнением. Симеон владел богатой библиотекой, в которой находился и греческий оригинал сборника” (П. Динев. Историческата мисия на старобългарската литература. – В кн.: П. Динев. Похвала на старата българска литература. София, 1979, с. 159). Ср. и у проф. К. Куева: “Симеонов сборник появился в Преславе около 915–920 гг... Попал на русскую землю, спустя некоторое время оригинал

исчез, но перед этим он стал родоначальником ряда списков... В науке известен 21 список с этого сборника, в той или иной мере восходящий к болгарскому оригиналу: ... Святославов список 1073 г., русская редакция; Хилендарский список XIII в., сербская редакция... из числа всех 21 списков только 3 являются списками сербской редакции, остальные 18 – русской редакции” (К. Кувев. Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. София, 1979, с. 16–17).

Следует заметить, что в опубликованный в 1976 г. в Софии каталог “Българска ръкописна книга X–XVIII в.” рукопись 1073 г. не включена, как и другие неболгарские списки с болгарских оригиналов.

Таким образом, в отечественной научной литературе считается бесспорным, что русская рукопись “Изборник Святослава 1073 г.” восходит к болгарскому протографу “Изборник Симеона” (начала X в.). Сомнения в болгарском происхождении протографа данной рукописи, высказанные в последнее время, не подтверждаются убедительными аргументами.

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения и балканистики АН СССР

Р.М. Цейтлин

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института славяноведения
и балканистики АН СССР

Г.К. Венедиктов

В качестве иллюстрации отзывов советских ученых о приведенной выше “Справке”, полученных директором Института славяноведения и балканистики АН СССР акад. Д.Ф. Марковым, приводим отзывы д-ра филол. наук проф. С.Б. Бернштейна, академика АН СССР Д.С. Лихачева, члена-корреспондента АН СССР Н.И. Толстого, д-ра филол. наук проф. Г.А. Хабургаева, д-ра филол. наук проф. А.Н. Робинсона.

О справке, посвященной некоторым терминам палеославистики и Изборнику Святослава

1. Вопросы терминологии относятся к важнейшим и весьма ответственным разделам научных исследований. Они тесно связаны с осмыслением самой сущности явлений и процессов. Поэтому они должны рассматриваться учеными Института в секторах и на Ученом Совете, а не в дирекции. Это вопросы науки, а не администрации.

2. Почему на международном уровне обсуждение ограничивается только встречей советских и болгарских ученых? Поднятые в “Справке” проблемы широко обсуждаются во всех славянских странах (особенно интенсивно в Чехословакии). Полагаю, что всесторонне все спорные вопросы терминологии нужно обсудить на всеславянской встрече. Организатором этой встречи должен быть Международный Комитет Славистов.

3. Составители “Справки” поставили перед собою задачу показать, что в вопросах терминологии царит хаос. Однако это не так. Покажу это на примере употребления терминов “древнеболгарский язык” и “старославянский язык”. Оба термина имеют полное право на существование, так как каждый из них имеет свою среду употребления. “Древнеболгарский язык” – термин, которым

пользуются историки болгарского языка. Без него обойтись нельзя. В данном случае речь идет о народном болгарском языке до XI в. включительно. Источником для его изучения являются древняя славянская топонимика Балканского полуострова, древнейшие славянские элементы в румынском языке (в меньшей степени в венгерском), следы диалектных особенностей в старославянских памятниках письменности и в эпиграфических памятниках X–XI веков, данные сравнительной грамматики славянских языков. Язык памятников XII–XV веков принято называть среднеболгарским. Источников для его изучения уже значительно больше.

“Старославянский язык” – это книжный церковный славянский язык, который формировался в сложной обстановке. Основы его были заложены в Византии в монастыре Полихрон Солунскими братьями и их учениками. Здесь была создана глаголица и в короткий срок был осуществлен перевод краткого апракоса (недельного евангелия). В основе языка перевода лежал тот славянский диалект, который хорошо знал Мефодий еще со времен его администрации в одной македонской славянской области. Конечно, не обошлось без многочисленных заимствований из книжного и разговорного греческого языка. А.М. Селищев справедливо пишет: “Язык старославянских переводов нельзя отождествлять во всех отношениях с живой народной речью славянской массы Солунского района”. В Византии был сделан лишь первый шаг. Подлинное формирование старославянского языка произошло в Великой Моравии. До прибытия сюда византийской миссии в 863 г. здесь языком религии был латинский язык. Однако на местном славянском диалекте читались проповеди, молитвы основного вероучения (Отче наш и др.), исповедовали. Этот славянский диалект Великой Моравии сыграл большую роль в судьбах славянского церковного языка. Через этот язык в старославянский язык проникло много местных особенностей не только славянских, но также латинских и германских. Деятельность Солунских братьев в Великой Моравии не ограничивалась сферой церковной. Здесь развитие получили памятники юридического содержания. В этом случае особенно велика была роль моравского диалекта. Это убедительно на многих примерах было показано чешскими и словацкими учеными. О сложности процессов в Великой Моравии, между прочим, свидетельствуют Киевские листки. Позже возник новый центр славянской письменности в княжестве Коцела, который имел свои особенности. После 886 г. начался процесс болгаризации старославянского языка. Н. Ван-Вейк удачно называет этот период “болгарским периодом истории старославянского языка”. Изучение этого процесса представляет большие трудности, так как дошедшие до нас древнейшие тексты моложе кирилло-мефодиевских текстов больше чем на сто лет. За этот период могли произойти существенные изменения.

Итак, в формировании и развитии древнейшего славянского книжного языка играли роль различные славянские диалекты. Вот почему любая этническая атрибуция старославянского языка является недопустимой.

15 июня 1985 г.

Проф. С.Б. Бернштейн

Уважаемый Дмитрий Федорович!

По поводу присланных мне материалов, касающихся содержания терминов “праславянский”, “древнеславянский”, “церковнославянский”, “древнеболгар-

ский” и т.д., я могу высказать следующие соображения. Все эти термины требуют от исследователей предварительных объяснений – в каком смысле они употребляются, и, второе, необходимо считаться с тем, что часть терминов является просто словами обыденной речи, которые ученые отменить не в силах.

Термин “церковнославянский” употребляется с XVIII в. в обиходной речи. В семинариях, церковноприходских, городских школах, реальных училищах и гимназиях преподавался церковнославянский язык по определенным программам, и отменить это название предмета преподавания XVIII–XIX вв. и употребления этого языка в русских церквях мы не в силах. Кроме того и в науке нужно считаться с традиционностью этого термина. Мы можем сказать “церковнославянизмы у Пушкина”, но нелепо изучать “древнеболгаризмы у Пушкина” или “старославянизмы” у него же.

Термин “древнеболгарский” не только касается языка (с этим тоже необходимо считаться): он касается и литературы, искусства и т.д. Недавно вышла в НРБ книга Станчева “Поэтика древнеболгарской литературы”. Она касается полутысячелетия болгарской литературы. Будем ли мы требовать, чтобы этот термин употреблялся лингвистами в отношении языка только в пределах одного или двух веков начала болгарской письменности? То же касается термина “староболгарский”. Ясно, что исследователи всякий раз должны сами улавливаться о терминах, которые они употребляют. Например: “старославянский – в основе своей болгарский, употреблявшийся в Солуни в IX – начале X в.” Почему нельзя говорить “солунский (македонский) диалект болгарского языка”? Потому что мы не знаем, был ли такой диалект и как широко (в каких границах) он употреблялся, и неясно, что такое “македонский” для IX–X вв. Предпочтительнее всего мне представляются два термина – “старославянский” и “староболгарский”, но исследователям должна быть предоставлена свобода самим выбирать термины, которые они предпочитают. Опровергать следует не *термины*, а *концепции*.

Желательно иметь термин для обозначения письменного языка кирилло-мефодиевских переводов и сочинений (собственно письменных произведений Кирилла и Мефодия и их учеников). Выделить терминологически именно этот период языка необходимо, так как в дальнейшем были не только отходы от этого языка и создания национальных вариантов литературного языка, но и возвращения (разумеется, частичные) к старым формам, к старой орфографии, попытки сближения литературных вариантов языков (ср. в России в конце XIV – начале XV в., затем в начале XVI в. различные “исправления книг” и т.п.). То же в Болгарии и Сербии (для последней русский “церковнославянский язык” играл особую роль даже в XVIII в.).

* * *

Разумеется, в основе Изборника Святослава 1073 г. лежал болгарский сборник царя Симеона. Тут нет места сколько-нибудь обоснованным сомнениям, и издательство “Книга”, выпуская факсимильное издание по розничной цене 200 рублей, должно было бы подумать о том, чтобы текст сопроводительных материалов был тщательно проверен всеми специалистами первого ряда. Но совсем не так обстоит дело с “Изборником 1076 г.”. Называть его “вторым” “Изборником Самуила” [так у автора] нет никаких оснований. Он известен только в одном экземпляре и, по-видимому, представляет собой компиляцию, составленную на Руси. Впрочем последнее окончательно еще не доказано, как не доказа-

но и болгарское происхождение этого сборника. В определении места происхождения рукописей или их текста следует всем проявлять максимальную осторожность и тщательность в доказательствах.

7.VI.85

Д. Лихачев

По поводу справки о некоторых терминах палеославистики и Изборнике Святослава

1. Состояние советской и мировой палеославистики таково, что она до сих пор не нуждалась и не нуждается сейчас в пересмотре своих основных терминов *праславянский*, *старославянский*, *церковнославянский*, терминов, установившихся более чем век тому назад. Этими терминами пользовались и пользуются все слависты, за исключением ряда болгарских и немецких славистов, которые употребляли термин *староболгарский* наряду со *старославянский*. Теперь в Болгарии наблюдается тенденция заменять, даже в чужих работах, термин *старославянский* на *староболгарский*, что необоснованно, так как эти термины не синонимичны и относятся к разным языковым идиомам (феноменам).

2. Рассуждения, идущие по пути от терминов к проблемам, а не рассмотрение основных проблем, дающих возможность обосновать, сохранить или видоизменить терминологию, являются своего рода “подходом навыворот”. Такой подход особенно неудачен, если принимать положение авторов Справки о том, что “в современном славяноведении эти термины (*праславянский*, *старославянский*, *церковнославянский*, *древнеславянский*) многозначны”. К счастью, такой многозначности не существует. Она лишь создается, и притом довольно искусственно, по отношению к одному термину – *древнеболгарский* (о чем будет сказано кратко ниже).

3. Справка построена по принципу “объективного” изложения различных мнений. Такой подход возможен, но, к сожалению, он оказался на деле далеко не объективным. Достаточно указать на употребление авторами справки таких модальных слов, как *якобы* (с. [69] и др.)*, при помощи которых отводятся некоторые весьма принципиальные положения, касающиеся праславянского языка и древнеславянской диалектологии, или отметить тенденциозный подбор цитат, которые создают определенный фон. Должен сказать, однако, что избежать пристрастности не так легко, и с общими выводами авторов справки (с. [76]) можно согласиться, кроме одного положения, что славянский солунский диалект был диалектом болгарского языка. Но об этом подробнее ниже.

4. Чрезвычайно кратко, в полстраницы, изложено понимание термина *праславянский язык*. Может быть, это сделано потому, что в отношении применения этого термина все слависты единодушны? Да, термин этот не оспаривается никем, и никто не сомневается в наличии диалектов в этом языке в поздний период его развития. Нет как будто и разногласий в датировке конца этого языка, его окончательного расслоения и исчезновения. Таким моментом считается падение редуцированных. Так думали Мейе, Трубецкой, Дурново, Виноградов и болгарский ученый В. Георгиев. Падение редуцированных относится к X–XI вв. До этого существовало славянское языковое единство, и все различия были на уровне диалектов, а не языков. Это можно сказать и в отношении южнославянских и исчезнувших паннонских диалектов и тем более в отношении восточнославянских диалектов, расчленение которых и в то же время объединение в

пределах разных языковых групп – языков (великорусского, украинского и белорусского) относится лишь к началу XV в.

Напрасно авторы справки в этом случае опираются на цитату из последней работы Ф.П. Филина, гласящую: “Современное славянское сравнительно-историческое языкознание ясно показывает, что расхождения между славянскими языками IX–XI вв., не говоря уже о более позднем времени, были, причем на всех уровнях, не диалектными, а языковыми” (Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1984, с. 259). Ф.П. Филин неоднократно и по этому, и по другим вопросам менял свои взгляды и, наконец, высказал мнение, которое как раз сравнительно-историческое славянское языкознание не принимает. Если расхождения уже тогда были на уровне языков, то как быть с украинским и белорусским языками, чешским и словацким, с кайкавским, чакавским и штокавским диалектами и какие критерии принимать для различия языка и диалекта?¹

В период создания старославянского языка Кириллом и Мефодием и его учениками на южнославянской территории еще не было ситуации языковой расчлененности, а была ситуация диалектной дробности. Это подтверждается и языковыми показателями, и самоназванием славянского этноса, осевшего на Балканах. Но об этом позже.

5. Если обратить внимание на характер диалектной дробности славянского континуума на Балканах в IX–X вв., то нельзя не заметить глубоких для того времени и той ситуации расхождений славянского населения, ставшего впоследствии болгарским (т.е. населявшим Фракию, Мизию, район Старой Планины и Родоп и т.д.), и населения, называемого сейчас македонским. Сравни болгарские рефлексy ж → ѣ (мъж), ѣ → ѣ (сън) и македонские рефлексy ж → а (маж), ѣ → о (сон), разницу в системе ударений, в лексике и т.п. Эти различия глубже и древнее, чем среди восточнославянских языков (русского, украинского, белорусского) и ряда западнославянских языков (чешского, словацкого и др.). Скорее позднее, начиная с XII в., можно говорить о сближении македонских и болгарских языковых особенностей на основе общего переживания процесса перехода от синтетизма к аналитизму.

Все это вопросы исторической диалектологии языка, истории языка, а не истории литературного языка. История языка (и историческая диалектология) и история литературного языка – различные дисциплины, с различными методами исследования. Это следует учитывать и в данном случае, так как историческая диалектология нас интересует *только* в связи с вопросом *первичной* диалектной базы старославянского литературного языка.

6. Определяя диалектную базу литературного языка, мы ищем всегда конкретный, небольшой по территории диалектный регион – очаг, черты которого отражаются в литературном языке. Для сербскохорватского это восточногерцеговинский диалект, для русского – московский (а не орловско-курский), для украинского – киевско-полтавский, для словацкого – среднесловацкий и т.д. Для старославянского – это солунский диалект, притом, вероятно, даже солунское славянское койне (как и московское койне, а не крестьянский диалект). Солунское славянское койне того времени не следует причислять к болгарскому язы-

¹ Ф.П. Филин писал также, что термин “древнеславянский” неудачен потому, что *древний* значит “очень давний”, а *старый* – “давно созданный” и т.п., но в таком случае надо возражать и против термина *древнерусский* (до XVIII в.) и *древнепольский* и т.д. Авторы справки, видимо, солидарны с мнением Ф.П. Филина.

ку, сформировавшемуся позже (Солунь всегда входил в состав Византийской империи, и солуняне платили подать византийскому императору), вероятно, и к македонскому языку тоже, на что было бы больше оснований. Замечу, что современные македонские лингвисты не называют старославянский язык старомакедонским языком, как не называют итальянцы латынь языком староитальянским и чехи тот же старославянский язык старочешским.

Нужно учитывать, что старославянский язык был языком, сменившим свою диалектную базу. Солунская база была вскоре заменена моравской. Старославянские памятники носят следы обеих баз. Значительное число кирилло-мефодиевских переводов было сделано в Моравии. Это общеизвестно. Известно также, что прямым продолжением старославянского языка – языком церковнославянским (этот единый язык, имеющий разные названия, лишь на основе хронологии и ряда диалектных черт может быть назван древнеславянским) была еще раз сменена диалектная база. Начиная с XV–XVI вв., а в ряде случаев (памятников) и раньше, диалектная база церковнославянского языка перемещается на Русь, и “русский церковнославянский язык” (термин В.В. Виноградова) становится общим культурным (и культовым) языком славянства мира *Slavia Orthodoxa*. Его роль в культурной жизни славян и истории славянских литературных языков огромна, и его никак нельзя назвать “русской редакцией староболгарского языка”², как это делают некоторые экстремистски настроенные болгарские лингвисты. Вероятно, на том же основании и древнесербский язык нельзя считать “сербской редакцией староболгарского языка” и т.д. и т.п.

7. Ничем, кроме как стремлением пренебречь моравским периодом в истории старославянского языка, нельзя объяснить исключение “Киевских листков” из корпуса старославянских памятников, как это в принципе сделала Р.М. Цейтлин в своей книге по лексике старославянского языка (1977). “Киевские листки” – единственный памятник X в., в то время как все остальные старославянские памятники (числом 16) принадлежат к XI в., т.е. отстоят от кирилло-мефодиевской эпохи на два века. “Киевские листки” отстоят лишь на один век, это старший памятник с ярко выраженными моравскими чертами, по фонетическим и грамматическим свойствам ближе всего примыкающий к кирилло-мефодиевским текстам раннего моравского периода. “Киевские листки” включаются в корпус старославянских текстов всеми, в том числе и болгарскими учеными. Судя по статье 1980 г. и по цитате из нее в справке (на с. [74]), включить “Киевские листки” в корпус старославянских рукописей готова и Р.М. Цейтлин, но для чего же тогда с самого начала справки на с. [65] делается странное заявление (цитата) о том, что “одни исследователи считают старославянскими только рукописи с чертами древнеболгарского языка, а потому, например, относят Киевские листки к моравским памятникам ... другие понимают *старославянский* язык расширительно...” (с. [65–66]). Могу с полной ответственностью сказать, что в наше время в отношении корпуса старославянских памятников разногласий нет. В корпус принято 17 памятников. Неясна лишь позиция Р.М. Цейтлин. Не потому ли, что Киевские листки никак нельзя назвать старо-

² Только курьезом можно считать заявление авторов справки, данное после цитаты из кн. А. Бончева о “русской редакции староболгарского языка”, о том, что “по существу точка зрения болгарских ученых на истоки церковнославянского языка, функционировавшего на Руси в течение нескольких веков, не отличается от утвердившегося в русской и советской науке мнения по этому вопросу, согласно которому, как сказано выше, старославянский язык – это в своей основе древнеболгарский язык” (с. [72]).

болгарскими памятниками? Не по той ли причине моравская струя и основа в развитии старославянского языка, как и русская струя и основа в более поздний период (это уже относится к Изборнику Святослава 1073 г.) вообще выносятся за скобки?

8. В справке на с. [75–76] приводится мнение А.М. Селищева о том, что «сам по себе термин “древнеболгарский” недостаточно удовлетворителен по отношению к языку этих (солунских. – Н.Т.) славян IX в. и к его отражению в кирилло-мефодиевских переводах: в то время на востоке полуострова болгары представляли собой не славян, а тюрков. Только несколько позднее утвердилось за славянами болгарского государства имя “болгары”. Но и позднее, как и в IX в., его население все еще называлось “словенами»”. Эти наблюдения совершенно справедливы. Славян и болгар (болгар-тюрков) четко противопоставлял и в XII в. Нестор-Летописец. Автор Жития Мефодия влагает в уста императора Михаила III слова, адресованные солунским братьям: “Вы жители Солуня (солуняне), а они (солуняне) все чисто словенски говорят (беседуют)”.

Аналогичного мнения придерживался крупнейший историк болгарского языка профессор Софийского университета Беню Цонев. Он писал: “Нельзя забывать, что прежде чем получить свое государственное имя *българе*, наши прадеды были известны по их племенному имени *словѣне*. Этим именем назывались и все наши соплеменники (единородцы), которые жили вне болгарского государства, а их язык назывался тоже *словѣнский*. Имя болгары было тогда только *политическим* названием того же самого народа, который потом принял всеобъемлющее (целокупно) название *българе*” (Б. Цонев. История на български език. Т. 1. София, 1919, с. 110; см. также: Д. Иванова-Мирчева. Професор Беню Цонев и българският книжовен език от донационална епоха // Български език. 1983, кн. 6, с. 487).

К подобным выводам независимо от Б. Цонева пришел недавно Г.Г. Литаврин, указавший на то, что “понятие “славяне” и “славянский” имеют здесь по преимуществу этнический и вероисповедный смысл, тогда как термины “болгары” и “болгарский” – государственно-политический (титул князя, территория государства, его название, подданные князя). Именно поэтому в “Житии Наума Охридского” сказано, что ученики Мефодия “прошли” в “болгарскую землю”, а затем один из воспитанников Климента (Марк) стал четвертым епископом “славянского языка” в Девале (Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1970, с. 306–307). Жители Болгарии принадлежали к “славянскому роду”, пишет Черноризец Храбр, когда они обрели “славянские книги” в правление “болгарского” князя Бориса. В приписке к переводу “Слов” Афанасия Александрийского отмечено, что после того, как Борис крестил “болгар”, при ныне правящем “нашем князе болгарском Симеоне”, много книг переведено “с греческого на славянский”” (см. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982, с. 73). Из этого ясно, что сами древние болгары, или жители болгарского царства, называли свой род и язык, наконец, свой книжный язык – славянским.

Авторы справки, к сожалению, проходят мимо изложенных фактов и потому их рассуждения основываются во многом на переносе современных языковых и этнических отношений и представлений в прошлое, на некоторой “модернизации” прошлого состояния. В еще большей мере к этой модернизации склонны некоторые болгарские ученые.

9. Наибольшее возражение вызывает позиция авторов справки в отношении “Изборника Святослава 1073 г.” Она выражена кратко и ясно: «Таким образом,

в отечественной научной литературе считается бесспорным, что русская рукопись “Изборника Святослава 1073 г.” восходит к болгарскому протографу “Изборник Симеона” (начала X в.)». Что касается сомнений ряда советских ученых в том, что протограф связан с именем болгарского царя Симеона, то они, по мнению авторов справки, “не подтверждаются убедительными аргументами”. Но нет никаких убедительных аргументов и в пользу того, что протограф сборника принадлежал болгарскому царю Симеону. Состав сборника – византийские (греческие) тексты, подобранные по определенному принципу, тексты – все переводные. Так что какие-то “права” могли бы предъявлять исключительно греки. Язык Изборника – древнеславянский русского типа, т.е. древнерусский язык того времени с чертами обобщенных южнославянизмов. Авторы справки сами справедливо пишут, что в настоящее время известно 22 рукописи типа Изборника 1073 г. – 19 русских и 3 сербские (при этом ни одной болгарской!). Лишь в одном позднем русском списке 1445 г. в тексте Похвалы упоминается имя Симеона (а не царь Симеон, как пишут авторы справки); это имя могло относиться к Симеону Гордому и другим лицам. Отсутствие какого бы то ни было болгарского списка делает вопрос о болгарском происхождении переводов от царя Симеона крайне спорным и сложным. Наконец, само появление имени Симеона в указанном списке 1445 г. (возможно, на месте другого имени) вызывает сомнения и вопросы. Единственная бесспорная реальность – это русские списки, русские лицевые изображения, принадлежность древнейшего славянского (не греческого) текста князю Святославу. Принадлежность протографа болгарскому царю Симеону – не более чем гипотеза. Допустимая гипотеза, но гипотеза. Об этом и сказано в московском факсимильном издании Изборника 1073 г.

10. Цитаты из статьи Г.А. Хабургаева 1984 г. неудачны: в них Издательством МГУ по причинам экстралингвистическим (действие неофициально-подпольной цензуры) слово *македонский* заменено на *балканский*. Возникла явная несуразица, так как понятие “балканский” значительно шире, чем “южнославянский” и для определения диалектной базы непригодно. Г.А. Хабургаев может подтвердить этот факт.

11. В справке не выделено в качестве отдельной точки зрения мнение о македонской языковой основе старославянского языка, высказанное рядом ученых (Г. Лант, В.В. Виноградов и др.).

З а к л ю ч е н и е

Несмотря на спорные вопросы, на ряд неточностей и на местами осложненное или тенденциозное изложение материала (с. [70, 71, 74]), нужно признать, что авторами проделана большая работа и что выводы ее (не всегда согласующиеся с предшествующим текстом) относительно старославянского языка могут быть приняты, за исключением положения о принадлежности в IX в. “солунского (южномакедонского) диалекта” болгарскому языку. Это положение, во-первых, вызывает очень серьезные научные возражения, во-вторых, открывает путь группе экстремистски настроенных болгарских филологов называть старославянский язык и старославянскую литературу, а также древнеславянский язык и древнеславянскую литературу – староболгарской, а затем уже и древнерусский язык и древнерусскую литературу, или хотя бы ее часть, изводом древнеболгарского языка и русскими списками древнеболгарской литературы (как в случае с Изборником 1073 г. и с многими другими случаями).

Следует учитывать, что подобные экстремистские позиции занимает лишь сравнительно небольшая группа болгарских ученых, имеющая некоторый административный вес в системе Болгарской Академии наук, и что большинство серьезных болгарских филологов в Академии и вне ее не придерживаются таких взглядов (акад. П. Динев, Б. Ст. Ангелов, С. Кожухаров и др.), более того, эти ученые сами оказываются в весьма затруднительном положении из-за действий своих максималистски настроенных коллег.

Сотрудничество, обсуждение научных проблем и стремление к сближению взглядов советских и болгарских ученых, установление взаимопонимания и поиски общих позиций должны продолжаться – но не за счет отказа от принципиальных позиций, которые занимают советские ученые и не в ущерб научным принципам и фактам. При этом обсуждение научных проблем и поиски общих позиций должны вестись путем открытых научных дискуссий, а не административных решений. Административные решения спорных вопросов и выработка общих точек зрения закрывает возможности научного обсуждения и препятствует развитию науки. Советские ученые не отрицают и не умаляют очень большого вклада, который внес болгарский язык, болгарская литература и культура в развитие общеславянского языка, литературы и культуры, как и литературы и культуры европейской, но они не забывают и роли других славянских народов в этом процессе (чехов, словаков, поляков, сербов и др.) и роли своего народа.

К сожалению, многие положения, а главное – дух справки, написанной Р.М. Цейтлин и Г.К. Венедиктовым, принципиально отличается, а в некоторых случаях и противоположен справке, направленной летом 1984 г. в Президиум Болгарской АН от имени двух отделений АН СССР – Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук. Впрочем, это дело поправимое, так как представленная для обсуждения справка имеет предварительный характер.

Н.И. Толстой

Р.С. Употреблению термина “староболгарский язык” вместо “старославянский” или “древнеславянский” можно было бы не придавать большого значения и принять его как локальный (для болгарской научной литературы) вариант и синоним термина “старославянский язык” (как это и делали многие болгарские ученые, в том числе и Б. Цонев), если бы в последнее время некоторые болгарские ученые не стремились придать этому термину расширенное и по сути иное содержание.

* В документе указаны страницы по “Справке”, в публикации, здесь и далее, в квадратных скобках даются страницы в данном номере журнала.

Сектору славянских языков
Института славяноведения и
балканистики АН СССР

Уважаемые коллеги!

Я получил справку, подготовленную Р.М. Цейтлин и Г.К. Венедиктовым, с просьбой вернуть ее вместе со своими замечаниями не позднее 15 июня 1985 г. Выполняя эту просьбу, хочу вместе с тем поддержать идею намечаемой дискус-

сии: обсуждение затронутых в справке вопросов с болгарскими коллегами было бы в настоящее время желательно. Мои замечания связаны со стремлением сделать такое обсуждение по возможности конструктивным, не поступаясь при этом принципиальными достижениями отечественной (да и мировой!) палеославистики. Надеюсь, мои замечания окажутся полезными именно в этом плане.

С пожеланием всем вам успеха Г.А. Хабургаев.

14 июня 1985 г.

Замечания к справке прилагаются.

Ознакомившись со справкой “О содержании некоторых терминов современной палеославистики и определении протографа Изборника 1073 г.”, считаю, что в целом документ вполне объективно отражает мнение советских языковедов по затрагиваемым здесь вопросам (см. резюме на с. [76]). Поскольку, однако, он предназначается в качестве основы для дискуссии с болгарскими коллегами, мне представляется целесообразным сконцентрировать в нем внимание именно на терминологической стороне каждого из предлагаемых к обсуждению понятий, не отвлекаясь на обсуждение вопросов, которые связаны с дальнейшим изучением соответствующего явления действительности.

Поясню на примере п. I.1 – термин “праславянский язык”. Обсуждение этого термина имеет смысл лишь в связи с термином “общеславянский язык”, который авторы справки справедливо характеризуют как устаревший (см. с. [65]). Если будет достигнуто единство в том, что термин “праславянский” должен использоваться только со значением “язык-предок всех славянских языков” (см. там же), то этого вполне достаточно. Как и в каких условиях сложился праславянский язык и какова его история (см. с. [65]), – это вопросы, которые могут обсуждаться в рамках единого (указанного выше) понимания термина “праславянский”, что, однако, не следует включать в повестку дня предполагаемой дискуссии, ибо это отвлекло бы от обсуждения других проблем, которые связаны со “своеобразной” позицией болгарских коллег (см. далее).

Не могу согласиться с авторами справки, будто “существенное различие в толковании термина “старославянский язык” касается определения его диалектной основы” (см. с. [67]): различия в понимании термина “старославянский язык” носят, по существу, “хронологический характер”, что и отмечено авторами справки на с. [66–67]. Вопрос же “диалектной основы”, особенно болезненно воспринимаемый в последние годы болгарскими коллегами, включать в дискуссию вообще не стоит; достаточно разъяснить, что первоучители при создании первых переводов ориентировались на славянский диалект Солуня (см. с. [68] справки); а поименование этого диалекта в некоторых работах “македонским” связано только с историческим наименованием соответствующего района Балканского полуострова и не имеет отношения к современному содержанию этого термина (упоминаемые на с. [69] формулировки относительно “македонского” языка в IX в. (?) следует решительно признать неудачными).

В историко-лингвистическом плане при обсуждении термина “старославянский язык” в связи с термином “древнеболгарский – староболгарский” существенно лишь настаивать на несовпадении языковой системы кирилло-мефодиевских переводов, реконструируемой палеославистами без существенных разногласий, с системой языка сохранившихся славянских текстов, в том числе и древнеболгарских X–XI вв., что в ряде научных контекстов требует тер-

минологического разграничения. Отсюда и необходимость в термине “старославянский” (можно: “древнецерковнославянский”), не совпадающем по своему содержанию с термином “древнеболгарский”, – независимо от решения вопроса о его диалектной основе. Относительно же упоминаемого в справке замечания болгарских коллег, будто термин “старославянский” не указывает на этническую принадлежность языка первых переводов, можно разъяснить, что здесь обнаруживается проецирование в прошлое современных этнических наименований: во времена Кирилла и Мефодия носители славянских диалектов юго-востока Балканского полуострова именовались как раз “словенами” (вспомним в “Житии Мефодия”: ... а все солуняне *словенски* беседуют!), а не “болгарами”. Кстати сказать, филологическая традиция во всех славянских народов (в том числе и болгар! – см. хотя бы “Историю” Паисия Хиландарского) сохранила именно этот термин (разумеется, без добавления “старо-”) за языком Кирилла и Мефодия ...

В отличие от терминов “старославянский” и “церковнославянский” (о котором в справке сказано достаточно точно, если иметь в виду общепринятое мнение, – см. с. [71–72]), термин “древнеславянский” не является принципиальным. Необходимость в нем возникает лишь в отдельных научных контекстах, не требующих противопоставления языка первых переводов позднейшим местным разновидностям общеславянского книжно-литературного (церковнославянского) языка. Впрочем, непринципиальность этого термина отмечена и составителями справки (см. с. [76]).

Что касается Изборника 1073 г., то, как справедливо замечено в справке, разногласий в связи этого памятника с болгарским сборником Симеона в советской филологии нет. Цитируемое замечание (Л.П. Жуковской) в последнем факсимильном издании памятника следует признать авторским и явно неудачным по формулировке, что и констатируется в справке на с. [79].

Профессор кафедры русского языка
Филологического факультета МГУ
доктор филологических наук Г.А. Хабургаев

**Заметки в связи с совещанием (г. София, сентябрь 1985 г.)
по некоторым вопросам древней славянской письменности**

Первый из двух “Изборников” великого князя киевского Святослава II Ярославича, а именно “Изборник 1073 г.”, как я уже писал недавно, следуя установившейся традиции, “был повторением болгарского оригинала, который в свою очередь был переведен с греческого по приказанию царя Симеона” (см.: История всемирной литературы, т. 2. М., 1984, с. 410). Задачи данного издания были таковы, что они не позволяли характеризовать этот памятник более подробно.

В дополнение к сказанному теперь я добавлю, что выражение “по приказанию царя Симеона” является более или менее убедительным предположением, давно уже высказанным С.П. Шевыревым (1850 г.), которое и вошло в научную традицию.

“Изборник 1073 г.” неоднократно изучался выдающимися русскими учеными, начиная с К.Ф. Клайдовича, А.Х. Востокова и ряда других. Крупным научным начинанием стал сборник статей, вышедший в Москве в 1977 г. “Изборник Святослава 1073 г.” под редакцией Б.А. Рыбакова. В этой книге, в частности,

помещена статья известного болгарского исследователя К. Куева “Археографические наблюдения над сборником Симеона в старославянских литературах” (с. 50–56). Характеризуя древнейший список этого памятника, а именно “Изборник 1073 г.” (ГИМ, Москва), К. Куев справедливо пишет, что эта пергаменная рукопись, – “редакция русская, со следами болгаризмов” (с. 51). Следовательно, К. Куев, как и все русские ученые, признает, что эта рукопись не болгарская. Напротив, она была изготовлена на Руси, как правильно отмечает К. Куев, “в 1073 г. дьяком Иоанном для киевского князя Святослава Ярославича...” (с. 51).

В академической “История на България” (т. 2, София, 1981) эти факты уже нарушены, так как они излагаются противоречиво. В тексте этой книги, во-первых, указывается произвольная дата перевода памятника с греческого языка “около 915 г.”. Во-вторых, как и у К. Куева, сообщается: “По-късно обаче (969–971) сборникът бил отнесен от руските войски в Русия и там бил преписан от дякон Иоан през 1073 г. за княз Светослав Ярославич (1027 – 1076), поради което понякога се нарича и Светославов сборник” (с. 321). Отсюда видно, что первооригинал, принадлежавший лично царю Симеону, был похищен великим князем Святославом I Игоревичем и привезен на Русь. Но в этой же книге под миниатюрой из “Изборника 1073 г.” стоит совершенно другое определение: “Миниатюра от Симеоновия (Светославовия) сборник. Старобългарски книжовен паметник, съставен около 915–920 г. Държавен исторически музей – Москва” (с. 310).

В этом солидном труде получается весьма странное противоречие. С одной стороны признается, что рукопись “Изборник 1073 г.” была написана на Руси дьяком Иоанном для Святослава II Ярославича, что правильно. С другой стороны, утверждается, что это болгарский книжный памятник, составленный около 915–920 гг., и что именно он хранится в Москве, что неправильно. Это неверно, так как здесь смешивается памятник (как литературное произведение) с рукописью, то есть со списком его. Такая ошибка не случайна, напротив, она характерна для современного состояния болгарской филологии. Поскольку признано, что рукопись “Изборник Святослава 1073 г.”, как в ней самой сказано, изготовлена дьяком Иоанном (возможно с каким-то вторым писцом) для князя Святослава Ярославича, то она является памятником русской книжной культуры, но не является произведением русской литературы. Нет никаких оснований называть эту рукопись “Симеоновым” сборником, так как в ней имени царя Симеона нет, а имя великого князя Святослава есть.

Бесспорно, эта рукопись “Изборника 1073 г.” была переписана на Руси, очевидно, в Киеве с какой-то несохранившейся болгарской рукописи. Но с какой рукописи?

Поддержанное К. Куевым предположение, что оригиналом для “Изборника 1073 г.” послужила подлинная рукопись, принадлежавшая царю Симеону (ум. 927 г.), представляет собой занимательную романтическую историю, которая с научной точки зрения вызывает немало недоуменных вопросов. Итак, великий князь киевский Святослав I Игоревич захватил столицу Болгарии, что совершенно верно, и следовательно, там из царской библиотеки похитил эту книгу (она там пролежала от смерти Симеона до нашествия Святослава I около полувека) и привез ее на Русь. Но этого быть не могло, так как Святослав I на Русь не вернулся. “И послаша переяславцы (то есть болгары. – А.Р.) к печенегам, глаголюще: “Се идетъ вы Святославъ в Русь ... с маломъ дружины”» (Повесть временных лет). Печенеги убили Святослава I у днепровских порогов в 972 г.

В Киев вернулся воевода великого князя Игоря Рюриковича и его сына Святослава знаменитый варяг Свенельд. Следовательно, это он привез так называемый Симеонов сборник в Киев. Но Святослав и Свенельд были язычниками, Святослав даже демонстративно отказался от крещения, заявив своей матери Ольге, что в таком случае его дружина – "смеяться начнуть". Зачем же эта христианская книга понадобилась язычникам Святославу, Свенельду и другим? Почему же они именно эту книгу выкрали и донесли до Киева, несмотря на холодную зиму, голод, нападение печенегов, большие потери в людях? Ведь книга эта по одному своему иноверному виду должна была вызвать их отрицательное отношение, и лучше всего ее было бросить в костер.

Что же далее? Эта рукопись, якобы доставленная Свенельдом в Киев, где-то там лежала еще сто лет. На нее не обратили внимание ни Владимир Святой, который устроил первую школу, ни Ярослав Мудрый, известный своей любовью к христианским книгам, которые он читал "во дни и в ночи". И только позже, в 1073 г., почему-то эта рукопись появилась и была переписана.

Возникает вопрос: зачем же ее было переписывать? Гораздо лучше такое древнее сокровище хранить в великокняжеской библиотеке и читать в оригинале, так как в эту эпоху великокняжеские писцы, а возможно, и сами князья (вслед за их отцом Ярославом Мудрым) могли читать тексты такого рода.

Миниатюры рукописи "Изборник 1073 г.", как показала В.Л. Лихачева, были близки по своему типу к византийскому искусству (не ранее второй половины XI в.). Лингвистические особенности ее, как показала Л.П. Жуковская, относятся к этой же эпохе.

Я держусь того мнения, что оригиналом для рукописи "Изборник 1073 г." послужила вовсе не книга из библиотеки царя Симеона, а более поздний ее болгарский список. Видимо, этот список не удовлетворял по своему оформлению вкусам великих князей киевских (Ярославичей), и они заказали для себя изготовить более роскошную рукопись, что и было сделано Иоанном.

Известно, что то место в рукописи "Изборник 1073 г.", где записано имя Святослава II Ярославича, содержало какую-то другую запись, которая была стерта, и на этом стертом месте было написано имя Святослава.

Замечу, что современная экспертиза, с использованием новой техники, указала на то, что прочитывать стертый текст в этом месте невозможно.

Возможны предположения. Может быть, в болгарской рукописи, которая была переписана в виде "Изборника 1073 г.", в этом месте содержалось имя первого владельца перевода с греческого – царя Симеона? Но это противоречит процессу создания русской рукописи. На эту работу нужно было затратить длительное время (не менее года). "Остромирово евангелие", втрое меньшее по объему, чем "Изборник 1073 г.", создавалось в течение семи месяцев (как это сообщила Л.П. Жуковская).

Таким образом, писец (или два писца) тщательно и неторопливо работая, дописали "Изборник 1073 г." почти до конца. Они якобы переписали из болгарской рукописи титул и имя царя Симеона. И только потом сообразили, что заказал им эту рукопись не царь Симеон, а великий князь киевский. Тогда они стали тщательно стирать имя Симеона и поставили вместо него имя их господина великого князя Святослава. Такое предположение по отношению к этим замечательным мастерам книжного дела было бы совершенно невероятным.

Гораздо вернее предположение о том, что в данном месте (в “Похвале”) “Изборника 1073 г.” стояло первоначально имя великого князя киевского Изяслава Ярославича.

Специалистам известно, что в начале 1073 г., 22 марта в Киеве произошел политический переворот (он описан в “Повести временных лет”). Святослав вместе со своим братом Всеволодом изгнал из Киева их старшего брата Изяслава Ярославича. Киевский престол занял Святослав II. В этой ситуации писцу Иоанну, если он уже записал в рукописи имя своего заказчика Изяслава, нужно было стереть эту надпись и написать имя Святослава, которому он и преподнес свой труд. Так появилась запись: “**ВѢЛКОУМОУ КНЯЗЮ СѢТОСЛАВУ**”.

Сделать это было нетрудно, так как титул Изяслава и Святослава был один и тот же, а имена их весьма похожи (общее окончание – “слав”) и содержат одинаковое количество букв: “**ИЗАСЛАВУ**” и “**СѢТОСЛАВУ**”. Имя “**СИМЕОНУ**” не похоже на эти имена и содержит восемь букв, а не девять. Титул Симеона другой.

Следует добавить, что типично русское происхождение рукописи “Изборник 1073 г.” подтверждается, кроме указания имени заказчика – господина, и запись имени писца дьяка Иоанна. По такому же типу несколько ранее (1056–1057 гг.) было обозначено знаменитое “Остромирово евангелие”, которое потому так и называется, что оно было переписано с болгарского списка дьяконом Григорием для Новгородского посадника Остромира.

В своем весьма ценном исследовании Л.П. Жуковская, тщательно изучая “Изборник 1073 г.” по рукописи в аспектах палеографическом и лингвистическом, убедительно показала, что эту рукопись не следует отождествлять с другой рукописью того же памятника, которая послужила оригиналом для его Кирилло-Белозерского списка, тот список принято датировать 1445 г. (небольшие расхождения в этой датировке не меняют существа вопроса). В последней части позднего Кирилло-Белозерского списка (в той же “Похвале”) есть запись “**Великый въ црьхъ Симеонъ**”. Эта “Похвала” имеется только в “Изборнике 1073 г.” и в этом позднем списке. В других русских и сербских списках данного памятника “Похвалы” нет, а потому нет и никакого владетельного имени. Болгарских списков памятника не существует.

Таким образом, вся традиционная гипотеза о том, что этот памятник был изготовлен первоначально (путем перевода с греческого) для болгарского царя Симеона, создана на основании только этого единственного упоминания в очень далеком от Болгарии и по месту и по историческому времени Кирилло-Белозерском списке.

Здесь возможно два предположения. Либо у северного писца середины XV в. был какой-то древний болгарский список с именем царя Симеона, либо эта запись не относилась к болгарскому царю Симеону. В последнем случае и весь этот памятник не может быть отнесен к этому монарху. Он мог быть создан в Болгарии в более позднее время.

Наличие такого болгарского списка в северо-восточной Руси XV в. (к тому же после более чем двухвекового монголо-татарского ига, к 1445 г. еще не свергнутого) вызывает большие сомнения. Можно предположить, конечно, что это был не болгарский, а русский список памятника (сохранивший имя царя Симеона). Но тогда придется допустить, что этот русский список каким-то образом миновал киевскую книжную традицию и не был связан с “Изборником 1073 г.”. Но и такое допущение вызывает сомнения, требующие специальных разысканий. Кроме того, вызывает сомнение и тот титул, который имеется в

Кирилло-Белозерском списке “Великий въ црѣхъ Симеонъ”. Дело в том, что болгарский царь Симеон не имел в своем титуле определения “великий”.

В связи с этими фактами и соображениями мне представляется интересной гипотеза Л.П. Жуковской о том, что эта запись Кирилло-Белозерского списка относилась не к болгарскому царю Симеону, а к великому князю московскому Симеону Ивановичу Гордому (1340 – 1353). Как бы ни решался этот вопрос, положительно или отрицательно, он, по моему мнению, не имеет прямого отношения к рукописи “Изборника 1073 г.” (ГИМ).

Рассматривая гипотезу о Симеоне Гордом, как мне кажется, следовало бы снова вернуться к изучению формы титула. Симеон Иванович не был “царем”. Как напоминает сама Л.П. Жуковская, первым российским царем стал Иван IV Васильевич Грозный (1547 г.). Все же московский князь Симеон (XIV в.), в отличие от болгарского царя Симеона (X в.) имел при своем титуле давнее определение “великий”, чего нельзя не учитывать. Титул “великий князь” существовал в России с 912 г. (начиная с Олега Вещего) до 1917 г., то есть тысячелетие.

В связи с гипотезой Л.П. Жуковской я могу указать один существенный факт, относящийся к племяннику Симеона Гордого – великому князю московскому Дмитрию Ивановичу Донскому (ум. в 1389 г.). Об этом прославленном полководце и государственном деятеле существует повествование, вошедшее в Новгородский летописный свод 1448 г. Заглавие его таково: “Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго”. Здесь определение “великий” правильно относится к слову “князь” (это титул), а не к слову “царь” так как такого титула еще не было. Тем не менее вымышленное именование “царь” все же было сделано. Возможно, что такой же вымысел имел место и относительно Симеона Гордого. Полагаю, что гипотеза Л.П. Жуковской может быть несколько уточнена. В целом же она заслуживает серьезного внимания.

Добавлю, что в своем исследовании Л.П. Жуковская относится к предмету с должной научной объективностью. Выдвигая гипотезу о Симеоне Гордом, исследовательница не отвергает старую гипотезу о царе Симеоне. Она приводит предположение С.П. Шевырева (1850 г.) о том, что рукопись “Изборник 1073 г.” (ГИМ) в конечном итоге восходила к несохранившемуся сборнику, изготовленному для царя Симеона. Кроме того, Л.П. Жуковская тщательно рассматривает все возможные исторические пути и обстоятельства перенесения болгарского списка с этой рукописью, принадлежавшего царю Симеону, из Болгарии в Киев.

В итоге можно сказать, что я, во-первых, из уважения к традиции, присоединяюсь к предположению, что перевод памятника с греческого был сделан для болгарского царя Симеона. Во-вторых, я отрицаю предположение о перенесении Святославом I Игоревичем (или в более позднее время) на Русь именно этой рукописи. Скорее всего это могло быть сделано после уничтожения Первого Болгарского царства Византийской империей (1018 г.), то есть в эпоху правления Ярослава Мудрого, когда некоторые болгарские книжники эмигрировали из Византийской империи и работали в Киеве вместе с русскими книжниками. В-третьих, я отрицаю возможность наличия имени царя Симеона в том месте рукописи “Изборник 1073 г.”, где стоит имя великого князя Святослава (Ярославича). В-четвертых, я настаиваю на том, что данная древнейшая рукопись должна называться “Изборник Святослава 1073 г.” и это название не должно подменяться названием “Симеонов сборник” или “Изборник Симеона-Святослава” и т.п. В-пятых, я придерживаюсь утверждения, что рукопись “Изборника 1073 г.”

является высоким образцом именно русской книжной культуры XI в. Я вовсе не стремился в данном случае открывать что-либо новое по поводу “Изборника 1073 г.”. Я попытался только внести в эту проблему твердую определенность и избежать все более распространяющихся аморфных и бездоказательных рассуждений, рассчитанных не столько на науку, сколько на публицистику.

Относительно терминов “старославянский язык” – “древнеболгарский язык” я недавно писал так: «... Кирилл и Мефодий и их последователи называли его “словенским” (в современном переводе – “славянским”). Так, Климент Охридский восхищался достоинствами “многоплодного языка словенского”. Этот общий “славянский” язык в русской научной традиции называется старославянским, в болгарской – староболгарским» (История всемирной литературы, т. 2, с. 373). Термин “старославянский язык” правильно воспроизводит название, которое было дано этому книжному языку самими его создателями. Кроме того этот термин по своему значению указывает на общность данного книжного языка для ряда средневековых народов и не содержит никаких национально ограниченных претензий.

Если говорить о славянских древностях, то я мог бы развить тему “старославянского языка” в плане его исторического и этнического происхождения и функционирования. Но теперь я считаю это нецелесообразным, так как споры о терминах “старославянский” – “древнеболгарский”, по моим наблюдениям, приобрели схоластический характер. Кроме того, в этом отношении советская делегация не имеет единого мнения, к тому же в состав делегации не вошли некоторые выдающиеся специалисты по данному предмету.

А.Н. Робинсон

“8” сентября 1985 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Венедиктов Г.К.* К истории дискуссий о некоторых важнейших терминах палеославистики // Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной памяти Р.М. Цейтлин, 27–29 ноября 2002 г. М., 2002.
2. Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., 1977.

М.В. КОРОГОДИНА. Исповедь в России в XIV–XIX веках. Исследование и тексты. СПб., 2006. 584 С.

Историк русской культуры не может не откликнуться с благодарным участием на тему рецензируемой монографии. История покаянной дисциплины в России относится к числу важнейших предметов истории церкви и истории культуры, без изучения которого невозможно понять становление личностного сознания и основных социальных практик русского общества. Исследования в данной области весьма успешно развивались до революции 1917 г., но после этого прискорбного события заглохли, как и прочие штудии, относящиеся к русской духовной культуре. Отраднo видеть, что на этой ниве вновь появляются первые всходы, продолжающие труды таких замечательных историков и археографов, как А.С. Павлов, А.И. Алмазов, С.И. Смирнов, Н.С. Суворов. Хотя всходы, как мы увидим, не отличаются высоким качеством, само начинание заслуживает всяческого одобрения и поддержки.

Содержание книги не вполне соответствует названию. Предметом исследования является не исповедь в целом как важнейшая церковная и культурная институция, но лишь одна определенная группа текстов, демонстрирующих развитие покаянной дисциплины. Речь идет о вопросниках для исповеди, т.е. списках вопросов к исповедующемуся, которые служили руководством для священнослужителя, принимавшего покаяние. Вопросники – один из трех разрядов покаянных текстов, наряду с епитимейниками (списками грехов и наказаний за них) и

поновлениями (списками грехов, которые предназначены для исповедника и написаны от первого лица). Общий очерк их истории содержится в исследовании А.И. Алмазова [1], в приложении к которому напечатан и ряд текстов данной категории. М.В. Корогодина провела огромную собирательскую работу, изучив едва ли не все вопросники, содержащиеся в русских рукописях XIV–XVII вв., хронологизировав и классифицировав их. Важнейшие из этих текстов опубликованы в приложении к рецензируемой монографии, где дается также археографическое описание тех рукописей (в их покаянной части), из которых извлечены рассматриваемые в монографии тексты.

Структура самой монографии проста и адекватна задачам исследования, в них не входит описание исповеди в ее социально-религиозной истории или исследование покаянной дисциплины в России. Задача имеет скорее историко-литературный характер – история одного жанра в его динамике на фоне культурно-исторических процессов исследуемых эпох. В первой части в нескольких главах разбирается, как развивается состав и структура вопросников с XIV по XVII в. Во второй части анализируется трактовка в вопросниках отдельных групп грехов и стоящих за ними социальных явлений. Заключение суммирует соображения, высказанные в двух основных частях; какого-нибудь нового материала или дополнительных наблюдений оно не содержит.

Первая глава первой части вводит читателя в проблематику исследования. В ней дается краткий историографический обзор, ограниченный в основном немногочисленными трудами отечественных исследователей. Краткая история исповеди в восточной церкви излагается по Алмазову, в концептуальной части устаревшего еще в начале прошлого века (ср. [2]; из более новых работ см. [3; 4; 5]). Поскольку общие вопросы перехода от публичного покаяния к тайной исповеди, условий появления Номоканона Иоанна Постника (не ранее IX в.), возникновения сакраментального статуса покаяния, неоднозначно трактуемых элементов преемственности древнего канонического права и новой покаянной дисциплины, связанной с тайной исповедью, для интерпретации поздних текстов, исследуемых в монографии, принципиального значения не имеют, неосведомленность автора в данной проблематике и отдельные ошибочные суждения (см., например, с. 28–29 о развитии института тайной исповеди, с. 269 об исповеди в системе публичного покаяния) существенным образом на дальнейшем изложении не сказываются. Нелепый пассаж о переходе на Руси от “системы Василия Великого” к “системе Иоанна Постника” (с. 167) можно милосердно забыть.

Более опасным заблуждением представляется тезис автора, что поновления перечисляют грехи верующего за всю его жизнь, “в которых человек уже калялся в прошлом”, а вопросники трактуют “новые, нераскаянные грехи” (с. 39–40). Дело не только в том, что покаяние в уже отпущенных грехах не имеет никакого богословского смысла, но и в общем неверном понимании того, как соотносятся религиозные тексты и религиозная жизнь. Связанные с этим ошибочные суждения постоянно обнаруживаются в монографии. Произнесение покаянных формул (типа “яже есмь во вся дни живота моего согрешил”) отнюдь не предполагает их буквального приложения к каждому индивидуальному случаю. Разумно предположить, что большинство кающихся никого никогда не убивали, тем не менее грех убийства фигурировал и в поновлениях, и в вопросниках и мог,

видимо, ритуально воспроизводиться при исповеди (например при чтении поновления) вне всякой зависимости от того, какие именно грехи совершил исповедник и какие из них были исповеданы в предшествующие разы.

Списки грехов соотносятся, конечно, с феноменами социальной жизни, в частности и в ее индивидуальных проявлениях, однако это соотношение далеко не прямое, опосредованное и сложившимся ритуалом, и устойчивыми текстовыми традициями, и жанровыми особенностями дошедших до нас письменных свидетельств. Из того, что в вопроснике для монахинь спрашивается: “Не слушала ли еси скомрахов или песней?” – никак нельзя сделать вывод, что “монахи, как и миряне, любили представления, устраивавшиеся скоморохами” (с. 298). Такой переход от текста к жизни недопустим. Из процитированного вопросника невозможно узнать, любили или не любили монахи скоморошеские игры (да и вряд ли монашество было едино в этом отношении). Данный текст свидетельствует лишь о том, что неблагопристойное поведение традиционно входило в состав грехов, что посещение скоморошеских представлений рассматривалось как одна из разновидностей неблагопристойного поведения и потому фиксировалось в епитимейниках, вопросниках и поновлениях и что, наконец, вопросник для монахинь следовал данной текстовой традиции.

Вернемся, однако, к содержанию монографии. Изложив в первой главе методические принципы и принятые аналитические процедуры, автор в оставшихся четырех главах первой части излагает свои наблюдения в хронологическом порядке. Говорится об исповеди на Руси в XIV в. (глава 2), XV в. (глава 3), XVI в. (глава 4), XVII–XIX вв. (глава 5). Как уже было сказано, речь идет об изменениях в исповедных вопросниках, а не о покаянной дисциплине в целом. В XIV в. формируется традиция вопросников как особого жанра покаянной письменности, включающая разделение на вопросники для мужчин и на вопросники для женщин. В XV в. этот жанр получает существенное развитие, к концу века появляются разнообразные специализирован-

ные вопросники – предназначенные не только для мужчин и для женщин, но и обращенные к более частным категориям исповедников: умирающим, священникам, монашествующим. Поскольку вопросники обладают, по выражению М.В. Корогодиной, “ярко выраженной неустойчивостью текста” (с. 41), происходит разрастание редакций и вариантов. Этот процесс продолжается и в XVI в. В начале XVI в. появляются особые вопросники для вельмож, к концу столетия (и в начале XVII в.) отдельные тексты для судей, приказных людей, торговцев, молодых холостяков, вдовцов и т.д. В 1623 г. в Москве появляется первый печатный требник, многократно затем переиздававшийся. Это приводит к унификации данного жанра покаянной письменности: новые редакции и варианты практически больше не возникают. Исключение составляет лишь старообрядческая традиция, развитию которой автор посвящает несколько страниц.

Следует отметить, что эволюция вопросников описывается как своего рода органический или стихийный процесс. Традиция сложилась сама собой в XIV в., греческие и южнославянские источники не играли в этом процессе сколько-нибудь существенной роли; источники данной традиции, указывавшиеся А.И. Алмазовым [1] и С.И. Смирновым [6], автор отвергает на не вполне убедительных основаниях. По мнению М.В. Корогодиной, “первые вопросники составлялись на основе устной традиции, отражая те реальные вопросы, которые духовник задавал кающемуся” (с. 56); таких вопросников появилось сразу несколько (вне связи друг с другом) (с. 57). Эта маловероятная гипотеза обосновывается тем, что в вопросниках присутствуют “элементы разговорной речи” (с. 56). Как мы увидим ниже, все лингвистические суждения автора отличаются полным непрофессионализмом, так что никаких доказательств для этой гипотезы нет. Затем, также без всяких внешних стимулов, тексты эволюционируют, отражая в своем развитии изменения “общественного сознания”. Через какое-то время после того, как “социальная группа начинает восприниматься общественным сознани-

ем как обособленная единица” (с. 91), появляется и вопросник, предназначенный этой группе. Данное рассуждение приводится по поводу возникновения вопросников для монахинь в XVI в. и заставляет читателя недоумевать о том, почему социальная группа монахинь стала восприниматься как обособленная единица именно тогда. О схожем (и более раннем) развитии исповедных текстов на католическом западе, где в суммах и учебниках для исповедников выделяются различные социальные группы кающихся (см. [7; 8; 9]), автор, похоже, ничего не знает и поэтому ни в качестве возможного источника, ни в качестве типологической параллели не рассматривает.

Во второй части монографии анализируется содержание вопросников по различным тематическим группам. В этой части двадцать глав: “Брак и половые отношения”, “Сводничество”, “Убийство” (с разделами, посвященными убийству взрослых людей, убийству детей и уничтожению плода), “Кража”, “Клевета и принесение клятвы”, “Порча чужого имущества”, “Драки и ссоры”, “Неправедные доходы”, “Колдовство”, “Развлечения”, “Бесстыдное поведение”, “Семейные отношения”, “Чревоугодие”, “Грехи духа”, “Грехи против церкви”, “Грехи против веры”, “Исповедь клириков”, “Исповедь монашествующих”, “Исповедь вельмож”, “Исповедные тексты XVII–XIX вв.”. Детальность рассмотрения отдельных грехов зависит от того, насколько большое внимание уделялось им в исповедных вопросниках. Так, скажем, “блудные” грехи, убийство и колдовство трактуются весьма подробно, тогда как для “грехов духа” (зависть, гордость, злость и т.д.) вопросники дают немного материала, так что и исследователь посвящает им всего несколько страниц. В целом это полезный обзор, дающий представление о том, как трактовались отдельные грехи в русской традиции и как их трактовка изменялась на протяжении изучаемого в монографии периода. Механизмы данных изменений остаются по большей части нераскрытыми, зависимость их от социально-исторических процессов лишь постулируется, но не прослеживается в исторической конкретности.

Во многих случаях остается неясным, идет ли речь о реальных процессах, отразившихся в вопросниках и обусловивших их изменение, или о процессах эволюции самого текста, имеющих лишь косвенное отношение к жизни общества.

Приведу лишь один пример. Наблюдая изменения в вопросах, касающихся колдовства, М.В. Корогодина полагает, что они были обусловлены изменением магических практик в русском обществе XVI в. Она утверждает, что в "XVI в. наблюдается новый расцвет веры в магию на Руси" (с. 204), причем этот расцвет связан с южнославянским влиянием: «С начала XVI в. на Руси начинается новая волна "книжного" влияния южнославянской культуры; с ней могли приходить и верования, характерные для Балкан» (с. 228). К числу таких верований относится вера в вил и мокошь (с. 227). "Увлечение новыми верованиями" сначала было свойственно "образованной части москвитов", "но постепенно представления, нехарактерные для древнейшего русского язычества, проникали и в народную среду" (с. 205). Свидетельством этих процессов, иным образом не документируемых, являются появляющиеся в вопросниках статьи типа "Или чародейство деяла, или бесом молилася, и з бабами, еже есть рожница, и вилом и прочим таковым" (с. 226), которые, на взгляд автора, и оказываются отражениями распространения "южнославянских" магических верований. Рассуждение движется по порочному кругу и не кажется правдоподобным ни в одной из своих частей. Если тексты южнославянского происхождения оказали какое-то влияние на вопросники, то это влияние, видимо, текстами и ограничивалось. Трудно представить себе, чтобы какая-нибудь ворожея XVI в. стала по-новому ворожить, читавшись неизвестно каких южнославянских текстов. Сомнительны вообще какие-либо изменения в магических практиках, тем более что для веры в вил и мокошь никакие книжные тексты были не нужны. Автор не отдает себе отчета в том, что инновации в исповедных текстах могут быть не реакцией на изменившиеся социальные практики, а отражением новых умонастроений их авторов.

В монографии вообще много оплошных суждений, противоречащих и здравому смыслу, и тому, что мы знаем о русском средневековье. Говоря о блудных помыслах, автор называет их "приближением к греху" (с. 136), хотя совершенно очевидно, что для составителей исповедных вопросников, хорошо усвоивших Нагорную проповедь, это и был грех, а такой категории, как приближение к греху, для них не существовало. Рассуждая о детоубийстве и аборте, М.В. Корогодина предполагает, что аборт был куда более распространен, чем детоубийство, потому что "в случае нежелательного зачатия проще избавиться от плода, чем дожидаться, пока ребенок родится" (с. 152). Это явно анахронистическое суждение, верное для современной жизни, но неверное для средневековья, когда аборт был связан с опасностью для жизни женщины, а умерщвление младенцев было обычным делом, ни с какой опасностью не сопряженным. Поэтому аборт практиковался преимущественно в тех случаях, когда женщина стремилась скрыть беременность (результат прелюбодеяния), тогда как семейные пары предпочитали умерщвлять лишних младенцев.

Комментируя одну из статей вопросника для женщин, выясняющую, не "взымывала" ли исповедующаяся чего-либо тайно у мужа, М.В. Корогодина видит в ней свидетельство того, что у супругов имущество могло находиться в раздельном владении – "только при таком понимании можно допустить, что один супруг мог украсть у другого; если бы владение было общим, это было бы невозможно" (с. 171). В этой связи указывается и на то, что жена "могла независимо от мужа давать деньги в рост, содержать прибыльное дело" (с. 171). Тайно взять, однако же, можно и из общего владения (и потом продать или заложить, а деньги истратить), а никакого раздельного владения супругов русское право не предусматривало (см. [10. С. 153–155]). Совместное владение не исключало, конечно же, автономной хозяйственной и деловой активности жены, и М.В. Корогодина совсем напрасно считает, что в средневековой Руси "у женщины не было возможностей ... обращаться к царю" (с. 310) –

женские челобитные отнюдь не являются редкостью.

Из грубых ошибок нельзя пройти мимо упоминания какой-то украинской рукописи середины XVIII в., в которой “в чине проскомидии поминаются императрица Елизавета Петровна, ее внук Петр Федорович и его супруга Екатерина Алексеевна” (с. 117). Я не мог свериться с данной украинской рукописью, но практически нет сомнения в том, что ни в одном богослужебном тексте того времени Петр Федорович, племянник императрицы Елизаветы, не мог быть назван ее внуком. В ектенях XVIII в. после Елизаветы действительно поминают “Наследника Ея, Внука Петра Первого, Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича”, но из внука Петра во внука Елизаветы Петр Федорович мог превратиться только под пером забывшего русскую историю исследователя.

Отмеченные ляпсусы прискорбны, но они имеют все же окказиональный характер. Систематическими ошибки становятся там, где аргументация связана с языком. Неосведомленность автора в филологических вопросах далеко превосходит случающуюся у историков неполноту лингвистических познаний. Филологические ошибки приводят к неверной интерпретации изучаемых текстов, и от этих порочных интерпретаций ошибочными оказываются и основанные на них исторические построения.

Начну с существенного для М.В. Корогодиной тезиса, согласно которому первые рукописи исповедных вопросников появились в Новгороде. Автор не сразу обращается к лингвистическим аргументам. Сначала высказывается предположение, что эти тексты должны были возникнуть в большой церкви, находящейся “в крупной городе или торговом центре” (с. 57). По мысли автора, исповедные тексты, начинающиеся с вопроса о потере девственности и завершающиеся вопросом о венчании, должны были предназначаться “для исповеди человека, впервые пришедшего на покаяние к данному священнику”. Вот это и указывает, согласно М.В. Корогодиной, на большую церковь, “где было много прихожан и куда могли часто обращаться случайные

люди, например путешественники” (с. 57). Аргумент явно анахронистичен: сейчас можно представить себе человека, приехавшего по делам в чужой город и по случаю зашедшего в церковь причаститься. Бывало ли нечто подобное в средние века, вовсе неясно; скорее все люди в чужих городах к исповеди не ходили, если только не оказывались при смерти. С большей вероятностью нерегулярные исповедники могли появиться среди паломников в монастыре, однако и из этого отнюдь не следует, что интересующие нас исповедные тексты возникли при подобных обстоятельствах. Данные тексты представляют собой часть ритуала, и конкретные жизненные ситуации отражаются в них, как уже говорилось, лишь весьма опосредованным образом: для вопроса о церковном характере брака вовсе не нужно незнакомца, чей семейный статус является загадкой для священника.

Рассмотренные выше соображения М.В. Корогодиной никак еще, впрочем, не указывают на Новгород. Новгород есть результат филологической аберрации. Автор полагает, что ранние рукописи вопросников «отличаются характерным новгородским “цоканьем”» (с. 57–58). Если бы это было так, то можно было бы говорить если не о новгородском происхождении рассматриваемых памятников, то во всяком случае об их связи с северо-западом восточнославянского ареала. Беда в том, что автор не знает, что такое цоканье, и делает грубейшие ошибки, немыслимые даже у студента, прослушавшего элементарный курс истории русского языка. Вот что пишет М.В. Корогодина: «В рукописях XVI–XVII вв. в качестве вопросительного слова чаще всего использовался союз “или”, который пришел на смену вопросительному слову “чи”, читающемуся в ранних списках. В некоторых рукописях это слово записывается как “ци”, выдавая новгородский диалект. Та же особенность проявляется и в других словах: “с колицими”, “венцался ли”, “каце-любо”, “хотяци”. В основном “цоканье” встречается в новгородских рукописях, однако в ряде поздних списков XVI–XVII вв., созданных в центральных районах, также читается

слово “ци”, которое переписчик копировал из новгородской рукописи» (с. 58). Создается впечатление, что автор никогда не читал древнерусских текстов и не замечал, что *ци* представлено в них повсеместно и никак не может быть цокающим написанием весьма редкой частицы *чи*. Такие примеры, как *с колицими* и *каце-любо* свидетельствуют о том, что автор ничего не знает о чередовании заднеязычных со свистящими, т.е. читает исследуемые им средневековые тексты “наощупь”, не понимая грамматической природы встречаемых им форм. Гипотеза о новгородском происхождении, рожденная лингвистическим невежеством, превращается затем в позитивное утверждение: “Первые русские исповедные вопросники появились в Новгороде” (с. 322–323; повторно – с. 330); с ним связано все построение истории вопросников, рушащееся из-за отмеченной ошибки как картонный домик.

Понятно, какого качества оказываются и другие разбросанные по монографии лингвистические суждения автора. Так, например, М.В. Корогодина несколько раз обращается к теме разговорного языка. Она может заявлять, что вопросники XIV в. “написаны разговорным языком XIV в.” (с. 49), явно не понимая, как может выглядеть текст на разговорном языке того времени. В других случаях говорится о присутствии “элементов разговорной речи в исповедных текстах” и приводятся примеры типа “Како въпервых разидеся девство твое?” или “Ци пила еси зелье, хотяши детяти?” (с. 56–57), вполне четко указывающие на книжный (церковнославянский) язык рассматриваемых текстов (аорист, согласованное причастие).

С подобным же легкомыслием М.В. Корогодина рассуждает о написанном по-украински или переведенном на украинский с русского вопроснике середины XVIII в. (с. 117). И опубликованный в приложении текст вопросника (с. 497–498), и приводимые из него примеры (с. 295) с несомненностью показывают, что мы имеем здесь дело никак не с украинским языком, а с обычным книжным (церковнославянским) языком в его киевском варианте, ср.: “Чи не оставил еси

без причастия умерети кого нищеты ради его, домагаючися на сорокоуст или на суботник ради сквернаго приатия себе?”.

Нет ничего удивительного, что при подобном уровне филологической подготовки автор не в состоянии адекватно прочесть исследуемые в монографии тексты. Когда текст остается непонятым, комментарии к нему вызывают смешанную реакцию. Так, например, обсуждая статьи вопросника, посвященные опозданию к церковной службе (“Опоздил еси к пеню леностию или сна деля, или питья деля или блуда?”), М.В. Корогодина замечает: «Однако существует и другая статья, внешне очень похожая, но говорящая совсем о другом: “Ли опоздил еси год пенья леностию или сна деля, или питья деля? – опитемыи 40 днии”, “Опоздевшю год пенью или службы лености деля, или сна деля, ли блуда деля, ли питьем лишним ... 40 дни сухоясти”. Здесь говорится о непосещении церкви в течение года: человек “опоздал”, не успел за год ни разу сходить в церковь» (с. 273). Любому исследователю, мало-мальски начитанному в средневековых текстах и привыкшему пользоваться словарем Срезневского, должно быть очевидно, что слово *год* употреблено здесь в обычном значении ‘*κοῦρος, tempus*’, тогда как в значении ‘*annus*’ следовало бы ожидать *лѣто* (ср. в Житии Феодосия “*дондеже боудаше годъ вѣствьноуоумоу славо-словню*” [11. Л. 36а]). В процитированных статьях речь идет все о том же опоздании к (утренней) службе, а отнюдь не о непосещении церкви в течение года (столь неблагочестивое поведение, хотя в жизни оно, видимо, случалось, никакими церковными текстами не трактуется). Это мог бы подсказать автору и здравый смысл: у согрешившего должны быть поистине гаргантюанские способности к сну или сексу, чтобы он год не мог выбраться из постели в церковь.

В толковании статьи одного из вопросников XIV в., посвященной детоубийству (“Ци въверьгла еси в воду деля свое или чюже, или у божици?”), М.В. Корогодина пускается в длинное рассуждение о святости источников на церковной территории, о водных духах и священнослужителях, следивших одно-

временно за нарушением и христианских законов, и традиционных языческих обычаев (с. 155–156). Эти диковинные мысли явно возникают у автора из-за неправильного синтаксического членения обсуждаемого предложения. Речь не идет ни о каком водоеме у божницы (церкви), но о двух хорошо известных способах избавления от ненужного младенца: утопления (*ввергнуть в воду*) и подкидывании (*ввергнуть у божницы*) (см. о многовековой традиции подкидывания (оставления) новорожденных [12; 13]).

При обсуждении вопросов духовничества М.В. Корогодина комментирует статью “Посту не держал ли, не благословились у отца духовного в Великое говение или во иные постные дни в среду или в пяток?” (с. 277). Смысл этой статьи кажется вполне ясным. Спрашивается, не случилось ли такого, чтобы исповедник нарушал пост в Великий пост или в другие постные дни, не получив на это благословения у духовного отца. Исследователь, однако, прочитывает это предложение так, как если бы оно было написано на современном русском языке и придает ему прямо противоположный и совершенно нелепый смысл: не случилось ли исповеднику поститься в Великий пост или в другие постные дни, не испросив благословения на пост у своего духовного отца, т.е. в то время, когда пост обязателен и никаким специальным аскетическим упражнением не является. Не справившись со смыслом предложения, автор пускается в туманные рассуждения: “Казалось бы, человеком руководило благое желание совершить духовный подвиг, приняв на себя по собственному желанию строгий пост. Однако такой поступок рассматривался как своеволие, приносящее только вред. Под влиянием минутного порыва человек мог взять на себя обязательство, которого потом не в силах был выполнить” (с. 277).

Примеры лингвистических ляпсусов можно умножить (ср. неверно интерпретируемое значение слова *погань*, с. 61; неоправданные рассуждения о семантике слова *ябедник*, с. 305–306; неверно понятый смысл обстоятельства причины *злобою*, с. 160, и т.д.). Вряд ли есть необходимость повторять старую истину, что,

прежде чем толковать текст, надо его прочесть, и что, следовательно, исторический анализ немыслим без филологических навыков. Пренебрежение филологическим ремеслом с неизбежностью приводит к профессиональной катастрофе, что мы и видим в разбираемом случае. Это пренебрежение начинается с эдичионных принципов. Тот, кому лень обращать внимание на буквы и слова, вступает на скользкую дорожку филологического небрежения.

Наиболее ценной частью рецензируемой монографии несомненно является публикация текстов, занимающая, вместе с описанием рукописей, из которых эти тексты извлечены, более трети книги. С прискорбием читатель узнает, что “тексты публикуются согласно современным правилам орфографии и пунктуации. Буква *ъ* в конце слова не воспроизводится; буква *ѣ* заменяется на букву *е* ... Реконструируемые буквы после выносных в середине или конце слова не выделяются” (с. 407). Это те эдичионные искажения, которые автор оговаривает. Об остальных он даже не считает нужным упомянуть – о замене других букв славянского алфавита, о раскрытии слов под титлом, о надстрочных знаках и разделительных знаках воспроизводимых рукописей. К таким искажениям приходилось относиться снисходительно в докомпьютерную эпоху, когда в типографиях отсутствовали уничтоженные большевиками необходимые литеры. Но в нынешнее время, когда можно подобрать славянский шрифт на любой вкус, подобное обращение с текстом может быть лишь следствием антифилологических установок.

Плачевным результатам таких установок и была посвящена настоящая рецензия. Дело, однако, не только в недостатках рассматриваемой книги, но и в том, как книги со столь вопиющими погрешностями появляются в академической печати. Как можно видеть, порочные эдичионные принципы не вызвали протеста ни в Пушкинском доме, под грифом которого издана монография, ни в издательстве Дмитрия Буланина, несомненно одном из лучших издательств филологической литературы. На элементарные, недопустимые даже для на-

чинающего исследователя ошибки (типа неправильного понимания цоканья или превратного истолкования слова год) не обратили внимания два рецензента книги: доктор исторических наук профессор Ю.Г. Алексеев и доктор исторических наук профессор Н.Л. Пушкирева. Книга издана под грифом Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН; она должна была обсуждаться ученым советом этого почтенного заведения, а перед этим, надо думать, Отделом древнерусской литературы, в котором всегда было несколько специалистов, способных читать древнерусские тексты; не помогло и это. Во всех этих случаях научное сообщество пренебрегало своими прямыми обязанностями. Столь непрофессиональное отношение с неизбежностью ведет к падению академических стандартов, за что, между прочим, на том свете тоже наказывают.

© 2007 г. В.М. Живов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной Церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. I–III (Репринт: М., 1995).
2. Гидулянов П. Вопрос о тайной исповеди и духовниках восточной церкви в новейшей русской литературе // Византийский временник. Т. XIV. 1907 (отдельный оттиск).
3. Erickson J. Penitential Discipline in the Orthodox Canonical Tradition // Saint Vladimir's Theological Quarterly. 1977. Vol. 21.
4. Vogel C. Pénitence et excommunication dans l'Église ancienne et durant le Haut Moyen Âge // Vogel C. En rémission des péchés : Recherches sur les systèmes pénitentiels dans l'Église latine / Ed. par A. Faivre. Aldershot, 1994.
5. Price R. Informal Penance in Early Medieval Christendom // Retribution, Repentance and Reconciliation. Papers read at the 2002 Summer Meeting and the 2003 Winter Meeting of the Ecclesiastical History Society / Ed. by K. Cooper and J. Gregory. Woodbridge, 2004.
6. Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. (Тексты и заметки) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1912. Кн. 3.
7. Michaud-Quantin P. Sommes de casuistique et manuels de confession au moyen âge (XII–XVI siècles). Louvain, 1962.
8. Le Goff J. Métier et profession d'après les manuels de confesseurs du Moyen Âge // Le Goff J. Un autre Moyen Âge. Paris, 1999.
9. Biller P. Confession in the Middle Ages: Introduction // Handling Sin: Confession in the Middle Ages / Ed. by P. Biller and A.J. Minnis. Woodbridge, 1998 (York Studies in Medieval Theology. II).
10. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М., 1986.
11. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подготовили О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. М., 1971.
12. Boswell J. The Kindness of Strangers: the Abandonment of Children in Western Europe from Late Antiquity to the Renaissance. New York, 1988.
13. Ransel D.L. Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988.

J. SIATKOWSKI. *Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlasie językowym*. Warszawa, 2004. 178 S.

Я. СЯТКОВСКИЙ. *Изучение иноязычных заимствований в Общеславянском лингвистическом атласе*

В настоящее время уже опубликовано несколько выпусков лексико-словообразовательной серии “Общеславянского лингвистического атласа” (ОЛА) [1], ведется работа и над следующими выпусками, которые находятся на различной стадии готовности. Это свидетельствует о том, что проект ОЛА успешно реализуется (если помнить о тех колоссальных трудностях, которые пришлось преодолеть многонациональному коллективу Атласа). Вместе с тем опыт работы над отдельными выпусками показывает, что уникальный материал ОЛА может быть репрезентирован и исследован не только картографическими, но и иными методами, что расширяет возможности его интерпретации. Так, материалы, легшие в основу 2-го выпуска ОЛА “Животноводство”, были проанализированы Б. Фалинской (редактором данного выпуска) [2] через призму количественных отношений, благодаря чему степень близости/удаленности славянских языков между собой обрела числовое выражение в виде показателей частотности фиксации тех или иных лексических (лексико-словообразовательных) единиц в общеславянском диалектном континуме (см. рецензию П.Е. Гриценко на книгу Б. Фалинской в [3]).

Другим опытом нового осмысления материала ОЛА является рецензируемая книга Я. Сятковского – одного из авторов и редакторов 8-го выпуска “Профессии и общественная жизнь”. Свою задачу автор видит в детальном описании и исследовании (с привлечением широкого круга диалектологических, историко-этимологических и других трудов), пласта иноязычных заимствований в тех лексико-семантических группах, которые отражены в данном выпуске Атласа (см. [4. С. 7–12]). В рецензируемой книге содержатся сведения о форме, в какой приводятся материалы ОЛА (как в “обобщенной транскрипции” Атласа, элиминирующей частные различия, так и в обычной фонетической транскрипции, передающей точное звучание той или иной лексемы); кратко характеризуется количество иноязычных элементов в отдельных выпусках, указывается, что в 8-м их больше всего (около 750 от 300 корней), и констатируется различная степень их распространения (и

концентрации) на территории Славии, что получает отражение на специальных картах, где фиксируются не конкретные заимствования, а лишь их число в отдельных пунктах сетки ОЛА (эти карты в целом воспроизводят “карты фреквентности” групп заимствований из ряда языков, включенные в 8-й выпуск). Отдельные главы рецензируемой книги посвящены изучению заимствований из немецкого, турецкого, греческого, венгерского, латинского, итальянского, румынского, французского и других языков. В конце каждой главы приводится полный материал, отраженный на картах и в комментариях ОЛА.

Наиболее многочисленны в данном выпуске немецкие элементы – около 300 лексических единиц от 100 корней, большая их часть зафиксирована на западе Славии (словенские, западнохорватские говоры, говоры Воеводины и Словакии, а также Лужицы, северо-запада Польши и т.д.). Автор описывает указанные заимствования, исходя из их классификации в зависимости от распространенности в отдельных группах славянских языков, т.е. фиксация в говорах всех трех, лишь двух групп и т.д. (С. 13–52). Так, довольно многочисленны подобные иноязычные элементы, отмеченные в говорах трех групп (и представляющие часто старые германские заимствования), ср. рефлексы слав. *rěpězъ ‘деньги’ < др.-в.-нем. *pfenning* (при том, что фиксируются и более новые заимствования, ср. морав. *grę:cari* из нем. *Kreuzer*); см. также названия, возникшие уже на славянской почве (**kuxaǫ̃ka*, **kuxъta*, **kuxarica* и под.) от глагола *kuxati* из др.-в.-нем. *kochōn*; как достаточно позднее (в XV–XVI вв.) определяется возникновение глагола **koštujetъ* ‘сбѣит’ (< др.-в.-нем. *kosten* < лат. *co[n]stāre*), то же можно сказать о рефлексах нем. *Feldscher(er)* ‘полевой хирург’ в славянских диалектах (**feršelъ*, **felšerica*, **felšarъka* и под.), с развитием в некоторых из них значения ‘врач’; отметим и достаточно широкое (но неравномерное по языкам) распространение рефлексов нем. *Platz* ‘рынок, рыночная площадь’ (метаформа **plась*) и некоторых иных.

Ряд заимствований из немецкого отмечается лишь в диалектах Западной и Южной Славии. Таковы рефлексы нем. *Tinte* ‘черни-

ла' из лат. (*aqua*) *tincta* (метаформа **tinta*, с XVI в.), тогда как в остальных областях представлены исконные наименования (восходящие к **сьmidlo*, **mastidlo*), прямые продолжения нем. *Bleiweiß* < ср.-в.-нем. *blīwīz* 'графит', 'карандаш' (в вариантах: слвн. *k'la:jbes*, хорв. *plà:jbajs*, серб. *plà:jvaz*, мак. *p'lavjas*, чеш. *plavajs*, словц. *blajvas* и др., а также кальки этого немецкого слова (ср. метаформы **olovъka*, **olovъs* и др. – на Юге, в Польше, Белоруссии, на Украине) и под. Некоторые заимствования из немецкого дифференцируют славянскую территорию и противопоставляют, например, северную и южную зоны, сравни, в частности, заимствованные названия 'бондаря', возводимые к разным источникам в немецком: на севере – **бъдъпагъ* < *bütner* < ср.-в.-нем. *bütenaere* < *butinâri* (а также **бъдъпагъ* < **бъдъпагъ*) и на Юге – **пintаръ* < нем. (*Faß*)*binder* и под.

Отмечается группа заимствований, которые зафиксированы лишь в Южной Славии, сравним, например, названия 'столяра', представляющие рефлексы нем. *Zimmermann* (ср. **sim[ɤ]tɤmānъ* – в словенских говорах) и нем. *Tischler* (в метаформах *tišlerъ*, *tišlarъ* и под.).

Немецкие заимствования, зафиксированные преимущественно лишь в Северной Славии, могут быть проиллюстрированы такими примерами, как названия 'колесного мастера', восходящие к нем. *Stellmacher* (ср.: **stelmaхъ*, **stelmarъ* и под.), названия 'рынка, ярмарки' (ср. **јаrмаrkъ*, **јаrмагъкъ*, **јаrмагъка* и др.) из нем. *Jahrmарkt* (в отдельных славянских языках с XIV–XV вв.), глагол **тахујеть* 'считает' из ср.-в.-нем. *rēchenen*, вост.-нем. *rechen* (фиксируется с X в.) и некоторые другие. В этой же части приводится и большое число спорадически (единично) отмеченных заимствований из немецкого, например **гитъ* 'место' < ср.-в.-нем. *rūm*, н.-нем. *Raum* (только в Лужице) и **mal* 'место' < н.-нем. *māl* 'место' (у кашубов), **švajсегъ* 'пастух коров' (на северо-западе Польши) из нем. *Schweizer* 'портъе' и др.

В главе "Тюркские заимствования" рассматриваются две группы лексических единиц: тюркские элементы, вошедшие в восточнославянские языки из разных тюркских языков и диалектов (татарского, чагатайского и др.), и элементы, заимствованные в южнославянские языки из (османо)турецкого, при этом отмечаются случаи, когда подобное разграничение затруднено даже при использовании фонетического и семантического критериев.

Несомненен татарский источник лексем *bazar* 'рынок', фиксируемой в Восточной Славии, тогда как в Южной Славии *pazar* – турцизм (оба из др.-тюрк. *bazar* < перс. *bāzār*); для тюркизма *šoban* 'пастух овец' (из перс.

šobān, *šubān*) в Северной и Южной Славии указываются различные источники: в первом случае это севернотюркские языки (крымско-татарский), во втором – турецкий. Старый общеславянский туркизм *torba* 'торба, мешок', представлен в ОЛА лишь в виде производных (ср.-серб. *torbà:r* 'нищий' и относительно редкие рефлексы **torbъšьpnikъ*); лишь в говорах Восточной Славии отмечены названия **karandašъ* 'карандаш' (< *kalamdašъ* < тюрк. *qalam-taş*, *taš-qalam/daš-kalam* < гр. *κάλαμος*); сравни и восточно- и южнославянские названия, объединяемые метаформой **sapogъ* (из прабулг. **saBag=* / **saBuG=* < др.-тюрк. **saraγ=* / **saruγ=*). Подробно анализируются и турцизмы, достаточно широко распространенные в южнославянских диалектах, такие, как **komšija* 'сосед' (< тур. *komşı, komşi*), **para* 'деньги' (в конечном счете из перс. *pārā* 'деньги'), **čorbažija* 'богач' (< тур. *çorbacı* < перс. *šorba, šurba* < *šor* 'соль') и другие, а также спорадические названия **zenginъ* (< тур. *zengin* 'соль'), **boja* 'чернила' (*boya* 'краска') и единичные – мак. *murek'e, murek'up* 'чернила' (< тур. *mürekkep* < ар. *müräkkäp*), мак. *kasa'ba* 'город' (< тур. *kasaba* < ар. *qasaba*). Всего в главе рассмотрено более 50 туркизмов.

В главе, посвященной греческим заимствованиям, специально оговаривается, что анализируются лишь лексические единицы, непосредственно вошедшие из греческого в славянские языки. Кроме того, особенностью этой главы является анализ грецизмов, отмеченных не только в 8-м выпуске ОЛА, но и в предшествующих (1–3), что позволяет сравнивать силу греческого влияния на различные группы славянской лексики. Общий же вывод, вытекающий из изучения материалов, подтверждает мнение о том, что данное влияние наиболее сильно на Юге, где, действительно, актуальны прямые греко-славянские контакты, и Востоке, где, однако, греческое влияние имеет книжный характер. Большая часть греческих элементов довольно четко может быть описана географически. Так, на севере (русские, белорусские, многие украинские говоры) и юге (македонские) отмечаются рефлексы **tetrady* 'тетрадь' (< гр. *τετραδί[ov]* < *tetra* 'четверть [листа]') и некоторые другие. Напротив, рефлексы **djакъ* 'ученик' (< гр. *δίακος* < *διακονος*) известны только в хорватских и сербских (значительно шире в лингвистической литературе представлен данный грецизм в значениях *писецъ, дякъ, священник* и под., однако эта семантика не отражается в данном томе ОЛА); южнославянское распространение имеет и глагол **mirisa-jеть* 'пахнет' (от аористной формы *μιυρισα* < *μιυριζω* 'пахнет'); рефлексy гр. *πανάγυρι* (< ср.-гр. *πανηγυριον*) 'праздник' и под. ши-

роко заимствованы в балканославянские языки и фиксируются источниками с XIV в.; отметим и такие греческие заимствования, как продолжения гр. *δάσκαλος* 'учитель', *μόλυβι* 'карандаш' (< др.-гр. *μόλυβιον*) и др. (см. карты распространения и частотности подобных элементов между страницами 77–78). Рассматриваются и случаи, когда необходимо разграничивать непосредственные источники близких по форме заимствований, например рефлекс **majstogъ* автор возводит к н.-гр. *μαίστωρ* (< лат. *magister*), а **majstegъ* – к нем. *Meister* (и далее – к латинской форме). Из малочастотных восточнославянских грецизмов, имеющих особую семантику, отметим рефлекс **ladapъ* 'смола (дерева)' (в 3-м выпуске ОЛА, из гр. *λάδανον*) (спорадически на юге России), **gramota*, **gramotъka* 'бумага' (< гр. *γραμμάτια*) (редко в русских говорах) и др.

Венгерские заимствования в целом немногочисленны и зафиксированы в областях, примыкающих к венгерской языковой территории (говоры Закарпатской Украины, юга Словакии, некоторые хорватские и сербские говоры), что хорошо отражает карта (между страницами 88–89). Из достаточно распространенных отметим рефлекс **varogъ* 'город' (< венг. *város*, *város*) (относительно старое заимствование), **vašagъ* 'рынок' (< венг. *vásár*) (в сербские говоры вошло в XVIII в.). Менее частотны продолжения венг. *bíró* 'судья' (в сербском – с XV в., в словацком – с XVIII в.), спорадически фиксируются **lorovъ* 'злодей' (< венг. *lopó*), **hajdukъ* 'злодей' (< венг. *hajdú*) и продолжения венг. *tolvaj* 'злодей' и др. Как показывает сравнение материалов ОЛА и иных источников, наблюдается тенденция постепенного уменьшения зоны распространения унгаризмов.

Хотя в книге Я. Сятковского есть отдельная глава "Латинские заимствования", автор справедливо замечает, что часто заимствованные лексемы восходят к латыни не прямо, а усвоены благодаря посредничеству роли других языков. Так, показательны в этом отношении названия 'доктора', сопоставляемые в конечном счете с лат. *doctor*. указывается, что в распространении этого названия в восточнославянских языках велика роль польского (и/или немецкого), в болгарском таким посредником могли быть русский, немецкий, польский, несомненно немецкое посредство в заимствовании термина в лужицком и т.д. В случае с рефлексам **mъlipaгъ* можно было бы говорить о старом заимствовании из латинского, ср. лат. **molinarĭus*, однако при этом допускается и средневерхне-немецкое посредство (ср. ср.-в.-нем. *mulināri*). В то же время есть примеры "прямых" заимствований из латинского, таковы рефлекс

**kantogъ* 'учитель' (< лат. *cantor*) (в отдельных чешских говорах), вместе с тем очевиден книжный характер подобных названий; то же можно сказать о **textogъ* (< лат. *rector*), об **atramentъ* 'чернила' (< лат. *atramentum*) и др.

Среди заимствованной лексики выделена группа италиянизмов, их распространение и частотность отражены на карте. Отметим анализ такого хорошо известного в Восточной Славии элемента, как **bumaga* 'бумага' (< ит. *bambagia* < лат. *bambacium* < гр. *παμβάκτιον*). Заимствования из того же источника представлены преимущественно в говорах Южной Славии (часть словенских говоров, говоры Далмации и др.) и лишь спорадически фиксируются, например, на юго-западе Украины (Закарпатье), ср. зафиксированные формы, передаваемые в книге как **plasa*, **rijasa*, **rijasъ*. Первая интерпретирована как восходящая к далматинско-романскому реликту *platea* (< гр. *πλατεία* или к ит. диал. (фриул.) *piazze* (< ср. лат. *placea* [> нем. *Platz*] < лат. *platea*), вторая – к ит. *piazza*, а третья рассматривается как возникшая на славянской почве под влиянием нем. *Platz*. Более ясны происхождение и история таких заимствованных элементов, как рефлекс *ит. lapis* 'карандаш' (< лат. *lapis* 'камень'), лексемы, объединенные метафорой **maragonъ* 'столяр' (< ит. *maran[ngone]*), **botagъ* 'бондарь' (ит. диал. [фриул.] *botâr*), **soldi*, **šoldi* 'деньги' (< ит. *soldo*, [pl] *soldi* < лат. *sōl[i]du[m]* [nūmmum]), **gvera* 'война' – из ит. *guerra* (< герм. *werra*); только в говорах Далмации отмечены **kaligagъ*, **kaligegъ* 'сапожник' (< сев.-ит. *calegher* < лат. *caliga* 'вид воинской обуви'), глагол **lavurajetъ* 'работает' и **lavugъ* 'работа', соответствующие ит. *lavorà* (сравни *lavorare*) и ит. *lavor* (сравни *lavoro*), **libritijъ* 'тетрадь' < ит. *libro* 'книга' (< лат. *libru[m]*) и известное число единичных фиксаций.

Несколько румынизмов представлены в отдельной главе, это, как правило, пастушеские термины, зафиксированные в карпатской зоне (украинские говоры), ср.: **vakagъ* 'пастух коров' из рум. *văcar* (< лат. *vaccarius*), польск. диал. *brinza* 'беда' – как влияние литературного языка (< рум. *brînză*) и др.

Наконец, в небольшой главе выделены заимствования из французского и иных языков, сравни спорадически встречающиеся формы **kušera*, **kušegъka* 'врач (женщина)' (в русских говорах) из фр. *accoucher*, ** (kajet)-ъ* 'тетрадь' из фр. *cahier* (в польском, откуда заимствовано в белорусский) и т.д. Единичными являются рус. диал. (*šerik*)-ъ 'пастух коров' – из лит. *šėrikas*, мак. (*luft*)-ъ 'война' из алб. *luftë* (< лат. *lucta*) и др. Приведены также несколько заимствованных лексем неясного происхождения.

Книга содержит и ряд вспомогательных разделов: Список использованных научных трудов, резюме на немецком языке, Индекс упоминаемых в работе словоформ и др.

Что касается критических замечаний, то существенным нам представляется лишь одно. Речь идет о принятом в книге принципе записи “метаформ”. Как говорилось выше, при этом использована обобщающая транскрипция ОЛА, однако, в отличие от практики, реализованной в легендах к его картам, автор снабдил указанные *условные* (мета)формы знаком * (звездочка), что обычно указывает на реконструкцию генетически обусловленных праформ определенной хронологической глубины (в случае славянских языков – относящихся к праславянскому лексическому фонду) (см., например, этимологические словари О.Н. Трубачева и Ф. Славского). Поэтому, во всяком случае для славянской традиции, выглядят странно формы *znidaǵь ‘портной’ (ср.-в.-нем. *snidaere, snider*), *kaxlǵarь ‘печник’ (славянский дериват от нем. *Kachler*), *ǵapǵakь ‘ярмарка’, *ǵlasь ‘рынок’, *boǵa ‘чернила’, *ǵorovь ‘злодей’, *textogь ‘учитель’, *soldi ‘деньги’ и под. При этом можно указать на отступления от данного принципа подачи “метаформы”, например, при анализе многих турцизмов и грецизмов, ср. и отсутствие * при формах из Индекса. По-видимому, целесообразнее было бы для обозначения обобщенных форм заимствований использовать знак + – так, как это сделано в “Общекарпатском диалектологическом атласе”, или какой-то иной специальный знак.

Из более мелких замечаний отметим дискуссионный характер некоторых этимологических версий, содержащихся в книге. Так, на с. 91 известный пастушеский термин *bača* без всяких оговорок возводится к венг. *bacsa* < с.-хорв. *bača*, между тем существуют и иные точки зрения (см. их обзор в [5. С. 21]). На с. 119 автор сопоставляет *butynaǵь ‘лесоруб’ с укр. диал. *butyn* ‘пень’ и далее повторяет версию “Этимологического словаря украинского языка”, в котором последнее возводится к рум. *buştean*, что не бесспорно (об этимологии рум. *buştean* из сакс. *bumstam*, сравни нем. *Baumstamm* ‘срубленный ствол’, см. в [6.

№ 1228], неясно как раз развитие *buştean* > *butin*), существует также и другое, диалектное, слово – *butin* ‘лесосека’ (обл. Марамуреш [7]). На с. 81, 84 для мак. диал. *frango'raftin* ‘портной’ в качестве источника предлагается гр. *φραγκοραπτης* и арум. *frangu-arafiu*, по-видимому, следовало бы остановиться на втором варианте.

В целом перед нами – серьезное исследование обширного круга заимствованной лексики, отраженной на картах 8-го выпуска ОЛА, которое, благодаря широкому использованию научной литературы из области славянской лексикографии и лексикологии, представляет собой ценный историко-этимологический комментарий к материалам Атласа и существенно дополняет и расширяет синхронно зафиксированные им данные. Несомненно, к монографии будут обращаться специалисты, изучающие языковые и этнокультурные контакты и взаимодействия в Центральной, Южной и Восточной Европе. Возможно, труд Я. Сятковского также послужит примером для составителей других выпусков ОЛА и они, в свою очередь, предпримут исследования, подобные рецензируемому.

© 2007 г. Г.П. Клепикова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 1988. Вып. 1; Warszawa, 2000. Вып. 2; Минск, 2000. Вып. 3; М., 2006. Вып. 6.
2. *Falińska B. Leksyka dotycząca hodowli na mapach Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego. I–II. Białystok, 2001.*
3. ОЛА. Материалы и исследования. М., 2004.
4. ОЛА. Warszawa, 2004. Вып. 8.
5. *Калужская И.А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.*
6. *Cioranescu A. Dicţionarul etimologic al limbii române. Bucureşti, 2002.*
7. *Atlasul lingvistic roman. II. Bucureşti, 1956. Карта № 611.*

A. HALVONÍK. *Premeny. Slovenská próza na rozhraní storočí*. Bratislava, 2004. 240 S.

А. ГАЛВОНИК. *Перемены. Словацкая проза на рубеже столетий*

Александр Галвоник (р. 1945) – известный словацкий литературовед, публицист, прозаик и переводчик. Его книга “Перемены” нелегка для прочтения, но к концу этого процесса возникает отрадное чувство удовлетворенности. Сборник составлен из работ, написанных в жанре оперативной критики, связанной с отслеживанием книжных новинок и своевременным откликом на них. Первая часть книги представляет собой девять годичных обзоров (с 1994 по 2004 г.), предваренных обобщающей статьей о тенденциях развития прозы последних пятидесяти лет. Перед читателем множество имен и произведений современной литературы, из которого даже узкие специалисты читали далеко не все. И благодарная ли это задача – прочесть или хотя бы пролистать все книги отечественной прозы, что выходят за год? Думается, что такое чтение для вдумчивого критика не напрасно. Это подтверждают и рецензии на отдельные – наиболее заметные – произведения, собранные во второй части книги.

Исследовательская манера Галвоника привлекает, во-первых, тем, что автор – критик глубокий, аналитичный, видящий современную литературу в контекстах национальных традиций и мировой литературы. Во-вторых, мы бы назвали Галвоника критиком позитивным, сосредоточенным на поисках истинных ценностей, существенного вклада в национальную литературу, а не предмета для разгромной критики в стиле интенсивного самовыражения. Возможно, это обусловлено и тем, что автор – сам литератор (повесть “Зуд крови”, 1996). В силу указанных причин из “сиюминутных” наблюдений критика вырастают обобщения, значимые для всего развития литературы XX, да уже и XXI в. И обобщения эти обнадеживают: у словацкой прозы последнего десятилетия есть успехи, достойно продолжающие линии поисков и достижений предшествующей литературы. Галвоник подчеркивает, что для литературы важно движение, важен импульс развития. Размышления о произведениях крупных писателей нередко вписаны в контекст всего их творчества, особенно это касается тех, кого, увы, уже нельзя назвать “живыми классиками” – просто клас-

сиками, чье творчество можно итожить (В. Минач, Р. Слобода, В. Шикла).

Во вступительной статье Галвоник говорит о роли слова и языка в истории словацкого народа, в которой был “дефицит победоносного деяния” (S. 5); это повлекло за собой, по мнению автора, жанровую ориентацию словацкой прозы на повесть и рассказ, где значительна роль рассказчика. “Развитие современной словацкой литературы происходило на оси от безусловного доверия к слову до абсолютного сомнения в его способности породить что-либо творческое” (S. 6), – так в целом Галвоник охватывает путь литературы вплоть до постмодернизма, значение которого в современной словацкой прозе весьма велико. Важен для Словакии и процесс “эмансипации литературы”, освобождения от внелитературных функций. Особую роль здесь, по его мнению, сыграли 60-е и 80-е годы XX в. Автор показывает хронологию вступления известных писателей в литературу, не забывая при этом и поэзию, и даже драматургию. Так выстраивается вся панорама литературы. По наблюдениям критика, 1970-е годы были временем “больших романов”, а в 1980-е первоочередное внимание уделялось повести и рассказу, что связано со вниманием к частной жизни, к субъективному. Во второй половине десятилетия восстановился авторский потенциал литературы, упавший в 1970-е из-за политических событий конца 1960-х. Литература конца 1980-х отразила кризис в обществе, приведший к смене режима в 1989 г. С 1970-х годов в литературе ощущались и импульсы “магического реализма”, что также вело к ее обновлению. Кризисность литературы 1980-х годов, как пишет Галвоник, обуславливалась тем, что писатели вместе со своими героями чувствовали ограниченность мира в тогдешнем социалистическом обществе; это вызывало к жизни различные обходные маневры (намекы, шифры и т.д.), но не решало проблемы. Как отмечает Галвоник, поэтому в литературе тех лет “так мало радости и рациональности, а также, в отличие от чешской литературы, и мало юмора” (S. 10).

В начале 1990-х годов, несмотря на сильный потенциал, в литературе наблюдалась

некоторая растерянность. Написанное “в стол”, литература эмигрантов не принесли ожидаемых результатов, однако все же ожились творчество “диссидентских писателей” (П. Груза, И. Кадлечика) и признанных авторов (В. Шикула, Р. Слобода, Д. Душек, Д. Митана). Из новых имен Галвоник приводит 23, в их числе представители киберпанка (Т. Горват, М. Гворецкий, П. Шулей). На рубеже 1990–2000-х расширилось число создателей бестселлеров, к которым критик относится со сдержанным вниманием, уделяя им пару абзацев в годовых обзорах. Примечательно, что здесь, как и в русской литературе, доминируют женщины, но такие жанры, как детектив или фантастика, остаются на периферии литературы, а первенство завоевывают женские “семейные романы”.

В 1990–2000-е годы, констатирует Галвоник, литературный процесс определяли не новые имена, а уже зарекомендовавшие себя писатели. Постмодернистские тенденции явно обнаружались на рубеже веков. Словацкая литература, как можно судить по книге Галвоника, в эти годы развивалась больше вширь (около 800 авторов), хотя были немалые достижения углубленного характера. Автор неоднократно сетует не только на недостаточный интерес читателей к литературе, но и на отсутствие компетентной и концептуальной литературной критики, которая могла бы обобщить движение литературного процесса. (Заметим, что именно книга Галвоника эту лауну отлично заполняет.) Если старшие поколения писателей (В. Шикула, Р. Слобода, Я. Йоганидес, А. Балаж, Д. Душек, П. Груз, Д. Митана) склоняются к анализу прошлого, то новое поколение (в том числе в поэзии) уже не ищет правду в прошлом. “Их реальностью стал язык в широком смысле” (S. 13). Литература молодых отказывается от антропоцентризма. “Жесткое” киберпанковое “ответвление” литературы, по мнению автора, становится движущей силой литературного развития.

Этот “телеграфный”, по выражению Галвоника, очерк литературного процесса в Словакии затем дедуктивно раскручивается от годовых обзоров к анализу отдельных произведений. Информационная насыщенность книги очень велика. Думается, любой исследователь современной словацкой литературы (да и вообще славянских или восточноевропейских литератур) найдет здесь для себя интересный материал. Пересказывать годичные обзоры было бы трудно и непродуктивно. Галвоник прослеживает в них как специфику литературного процесса (например кризисное состояние литературы – на Западе и в

Словакии – в результате общественных изменений), так и творчество ведущих писателей по мере появления их новых книг, отмечая (порой с большой теплотой) и молодые дарования, и новаторские эксперименты. Учитываются и мнения других критиков. Из десятков наиболее часто встречающихся писательских имен – такие, как В. Шикула, Р. Слобода, П. Ярош, Я. Йоганидес, П. Андрушка, Я. Ленчо, Л. Баллек, П. Виликовский, П. Груз, П. Голка, Д. Душек, Д. Митана, Й. Пушкаш, А. Балаж, И. Коленич, М. Гворецкий, П. Ранков, В. Панковчин, В. Балла, П. Шулей, Т. Горват, из писательниц – В. Швенкова, М. Баторова, Э. Фаркашова, Х. Дворжакова, Р. Лихнерова, Г. Зелинова.

Галвоник вновь отмечает во многих обзорах непрочное положение романа в словацкой литературе (хотя обзор 2002 г. называется “год романов и рассказов”) и объясняет это не только деидеологизацией литературы, но и отсутствием устоявшейся структуры словацкого общества (S. 21). А также подчеркивает, что “словацкий роман нуждается в большей свободе, которая ему, однако, без качественного познания была бы ни к чему” (S. 104). Важным качеством он считает фантазийность в широком смысле: она открывает простор для иррациональности, которая становится “доминантным инструментом исследования кризисного хаоса” и в то же время “признаком нового понимания действительности” (S. 46). Обнадеживающее явление Галвоник видит в регулярном переиздании произведений, ставших уже национальной классикой (писатели межвоенной поры, В. Шикула, П. Ярош, Д. Татарка, Л. Тяжкий, Я. Йоганидес и др.). Он также делает вывод, что словацкая проза, “вдохновенная постмодернистскими приемами и постмодернистской философией, готовится к стадии, когда после деконструкций и деконструкций опять возникает необходимость более целостного видения”, “позитивного противовеса”, движения “к более полному отражению связей и более широких существенных корреляций” (S. 66). Речь идет и о новом типе литературного героя в произведениях молодых, который, несмотря на свою ультрасовременность, эстетически “остаётся и дальше лишь субъектом, измеряемым только самим собой” (S. 67). В обзоре 2003 г. Галвоник констатирует, что более половины авторов вступили в литературу после 1990 г., но и им “наступают на пятки” дебютанты XXI в. А в 2004 г. примерно половина произведений заканчивается “победой субкультуры над человеком” (S. 101), но даже это утверждение не мешает автору

сборника спокойно отыскивать во второй половине истинные литературные ценности.

Критик рассматривает не только произведения отдельных авторов, но и ежегодно издающиеся сборники рассказов – победителей творческих конкурсов, выделяя наиболее примечательные. Как правило, отдельно он анализирует “женскую прозу”, подчеркивая, что в этом нет дискриминации, учитывается особый взгляд на жизненные проблемы, тип героя (героини) и т.п.

При том, что книга Галвоника составлена из статей и заметок, иногда страницы на полторы (убористого, впрочем, текста), она в совокупности производит впечатление монографии о прозе последнего десятилетия – с богатым историческим фоном и глубокими размышлениями о сущности и возможностях литературы, словацком менталитете и особенностях конкретных писательских индивидуальностей. Творческие портреты поэта (и не только) Ш. Моравчика и прозаиков Д. Душека, П. Голки, В. Минача, Р. Слободы, В. Шиккулы получились, пожалуй, наиболее разносторонними и притягательными, что не означает, разумеется, более поверхностного отношения к другим писателям (Р. Дилонгу, П. Грузу, Й. Мигалковичу, П. Виликовскому и др.).

Во втором разделе книги Галвоник анализирует отдельные произведения, иногда посвящая писателю целое “гнездо” рецензий. Авторы расположены по алфавиту, что представляется правомерным результатом критической объективности. Однако у Галвоника есть явные литературные пристрастия, в которых он совпадает опять же с объективным взглядом на литературу последних десятилетий. Это прежде всего ушедшие недавно В. Шиккула и Р. Слобода, которых Галвоник считает авторами мирового уровня, только “не раскрученными”, не имевшими рекламную и издательскую поддержку, а также “чародей” Д. Душек, также весьма видный писатель. Поколение Слободы и Шиккулы отказалось от идеологизирования и наполнило свои произведения “личностной аутентичностью” (S. 223). Слобода, тяготея к постмодернизму, разрушил структурные каноны прозы, открыв тем самым путь новых поисков содержания и формы. Для Шиккулы, как пишет Галвоник, основой зрелого творчества стало смирение “как защита от агрессивности сумасшедшего мира”, “неэпическое состояние – как исходный пункт эпики” (S. 216).

Он обращает внимание и на книги литературоведческого характера, написанные поэтами, – “Туры в литературу” Я. Резника и

“Языки дракона. Мифология словацких сказок” Д. Подрацкой.

Современный взгляд на литературу, пришедший Галвонику, характеризуется и взвешенным отношением к “проблематичным”, а порой и “одиозным” фигурам политической и литературной жизни Словакии в XX в. Это обращение к трагической фигуре словацкой истории Г. Гусаку (А. Ферко “Баллада о д-ре Гусаке”) – своего рода очередная реабилитация неоднозначной личности. В литературном плане это обзорная статья об известнейшем (и, на наш взгляд, талантливейшем) “официальном” прозаике и эссеисте В. Миначе (“Минач в контекстах”), чьи произведения ныне рассматриваются порой как идеологически тенденциозные, что подрывает их художественную силу. Галвоник справедливо видит в Миначе крупнейшего словацкого прозаика XX в., называет его трилогию “Поколение” шедевром и пишет, что “она является не только синтетическим высказыванием поколения и новым, непатетическим и оттого особенно современным воплощением словацкого духа, но велика и тем, что с очевидностью раскрыла возможности словацкой прозы в смысле требования Бахтина: роман должен быть непосредственным познанием действительности...” (S. 189). А тем, кто сейчас склонен оценивать положительно лишь эссеистическое творчество Минача (исключая разве что его дебют 1948 г.), Галвоник отвечает: “Я, однако, считаю, что все, чем Минач останется с нами, чем он дает импульсы хотя бы как свидетель, не говоря о проектировщике словацкой культурной аутентичности, содержится в его беллетристическом творчестве” (S. 183). Интересны и неожиданны сравнения Минача с Сартром (S. 186).

Плотность материала в рассматриваемой книге настолько велика, что в рецензии приходится ограничиваться в основном обобщениями и фактографией. Многозначительно название книги: “перемены” означают литературу в движении, а именно так и видит ее Галвоник. Он постоянно отмечает, что те или иные произведения открывают новые горизонты национальной литературы и это требует продолжения. Мы полагаем, что все заинтересованные читатели отыщут здесь для себя нужные имена и заглавия, проблемы и суждения, послышки и выводы. Панорама литературы второй половины XX в. и новейших достижений прозы в Словакии получилась у Галвоника чрезвычайно содержательной, дающей богатую пищу для дальнейших исследований.

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С именем акад. Никиты Ильича Толстого (1923–1996) связано возникшее в семидесятые годы прошлого века новое направление в отечественной гуманитарной науке, получившее название **славянская этнолингвистика**, которое ставит своей задачей комплексное изучение традиционной славянской духовной культуры на базе языка, фольклора, обрядов, обычаев, мифологии, народного искусства. Н.И. Толстой придавал вполне определенный смысл каждой из составляющих слова *этнолингвистика*. Первая его часть (*этно-*) означает, что традиционная народная культура изучается в ее этнических, региональных и “диалектных” формах, на основании которых, так же как в языке на основании диалектов, реконструируется праславянское состояние. Вторая часть (*лингвистика*) имеет тройное значение: во-первых, она означает, что главным источником для изучения традиционной культуры является язык; во-вторых, она означает, что культура, так же как и естественный язык, понимается как система знаков, как семиотическая система, или как язык в семиотическом смысле слова (подобно тому, как мы говорим о языке живописи, о языке музыки, о языке жестов и т.п.); в-третьих, она означает, и это, может быть, самое главное, что этнолингвистика пользуется многими лингвистическими понятиями и методами (хотя большинство из этих понятий по своему содержанию не являются специфически лингвистическими, ср. *морфология*, *структура*, но наиболее разработанными они оказались именно в

лингвистике). Принципиальное родство культуры и языка как двух сходным образом организованных и одинаково функционирующих знаковых систем позволило применить к материалу традиционной духовной культуры концептуальный аппарат и методы лингвистического исследования, начиная от приемов лингвистической географии, языковой реконструкции, семантики и синтаксиса и кончая понятиями и методами лингвистической прагматики, теории речевых актов, когнитивной лингвистики, концептуального анализа.

Созданию этнолингвистики предшествовали (и хронологически, и идейно) экспедиции в Полесье, которые на протяжении четверти века, с 1962 по 1986 г. (год Чернобыльской катастрофы), возглавлял Н.И. Толстой. Они начинались как диалектологические и ставили своей целью сбор материала для полесского диалектного словаря, а затем, с середины 1970-х, превратились в комплексные этнолингвистические и были подчинены задаче сбора материала для Полесского этнолингвистического атласа. Соприкосновение с живым языком и культурной традицией Полесья позволило Никите Ильичу и вслед за ним его ученикам почувствовать неразрывность и взаимную дополнительность языка и культуры, их содержательное единство; ощутить, с одной стороны, мощный культурный потенциал языка (прежде всего лексик), а с другой – недостаточность, неполноту и обедненность языкового материала, лишенного культурного фундамента. Еще

одним фактором, способствовавшим созданию славянской этнолингвистики, явился свойственный Н.И. Толстому необычайно широкий славистический кругозор, свободная ориентация в самых разных славянских языках (диалектах) и культурных традициях, в мифологии и фольклоре всех славянских народов, питавшая чувство славянского культурного и языкового единства и позволявшая ему воспринимать любое конкретное языковое, обрядовое, фольклорное явление сквозь призму всего славянского языкового и культурного пространства, в общеславянской перспективе.

Комплексный подход к изучению традиционной славянской духовной культуры лежит в основе задуманного Н.И. Толстым многотомного коллективного труда – словаря “Славянские древности” (в настоящее время издано три из запланированных пяти томов), в котором сделана попытка выделить и истолковать основные семантические единицы “языка культуры”, т.е. самые существенные для культуры **смыслы**, независимо от того, в какой форме и в какой субстанции они выражены – выражены они в слове или в действии, закреплены ли эти смыслы за предметом, за свойством предмета и т.п. В таком подходе главное – это понимание “интегральности” культуры, т.е. смыслового единства всех ее форм и жанров (языка, обряда, верований, народного искусства), которое обусловлено единой картиной мира воспринимающего и осмысляющего мир и создающего культуру человека. Такой **антропологический** взгляд на культуру и язык характерен для всей области гуманитарного знания в наше время.

Коллектив, работающий над словарем “Славянские древности”, по праву называемый Московской этнолингвистической школой, состоит в основном из прямых учеников Н.И. Толстого, слушавших его лекции в университете, работавших в его семинаре, участвовавших в полесских экспедициях, обучавшихся под его руководством в аспирантуре. За четверть века членами этого коллектива подготовлены и изданы десятки сборников и монографий, сотни статей, обзоров, рецензий; защищены кандидатские и

докторские диссертации. В 2003 г. была издана брошюра с библиографией трудов сотрудников отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН (Славянская этнолингвистика. Библиография. М., 2003; 2-е дополненное издание. М., 2004), в которой значатся, без учета многочисленных публикаций самого Н.И. Толстого, более 3 тыс. позиций. Московская этнолингвистическая школа поддерживает многолетнее и плодотворное сотрудничество (взаимные публикации статей, участие в конференциях, стажировки, участие в редколлегиях периодических изданий и сборников, совместные экспедиции) с польским коллективом этнолингвистов Люблинского университета, возглавляемым проф. Е. Бартминским, с институтом этнографии, институтом фольклора и институтом болгарского языка Болгарской Академии наук в Софии, где ведутся исследования аналогичного профиля (руководители совместных проектов Р. Попов, К. Михайлова, М. Китанова), с сербским институтом балканистики в Белграде (руководитель Л. Раденкович), институтом славистики Сорбонны-4 (директор Ф. Конт) и др.

С 1997 г. в Институте славяноведения РАН отделом этнолингвистики и фольклора проводятся ежегодные научные чтения, посвященные памяти Н.И. Толстого, на которых обсуждается широкий круг вопросов, относящихся к славянской этнолингвистике, фольклористике, мифологии. Первоначально организаторы чтений не предлагали каких-либо узких тематических границ, включая в программу обсуждений широкий круг вопросов, задаваемых рамками традиционной духовной культуры славянских народов и этнолингвистического подхода к ее изучению.

Первые чтения (1997 г.) носили наполовину мемориальный, наполовину исследовательский характер. На двух заседаниях прозвучали доклады, тематически связанные с широким кругом лингвистических, филологических и этнолингвистических интересов Н.И. Толстого: *В.А. Хорев* “Вступительное слово”, *А.Ф. Журавлев* “О Никите Ильиче Толстом”, *Г.К. Венедиктов* “О нормализации и кодификации современного бол-

гарского языка на стадии его формирования”, *Е.И. Демина* “Страничка из истории российского славяноведения: с какой “драгоценной новоболгарской рукописью” ознакомился в 1841 году П.И. Прейс в Венской придворной библиотеке?”, *Л.Н. Смирнов* “Заметки по словоацкой исторической лексикологии”, *Т.И. Вендина* “Этнолингвистика, аксиология и словообразование”, *Г.П. Клепикова* “Изучение феномена славянской письменности у румын (XIV–XVII вв.) и проблемы терминологии”, *В.Я. Петрухин* “К истории начального летописания: о предисловии к Начальному своду”, *Л.А. Софронова* “Черты в школьном театре”, *Т.М. Судник* “Dziady и гости”, *Т.Н. Свешикова* “Оборотничество у румын: bosorko”, *Л.Н. Виноградова* “Фрагмент полесской демонологии: поверья о нечистом”, *А.А. Плотникова* “Не зевай!”, *В.В. Усачева* “Элементы театрального действия в традиционной обрядности славян”, *М.М. Валенцова* “Семантика начала и конца в календарной обрядности чехов и словаков”, *А.В. Гура* “Деревце как обрядовый атрибут славянской свадьбы”, *Т.А. Агапкина* “Мифологема возвращения предка в тексте славянских фигурных хлебцев дня 40 мучеников”, *И.А. Седакова* “Этнография женской речи”, *Е.Е. Левкиевская* “Эсхатологические ожидания в современной крестьянской культуре”, *А.Б. Мороз* “Окно и божница – семиотические параллели”, *О.В. Белова* “Символика цвета в славянских книжных сказаниях о животных”.

Годом позже, к 75-летию Н.И. Толстого была проведена большая международная конференция (вторые чтения) “Слово и культура” и опубликован одноименный двухтомный сборник статей (М., 1998). На пленарном заседании выступили: академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН *Е.П. Чельшев*, чрезвычайный и полномочный посол Югославии в России *Данило Ж. Маркович*, ректор Московского государственного университета *В.А. Садовничий*, председатель Российского комитета славистов акад. *О.Н. Трубачев*, председатель Совета РГНФ акад. *В.Л. Янин*, директор Института русского языка им. А.С. Пушкина *В.Г. Костомаров*, директор Инсти-

тута славяноведения РАН *В.К. Волков*, зав. отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН *А.Ф. Журавлев*, ректор Российского Православного университета св. Иоанна Богослова игумен *Иоанн*. На конференции прозвучало 35 докладов российских и иностранных участников, сгруппированных по тематическому принципу: *А.М. Панченко* (С.-Петербург) “Евразийство и Н.И. Толстой”, *С.Ю. Неклюдов* (Москва) “О некоторых фаталистических концепциях и образах в народной культуре”, *Л.А. Софронова* “Код зрения в сочинениях Григория Сковороды”, *Т.В. Цивьян* “Балканский поворот сюжета”, *А.В.Тарасьев* (Белград) “Современная сербская редакция русской редакции старославянского языка”, *В.Я. Петрухин* «О “языческом” компоненте древнерусской культуры. “Двоеверие” или “Троеверие”?», *Ю.Д. Апресян* “Основные ментальные предикаты состояния в русском языке”, *А.А. Алексеев* (С.-Петербург) “Литургический язык и этнос”, *Д.А. Яламас* (Афины–Москва) “Неизвестный славяно-греческий лексикографический памятник XVI века”, *Ж.Ж. Варбот* “Еще раз о зге, которой не видно”, *Г.А. Цыхун* (Минск) “Из блокнота участника полесских экспедиций”, *А.С. Герд* (С.-Петербург) “Еще раз о предмете славянской исторической диалектологии”, *П.А. Гриценко* (Киев) “Семантическая глубина диалектного слова”, *Т.М. Николаева* “Русский язык эмиграции старшего поколения в Югославии (некоторые наблюдения)”, *Г.К. Венедиктов* «Диалектная основа современного болгарского литературного языка в свете данных “Болгарского диалектологического атласа”», *Е.И. Демина* “Опыт реконструкции болгарского народно-разговорного койне района Средней Старой Планины как исторической реальности XVII века по данным лингвогеографического анализа”, *Г.П. Клепикова* «К изучению славянской диалектной семантики (метод “семантического поля” Н.И. Толстого)», *С.В. Зайцева* (С.-Петербург) “Метод типологического исследования славянского словарного состава Н.И. Толстого и сербохорватская диалектная лексикология”, *А.Д. Дуличенко* (Тарту) “Резьянщина и Н.И. Толстой”.

В.М. Мокиенко (Грайфсвальд–С.-Петербург) «Славянские древности» и историческая фразеология славянских языков»; *И.А. Седякова* «О сладком в языке и культуре болгар»; *Ф. Бадаланова* (Лондон–София) «Село – Вселенная»; *К. Анастасова* (София) «Этнонимы старообрядцев и валахов в системе самоидентификации»; *Е. Бартминьский*, *С. Небжеговская* (Люблин) «Слово–текст–культура»; *С.Е. Никитина* «Время» и «вечное» в народном религиозном фольклоре»; *А.Т. Хроленко* (Курск) «Кластерный анализ в фольклорной лексикографии как метод выявления культурных доминант»; *Н.А. Криничная* (Петрозаводск) «Дайко, травонька, ответ...» (к истории и семантике поэтического тропа); *К.Е. Коренева* (Н.Новгород) «Маркирование обрядового времени в нижегородской традиции»; *А.Л. Топорков* «Грамота № 521 – заговор или любовная записка?»; *Л.Н. Виноградова* «Шуликуны и другие сезонные духи севернорусской демонологии»; *Л. Раденкович* (Белград) «Наименования ведьмы у балканских славян»; *Е.Е. Левкиевская* «Мифологический персонаж: образ и имя»; *А.А. Турилов* «Магическое средство вызывания дождя и ветра в белорусской записи середины XVI века»; *С.Ю. Дубровина* (Тамбов) «Живая традиция Священного Писания в славянских легендах о растениях»; *В.В. Усачева* «Растительный код в обряде и песне».

В 1999 г. **третьи** Толстовские чтения снова носили скорее камерный характер и имели подзаголовок «Культурная семантика и этимология». Были прочитаны следующие доклады: *Т.И. Вендина* «Старославянский язык: субстратный подход к изучению производного слова»; *Г.К. Венедиктов* «О «величайшем камне преткновения» в истории современного болгарского литературного языка»; *Г.П. Клепикова* «Из болгарской диалектной лексики: *страндж*, *гугла*, *гугул*, *кукул* и под.»; *Л.Н. Смирнов* «Из истории наименования стран и государств в словацком языке»; *С.Е. Никитина* «Уста и язык в русском религиозном фольклоре»; *Т.А. Агапкина* «По поводу культурной семантики слав. **buj*»; *А.А. Плотникова* «Балканское **stihī* в мифологиче-

ском контексте»; *А.Ф. Журавлев* «Фиг»; *А.Б. Мороз* «Как ругают детей? (На русском материале)»; *Л.А. Софронова* «Этимологические фигуры в сочинениях Григория Сковороды»; *О.В. Белова* «Как каня дожидается дождя» (Народные поверья и книжные легенды); *И.А. Седякова* «Судьба культурного слова: *молитва*»; *В.В. Усачева* «Культурная семантика и этимология в народной медицине»; *Л.Н. Виноградова* «Ритуальные формы и терминология обрядов изгнания»; *Е.Е. Левкиевская* «Семантика дороги в славянской народной традиции»; *А.В. Гура* «Семантика границы в терминологии и обрядности кануна свадьбы»; *Е.С. Узенева* «Символика хлеба в свадебной обрядности болгар»; *М.М. Валенцова* «Соль тебе в очи...»; *Л.Р. Хафизова* «Колыбельные песни с пожеланием смерти ребенку».

Начиная с 2000 г. было решено придать Толстовским чтениям более систематический характер, более непосредственно соотнести их тематику с основным направлением исследований, ведущихся в отделе этнолингвистики и фольклора, и с главным коллективным трудом – словарем «Славянские древности» с тем, чтобы чтения дополняли проблематику словаря и создавали вокруг него своего рода область научной рефлексии на его темы, служили трибуной для обсуждения вопросов теории и метаязыка этнолингвистики. Темой обсуждения на **четвертых** чтениях стала категория признака в языке и культуре; на основе прочитанных докладов был составлен и издан сборник «Признаковое пространство культуры» (М., 2002). Речь шла о категории признака в структуре символического языка культуры, о способах семантизации и символизации разного рода характеристик объектов и действий; о составе релевантных для народной культуры признаков и принципах их отбора в текстах культуры; о возможных классификациях признаков и культурных функциях разных категорий и групп признаков; о соотносительной оценке разных признаков; о специфике культурной трактовки символа-признака по сравнению с предметными и акциональными символами. По отношению к последним, т.е. к пред-

метам и действиям, подобные вопросы уже ставились: о символике, функции и оценке вещей в народной культуре существует целая литература; менее обстоятельно, но все же достаточно серьезно обсуждалась проблема акционального кода; в частности, некоторым подступом к ее изучению можно считать вышедший в 1996 г. сборник “Концепт движения в языке и культуре” и изданный в 1999 г. сборник “Мир звучащий и молчащий”, см. также специальный выпуск серии “Логический анализ языка”, посвященный “динамике” в языке и культуре. Известно, что далеко не все свойства и признаки становятся объектом оценки и семиотического осмысления, что по-разному воспринимаются и оцениваются признаки размера, формы, цвета, способа изготовления и т.д. Как происходит семиотизация и оценка признаков и их оппозиций, почему одни из них получают очень высокий семиотический статус (например, первый; новый – старый; чистый; белый – черный; кислый – пресный; пестрый; кривой – прямой; круглый; быстрый – медленный; живой – мертвый; сладкий – соленый; сырой – вареный; веселый; колючий; плетеный и т.д.), в то время как другие остаются “невостребованными” культурой? Какую роль играют признаки разного рода в формировании культурных значений предметов и действий? Эти и другие вопросы, касающиеся культурной роли признаков, свойств и качеств, рассматривались в докладах на материале разных этнокультурных традиций, различных жанров и видов текстов – обрядовых, фольклорных, литературных и т.д. Всего было прочитано 15 докладов: *С.М. Толстая* “Признак в языке культуры”, *Л.Н. Виноградова* “Оппозиция живой – мертвый в народной культуре”, *А.Л. Топорков* “Признаковое пространство русских заговоров XVII–XVIII вв.”, *Т.Н. Свешникова* “Отсутствие признака в заговорных формулах”, *Л.А. Софронова* “Оппозиция чистое / грязное в сочинениях Григория Сковороды”, *М.М. Валенцова* «Семантические и символические связи понятия “чистый”», *Н.Ф. Спиридонова* “О семантической структуре качественных прилагатель-

ных”, *Н.В. Злыднева* «“Белое” в русской литературе и искусстве XX века», *О.В. Белова* «“Чужие” и “другие”: представления об этнических соседях в славянской народной культуре», *В.В. Усачева* “Благословенные и проклятые деревья”, *И.А. Седакова* “Счастливые болгарин: этнолингвистический портрет”, *Е.С. Узенева* “Символика целого в болгарском свадебном обряде”, *А.А. Плотнокова* «“Звериные” праздники в календаре балканских славян», *Е.Е. Левкиевская* «“Красная свитка” и “белая свитка” в “Сорочинской ярмарке” Н.В. Гоголя», *С.И. Селиванова* “Метаморфозы семантики цветообозначений (синий, белый, красный) в русском языке”.

Пятое Толстовские чтения (2001 г.) продолжили обсуждение семантических категорий и механизмов традиционной культуры. Никита Ильич Толстой в своих работах главное внимание уделял конкретному материалу, его репрезентативности и полноте в общеславянском масштабе. Его самого и его учеников и последователей нередко упрекали в эмпиризме. Но именно ему принадлежат первые теоретические обобщения в области категориальных оснований и механизмов символического языка культуры. Достаточно вспомнить его известную статью 1982 г. “Из грамматики славянских обрядов”, опубликованную в тартуской “Семиотике”, а затем статью 1987 г. “О природе связей бинарных противопоставлений типа *правый–левый, мужской–женский*”. Некоторые подступы к теоретическому осмыслению категорий языка культуры были сделаны позднее в коллективных трудах – в сборниках и отдельных публикациях, посвященных предметному и акциональному кодам и более частным вопросам организации и функционирования единиц языка культуры. На этот раз была выбрана категория числа и количества. Чтения назывались “Количество–счет–число” и были посвящены теме, неоднократно привлекавшей внимание исследователей (см. прежде всего работы В.Н. Топорова и В.В. Иванова), но все еще остающейся недостаточно изученной, особенно на материале славянской народной традиции. Главное внимание было уделено куль-

турным функциям, механизмам семантизации и символизации концептов множественности, единичности, собирательности, чета–нечета, семантике и символике числа вообще и отдельных элементов числового ряда (особенно чисел 2, 3, 4, 7, 9, 12, 20, 40), а также магической и мифологической трактовке операций счета (пересчитывания), измерения, взвешивания и другим способам категоризации и оценки количественных параметров мира в языке и культуре. Эти вопросы на разнообразном языковом, обрядовом, фольклорном и ином материале всех славянских и близких им традиций во всем его жанровом, стилистическом и тематическом разнообразии рассматривались в 15 прочитанных докладах: *С.М. Толстая* “Категория числа в славянской народной традиции”, *О.В. Белова*, *В.Я. Петрухин* «“Поэтика числа” в народных “библейских” легендах», *О.В. Трефилова* “Считать и почитать в старославянском языке”, *А.А. Турилов* «Магия числа в глазах исследователя (проблема датировки “точно датированных” памятников письменности и искусства)», *Т.А. Агапкина* “Символика множественности в полесских заговорах”, *Т.Н. Свешникова* “Роль числа в заговорах от болезни”, *В.В. Усачева* “Магия чисел в народной медицине”, *Н.В. Злыднева* “Балканская традиция числовой символики Константина Бранкузи”, *А.А. Иванова* “Перечисление как принцип организации ритуала и фольклорного текста”, *Е.Е. Левкиевская* “Мера и измерение в славянских оберегах”, *Л.Н. Виноградова* “Категория множественности как отличительный признак некоторых классов демонических существ”, *М.М. Валенцова* “Первый: магические и обрядовые функции”, *И.А. Седакова* «Символика и магия “второго” в южнославянских традициях», *С.Ю. Дубровина* (Тамбов) “Число 40 в народных верованиях на Тамбовщине”, *Е.С. Узенева* “Числовой код в болгарской свадебной обрядности”.

Шестые чтения памяти Н.И.Толстого (2002 г.) были посвящены проблемам текста, его семантике и прагматике. Словарь “Славянские древности”, как и разнообразные по проблематике и по жанру труды, создаваемые “вокруг словаря”, в

том числе и, может быть, в первую очередь ежегодные Толстовские чтения, ориентированы на парадигматику языка культуры, на системные отношения между основными его единицами, на категории “грамматики” культуры. На этот раз участники чтений впервые вышли за пределы парадигматики языка культуры в сферу синтагматики и обратились к такому сложному объекту, как текст. Задача состояла в том, чтобы, отталкиваясь как от филологического (литературоведческого, фольклористического), так и лингвистического понятия текста, попытаться осмыслить феномен текста в рамках этнолингвистики и соотнести его с другими единицами языка культуры. Не отказываясь, разумеется, от целостного рассмотрения текста на всех его уровнях (субстанциональном, структурном, семантическом) и во всех его видах (вербальном – устном и письменном, ритуальном, музыкальном, изобразительном), мы для начала решили основное внимание уделить прагматическому (функциональному, коммуникативному) аспекту изучения культурного (главным образом вербального) текста (практически “пожертвовав” такой важной его стороной, как структура, о которой нам все-таки приходилось говорить больше). Это объясняется, во-первых, тем, что прагматические свойства текстов, их функции и типология по этим признакам менее всего изучены вообще (и в филологии, и в лингвистике), а во-вторых, тем, что именно в сфере прагматики и функции лежат специфика культурного текста, который является объектом этнолингвистики.

Были прочитаны доклады: *С.М. Толстая* “Текст как объект этнолингвистики”, *С.Ю. Неклюдов* “Текст и мотив”, *О.А. Пашина* “О семантической дифференциации структурных компонентов музыкально-фольклорного текста”, *А.А. Плотникова* “География текста (на южнославянском материале)”, *С.Е. Никитина* “Стих об Иосифе Прекрасном: жизнь текста”, *Е.Е. Левкиевская* “Мета-язык и категории описания мифологии текста”, *А.Л. Топорков* “Структура и прагматика русских заговоров социальной направленности”, *Л.Н. Виноградова* “Быличка как жанр нравоучительных

рассказов о нарушителях запретов”, *Е.Л. Березович* (Екатеринбург) “Текст чёрта в русском языке и традиционной культуре: к проблеме сквозных мотивов”, *И.А. Седакова* “Жанр оповещения в семейной обрядности славян”, *В.В. Усачева* “Вербальная магия в аграрных обрядах (прагматика ритуального текста)”, *Н.В. Злыднева* “Телереклама как магический текст”, *М.М. Валенцова* “Специфика текстов ментальной магии”, *О.В. Трефилова* “Мотив муки и мучения в фольклоре и славянской книжности”.

В 2003 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Н.И. Толстого. Этой дате была посвящена международная научная конференция (седьмые чтения) “Славянская этнолингвистика и проблемы изучения традиционной народной культуры”. Первое заседание носило мемориальный характер, на нем выступили: зав. отделом типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения, главный редактор журнала “Вопросы языкознания” член-корр. РАН *Т.М. Николаева*; советник Президиума РАН, председатель комиссии по наследию Н.И. Толстого, председатель Оргкомитета Конференции акад. *Е.П. Чельшев*, директор Института славяноведения РАН член-корр. РАН *В.К. Волков*, директор Института русского языка РАН, председатель Российского комитета славистов *А.М. Молдован*, зав. кафедрой славянского языкознания МГУ *В.П. Гудков*, директор Синодальной библиотеки Московского Патриархата, настоятель Патриаршего подворья быв. Андреевского монастыря протоиерей Борис Даниленко, директор Института балканистики САНУ (Белград) проф. *Л. Раденкович*, проф. Люблинского университета, главный редактор журнала “Этнолингвистика” *Е. Бартминский*, зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения *С.М. Толстая*, исполнительный директор издательства “Индрик” *С.Г. Григоренко*, проф. *А.В. Тарасьев* (Белград). На семи рабочих заседаниях были прочитаны следующие доклады: *С.Ю. Неклюдов* “Живая речь и язык фольклора”, *Е.Е. Левкиевская* “Итоги и перспективы изучения славянской мифологии”, *В.Я. Петрухин* «Проводы Перу-

на”: древнерусский фольклор и византийская традиция», *А.А. Гиппиус* “Сисиний и Сихаил: к сакральной просопографии берестяных грамот”, *Е. Бартминский* “Христианство и народная культура: Богоматерь в польской традиции”, *С.Е. Никитина* “О ядерных концептах народного христианства”, *Р. Попов* (София) “Народная этимология и культ святых”, *О.А. Черепанова* (С.-Петербург) “Мифологические мотивы в народных рассказах о местнотимых старцах на Русском Севере”, *К. Михайлова* (София) “О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре”, *С.Ю. Дубровина* (Тамбов) «Христианская лексика в диалектном “изводе”», *В. Драбик* (Краков) “Бабы лето и прочие бабы дела”, *С.Б. Адоньева* (С.-Петербург) “Социальное пространство крестьянской магии. Силы и хозяева”, *А.Б. Мороз* “Народная интерпретация этнографического факта”, *Л.А. Софронова* “Переодевание на старинной русской сцене”, *А.В. Тарасьев* «“Живая” и “мертвая” вода в “Докторе Живаго”» *Д. Айдачич* (Белград) «Коды и “Коды славянских культур”», *Г. Невекловский* (Вена) “Жилище, посуда и пища у боснийских мусульман”, *Г.А. Цыхун* (Минск) “Полесские нарубы (лингвотипический аспект)”, *А.Д. Дуличенко* (Тарту) “Карпатские русины сегодня: этнолингвистический аспект”, *Л.Н. Виноградова* “Вербальные элементы обряда и их роль в раскрытии мифологической семантики”, *Л. Раденкович* “Цвет как признак мифологических персонажей”, *А.В. Гура* “Пятна на месяце: способы конструирования мифологического текста”, *А.Л. Топорков* “Этимология на службе магии”, *Н.П. Антропов* (Минск) “Белорусские этнолингвистические этюды. 2. Вызывание дождя (акциональный код)”, *А.А. Плотникова* “Этнолингвистическая диалектология: южные славяне”, *Е.Л. Березович* (Екатеринбург) “К этнолингвистической интерпретации семантических полевых структур”, *Т.И. Вендина* “Истина, Добро, Красота в языке традиционной народной духовной культуры”, *И.А. Седакова* “Прощание и прощение: опыт этнолингвистического анализа”, *А.Ф. Журавлев* “Фонетика бе-

совских глоссолалий”, *С. Небжеговска-Бартмињска* (Люблин) “Роль мотива в описании модели текста”, *А.В. Юдин* (Одесса–Гент) “Мифотопонимия украинских и белорусских заговоров”, *Г.Ф. Благова* “Тюркская антропонимия как проекция мифологических представлений”, *В.М. Гацак* “Зооморфный сон в эпических контекстах”, *Т.В. Цивьян* “Фатальный путь Колобка”, *О.В. Белова* «Как в деревне Арзубиха “кабалу писали”», *Ф.Д. Климчук* (Минск) “Из бесед с Н.И. Толстым (воспоминания)”.

Восьмые чтения (2004 г.) были посвящены теме, которой Н.И. Толстой придавал очень большое значение как в теоретическом, так и в практическом отношении, – географии традиционной народной культуры. По его словам, “лингвистическое положение о том, что картина современных диалектных явлений и фактов при целенаправленном рассмотрении (как бы с использованием инфракрасных лучей) может быть воспринята как развернутая в пространстве диахрония, вполне применимо к материалу народной духовной культуры и может с полным основанием считаться также этнокультурологическим”. Однако в области традиционной духовной (да и материальной) культуры по-прежнему нет не только карт общеславянского масштаба, сопоставимых с картами Общеславянского лингвистического атласа, но и атласов отдельных этнических и региональных традиций; очень мало и частных карт, посвященных тем или иным фрагментам обрядов, верований, мотивам, терминологии. Нет таких карт и в области вербального фольклора. Вместе с тем отмечается активизация региональных исследований традиционной культуры как у южных и западных славян (особенно в Болгарии, Сербии, Чехии и Словакии), так и у славян восточных (монографии и сборники по Русскому Северу – Карелии, Каргополью, Вологодчине, Рязанщине, Калужской земле, Смоленщине, Уралу, Тамбовщине и др.).

На двух заседаниях чтений были прочитаны следующие доклады: *С.М. Толстая* “Географические аспекты культурной традиции”, *Т.И. Вендина* «Фрагменты языковой картины мира на картах

“Общеславянского атласа”», *О.А. Пашина* “Народное многоголосие в свете традиционной картины мира, истории и географии”, *Н.П. Антропов* (Минск) “Новые возможности этнолингвистического картографирования (из практики работы над картами БЭЛА)”, *А.А. Плотникова* “Южнославянские ареалы по данным языка и народной культуры”, *В. Васева* (София) «“Козел” в болгарской свадьбе (ареальный аспект)», *Л.Н. Виноградова* “Украинская народная демонология в ареальном аспекте”, *К. Задоя* (Германия) “О картографировании фольклора”, *Т.А. Агапкина* “Ареальный аспект восточнославянской заговорной традиции”, *Е.Е. Левкиевская* “География мотивов восточнославянских заговора”, *И.А. Седякова* «География болгарских заговоров и ритуалов “от испуга”».

На **девятых** чтениях (2005 г.) “Лексика и фразеология традиционной духовной культуры” обсуждались проблемы этнолингвистики в узком смысле слова, т.е. лексика (терминология, фразеология) народной культуры (обрядов, верований, фольклора) всех славянских традиций, специфика так называемых культурных слов, их семантика, символика и прагматика, а также культурная семантика “обычных” слов, т.е. слов, употребляемых как в обыденных, так и в ритуальных контекстах и ситуациях. Эта тема уже поднималась на чтениях 1999 г., но возвращение к ней было более чем оправдано: по мере работы над словарем “Славянские древности” и углубленного изучения отдельных фрагментов и пластов славянской народной традиции (народного календаря, мифологических представлений, свадебного обряда, некоторых жанров и видов текстов – заговоров, оберегов, легенд, притворов и др.) становится очевидной необходимость более основательного и разностороннего изучения языка культуры не только в семиотическом смысле слова, но и в прямом значении слова “язык”. Необходимы общеславянские и региональные исследования и словари разных разделов культурной традиции: обрядовой терминологии, календарной лексики и фразеологии, языка верований, словари и тезаурусы разных жанров фольклора, изучение це-

лых тематических областей лексики, выступающих в роли языковых кодов культуры (культурные значения и функции лексики цвета, анатомической, растительной, пищевой лексики и т.д.). В последние годы появились интересные работы такого рода (диссертации, тематические и жанровые словари, статьи), выполненные на разномасштабном (преимущественно региональном) материале (ср., например, серию словарей традиционной культуры О.В. Вострикова, Н.И. Коноваловой и др., изданных в Екатеринбурге, словарь свадебной лексики Орловщины М. Костромичевой, тамбовский словарь духовной и материальной культуры и др.), которые требуют осмысления, оценки и продолжения. Интересны не только собственно лингвистические аспекты культурной лексики и семантики (системность номинации культурных реалий, особенности мотивации культурных терминов, их сочетаемость, семантическая глубина, многозначность, методы семантической реконструкции и т.п.), но и соотношение языковых знаков культуры с неязыковыми знаками (реалиями, действиями, музыкальными, изобразительными формами и др.) в рамках “общего” символического языка культуры и конкретных синкретичных культурных текстов.

Были прочитаны доклады: *С.М. Толстая* “Этнолингвистика в узком смысле слова: основные аспекты и задачи”, *Т.И. Вендина* “Категории народной этики в языке русской традиционной культуры: любовь”, *О.В. Трефилова* “О благословении”, *Л.Н. Виноградова* “Пожелания смерти в славянских проклятиях”, *А.Л. Топорков* “О нескольких формульных сочетаниях в славянских заговорах”, *В.В. Усачева* “Функция лексики в лечебной магии”, *Е.Е. Левкиевская* “Восточнославянская мифологическая лексика в географическом освещении”, *А.А. Плотникова* “Бабице и нави: особенности географической дистрибуции”, *Е.С. Узенева* “Соотношение хрононима и легенды (вербальные компоненты праздника св. Трифона)”, *М.В. Ясинская* «Особенности календарной терминологии восточных славян (“этимологическая магия”)», *О.В. Чёха* «Семантическая оппозиция

“молодой – старый” в полесских названиях лунных фаз».

Десятые чтения (2006 г.), посвященные десятилетию со дня смерти Н.И. Толстого, прошли в Ясной Поляне при поддержке Музея-усадьбы “Ясная Поляна” и были посвящены теме “Вербальный код традиционной народной культуры”. В докладах и дискуссиях не только анализировались конкретные вербальные формы и жанры культуры, но и обсуждалось общее понятие культурного кода, его содержание и применимость в исследованиях языка культуры. Отправной точкой многих рассуждений на эту тему служили положения известной статьи Н.И. Толстого “Из грамматики славянских обрядов”, где обряд определялся как текст, составленный из элементов трех разных кодов – акционального (обрядовые действия), реального (предметы) и вербального (слова и тексты). Такие коды, различающиеся материальной субстанцией составляющих их единиц, могут быть названы субстанциональными. Помимо этих кодов, в языке культуры и культурных текстах используются “концептуальные” коды, единицы которых связаны смысловой общностью, но могут принимать разные субстанциональные формы. Таковы, например, растительный, животный, астрономический и другие коды культуры. Вербальный код – один из субстанциональных кодов культуры, однако язык занимает совершенно особое место в системе ее кодов, будучи не только средством, но и “интерпретантом” культуры.

На двух заседаниях были прочитаны доклады: *С.М. Толстая* “К понятию культурных кодов”, *А.В. Гура* “Вербальный код славянского свадебного обряда”, *Л.Н. Виноградова* “Магия злоречений: акциональные и вербальные формы”, *О.А. Пашина* “Особенности севернорусского эпического стиха с точки зрения музыковеда”, *А.А. Плотникова* “Лексические, семантические и культурные балканизмы на западе Южной Славии”, *Т.Ю. Власкина* (Ростов-на-Дону) “Благодарение повитух у донских казаков: локализация терминологии и форм”, *Е.Л. Березович* (Екатеринбург) “О языковых механизмах порождения культурных текстов”, *И.А. Седякова* “О возможностях вербаль-

ного кода: от термина к тексту (*клин клином*)”, *Н.А. Архипенко* (Ростов-на-Дону) “О языковых механизмах формирования и функционирования терминов народной демонологии (на основе анализа русских быличек)”, *О.В. Трефилова* “Названия сглаза в болгарских заговорах”, *О.В. Чёха* “Структура заговоров на свинцовых табличках из Аттики”.

Участники чтений посетили могилу Н.И. Толстого на сельском кладбище в Кочаках близ Ясной Поляны.

Хроники прошедших Толстовских чтений публиковались в журналах “Живая старина” (1997, № 2; 1988, № 3; 2000, № 3; 2001, № 3; 2002, № 3; 2003, № 3; 2004, № 3; 2006, № 4), “Славяноведение” (2003, № 6), “Известия Академии наук. Серия литературы и языка” (2003, № 5), “Вопросы языкознания” (2003, № 6).

© 2007 г. *С.М. Толстая*

Славяноведение, № 2

25 ЛЕТ КОНФЕРЕНЦИЙ “СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ”

Начиная с 1982 г. отдел истории Средних веков Института славяноведения РАН регулярно проводит конференции и чтения, объединенные общей темой “Славяне и их соседи”, посвященные памяти бывшего заведующего отделом, выдающегося российского ученого Владимира Дорофеевича Королюка (1921–1981). Все они подчинены главной цели, поставленной в свое время их первыми организаторами (председатель Оргкомитета – Г.Г. Литаврин, с 2002 г. – Б.Н. Флоря) – систематическому рассмотрению самых разных аспектов отношений славянских народов с соседними этническими общностями и между собой.

В.Д. Королюк являл собой в тогдашней советской науке новый и редкий тип историка, которого отличали масштабность, широта подхода к теме, способность видеть предмет исследования во всем многообразии его связей. Его исторические предпочтения представляли наиболее трудоемкие и актуальные проблемы средневековой истории Восточной Европы в целом и, в частности, проблемы этногенеза, этнического самосознания, международных отношений. Научный успех и популярность первых мемориальных научных встреч определялись притягательностью новаторского в то время подхода к проблемам, свя-

занного в немалой степени с именем В.Д. Королюка и культивировавшегося в отделе истории Средних веков. Он предполагал широкое сравнительно-историческое исследование выбранной темы на материале источников, охватывающих весь населенный славянами регион, а также необходимость комплексного междисциплинарного ее изучения с учетом методик и приемов лингвистики, археологии, этнологии и других гуманитарных дисциплин.

Намереваясь охватить как можно полнее круг проблем, тем и подходов, открывающих перспективу исторического синтеза в изучении взаимодействия славянских культур, обществ и государств, организаторы в дальнейшем скорректировали и конкретизировали концепцию, задачи и цели Чтений: рассмотрение “контактов славян и соседних с ними народов во всех основных сферах общения (политические, экономические, культурные и контакты, связанные с демографическими и этническими процессами) и на разных этапах исторического развития – от самого возникновения славянского этноса как особой общности до эпохи позднего Средневековья” [1. С. 3]. Своей организацией и удачным началом эти научные форумы во многом были обязаны неумной энергии и веселой увлеченно-

сти их ответственного секретаря Л.В. Заборовского и секретаря Н.С. Захарьиной. Они придумали и общее название, под которым с 1988 г. стали проходить конференции, – “Славяне и их соседи”, которое не только емко отразило диапазон научных приоритетов самого Владимира Дорофеевича, но и соединило в себе все возможные славяноведческие сюжеты и одновременно обозначило требование широты и глубины их научного осмысления. Не случайно, что для первой конференции под этим названием (VI в общем ряду) была выбрана проблема взаимных влияний славян с соседними этническими общностями – балтами, иранцами, угро-финнами, германцами, греками, тюрками в древности и раннее Средневековье.

Ярким примером убедительности синтетического подхода были V Чтения (1987) “Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси”, участники которой сосредоточили свое внимание на реконструкции событий и причин, приведших к принятию христианства народами указанных регионов. И сами Чтения, и изданный сборник тезисов представленных на них докладов по сути заново открывали эту тему для свободного и всестороннего ее обсуждения в отечественной науке в преддверии 1000-летия Крещения Руси и во многом подняли планку проблемной и методологической дозволенности в изучении истории культуры в целом и религиозного сознания как ее компонента для тогда еще сильно подверженной стереотипам отечественной историографии.

В дальнейшем проблема религиозного сознания и истории церкви не раз поднималась на конференциях “Славяне и их соседи”. Взаимодействие двух основных христианских конфессий в славянских странах преимущественно в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени обсуждалось на конференции 1992 г. “Католицизм и православие”. Именно на заселенной славянами территории с самого начала их христианизации сталкивались интересы двух конфессий, борьба которых со временем лишь ожесточалась. Организаторы конференции обозначили тогда новый вектор в изуче-

нии этой темы, ориентируя участников на источниковедческие ее аспекты и использование современных методик исследования роли религиозного сознания в формировании ментальных, социальных и политических структур, что позволяло отойти от сложившихся в советской исторической науке схематичности и стереотипности в интерпретации конфессиональных коллизий. Это касалось прежде всего конфликтных взаимоотношений двух конфессий на Украине XVI–XVII вв., истории и последствиям которых была посвящена большая часть докладов.

Хронологическая лакуна в рассмотрении на конференциях проблем истории христианства в славянских странах в Средние века была восполнена в 2000 г. на XIX конференции “Славянский мир между Римом и Константинополем: Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья”. Ее материалы были нацелены на выявление культурно-исторических особенностей недавно христианизированных славянских обществ, которые обусловили степень усвоения христианских культурных традиций в различных сферах жизни и специфику местного восприятия этих традиций. Тематические и методологические разработки последнего времени в области истории, археологии, лингвистики, культурологии, богословии и других дисциплин позволили авторам докладов на новом уровне подойти к исследованию взаимодействия различных культурных систем, к раскрытию механизма рецепции христианской, византийской и римской, культуры в славянской историко-культурной среде, самосознание которой было сформировано иными установками, основанными на языческом мировосприятии.

При всем многообразии вопросов, касающихся отношений между греческим и славянским миром, именно культурные и духовные связи как в высшей степени плодотворные и долговечные нашли наибольшее отражение в двух специальных конференциях. Первая из них – “Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время” проводилась в

1994 г. при поддержке Центра эллинистических исследований имени Спироса Вриониса (Сакраменто) и Центра византийских исследований (Афины). Для юбилейной, двадцатой конференции (2001 г.) была избрана тема “Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья”. Ее участники сосредоточили внимание на обсуждении комплекса вопросов, направленных на исследование роли Византийской империи в формировании славянских и некоторых сопредельных государств. Конференция проходила в тесном сотрудничестве с Синопальной библиотекой Московской Патриархии с благословения патриарха Алексия II; она знаменовала собой возвращение к традиционным принципам развития российской гуманитарной науки, продемонстрировав взаимодействие, диалог и сотрудничество церковной и светской науки.

Проблеме складывания в процессе общения между народами этнопсихологических стереотипов и их исторической роли была посвящена конференция 1990 г. Во многих своих аспектах эта тема тогда только открывалась для исследователей, и значение представленных авторами докладов сведений и сделанных на их основе выводов выходило далеко за пределы медиевистических исследований. Этнические стереотипы, касающиеся как своего собственного, так и других народов, рассматривались здесь как важнейший, наиболее существенный компонент этнического самосознания, проблема формирования и развития которого у славян в течение длительного времени оставалась центром приложения исследовательских усилий сотрудников Отдела. В ряде докладов было показано, что на практике именно сложившиеся стереотипы, а не реальные факторы определяют характер отношений между этносами. Отсюда вытекало особое внимание авторов к самому механизму образования стереотипов, их устойчивости, воздействию на их формирование этнокультурных, социальных, религиозных различий и политических факторов.

Все эти аспекты проблемы оказались в центре внимания и участников XII Чтения (1993) “Еврейское население Цен-

тральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Средние века – Новое время”. Ценность и актуальность этой обширной международной конференции состояла в переводе темы еврейства в славянском регионе в русло сугубо научных изысканий. Благодаря этому на материале источников были прослежены корни антисемитизма в разных частях региона, вырвавшиеся из сложного конгломерата этнорелигиозной конфронтации, этнической ксенофобии и экономических причин, что обусловило массовость антисемитских настроений, легкое распространение этнических стереотипов и антисемитских мифов в самых разных общественных слоях. Одновременно конференция отразила достижения текстологического (исторического и лингвистического) анализа славянской и древнерусской письменности с точки зрения использования ветхозаветных сюжетов и текстов.

Исследование проблемы восприятия национальных и культурных различий получило свое развитие на XXI конференции 2001 г. Предложенный тогда для обсуждения новый аспект проблемы – “Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы” актуализировался обострением религиозного и этнического противостояния, и прежде всего в обозначенном регионе. Предлагая обратить внимание в этой связи на эпоху Средневековья и раннего Нового времени, организаторы исходили главным образом из того, что именно в той эпохе кроются истоки многих современных конфликтов. С данной точки зрения получили новое развитие и звучание темы этнических отношений в христианских империях раннего Средневековья, взаимодействия и противостояния православия и католицизма, взаимоотношений христианства и ислама и межэтнических отношений в Османской империи, национальных и религиозных конфликтов в эпохи Реформации и Контрреформации и т.д. Представленные материалы способствовали пониманию причин многих конфликтов Нового времени и современных, выработку типологии конфликтных ситуаций, выяснению того, насколько проблемы межэтнических

и межконфессиональных отношений связаны со средневековыми сторонами жизни общества, и насколько – с тенденциями, характерными для Нового времени.

Одной из наиболее важных для истории славянского мира является тема отношений славян с кочевым миром, обсуждавшаяся на XVII конференции (1998). Ее значимость определяется тем, что сосуществование с кочевым миром на протяжении Средневековья и раннего Нового времени является одной из главных особенностей, отличающих историческое развитие славянских народов от многих других народов Европы. Доклады, посвященные многообразию контактов, отличались рассмотрением их в сложных исторических взаимосвязях, учитывающих столкновения между земледельцами-славянами и кочевниками и их взаимодействие в рамках первых возникавших на Балканах государств, или для более позднего времени – борьбу восточнославянских государств с набегами татар, стремление общими усилиями положить конец вмешательству Орды в их внутренние дела и наличие в этих государствах сил, готовых к сотрудничеству с Ордой, или, наконец, сложные взаимоотношения и сосуществование в рамках разных государственных организмов, в частности в границах Османской империи. Внимание на конференции было уделено ретроспективному обзору и исторической оценке популярных в последнее время историографических построений XIX–XX вв., основанных на особом подходе к взаимоотношениям земледельческих народов и кочевников (прежде всего представлениям в рамках русского евразийства о мучительном, но необходимом для Руси процессе конвергенции со Степью или также ориентированной на Восток идее венгерского туранизма) и отражавших особенности национально-самосознания и поиска своего места в европейской цивилизации в различных политических и социальных средах в сложные моменты национальной истории.

Одной из тем, обсуждавшихся на конференциях, была история международных отношений в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В свое время именно В.Д. Королук на

примере Ливонской войны продемонстрировал плодотворность рассмотрения этой темы в широком историческом контексте, учитывающем все многообразие внешне- и внутривосточных связей и интересов. В 1989 г. проходила специальная конференция “Международные отношения в эпоху феодализма”, материалы которой показали научный приоритет нетривиального тогда подхода к проблеме, учитывающего взаимосвязь событий международных и межгосударственных отношений и особенностей развития общественной мысли и идеологии в вовлеченных в них странах. Большое внимание было уделено международным отношениям в указанной части Европы в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда здесь образовывались обширные многоэтничные государства, конфликты между которыми и внутри которых определили последующее историческое развитие многих народов.

Исследование вопросов, связанных с функционированием таких государств и их взаимоотношений с другими странами, требует усложнения и обобщения проблематики и ее более широкого географического и хронологического охвата, что и было продемонстрировано, в частности, на X конференции (1992) “Османская империя и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и Кавказа в XV–XVIII веках”. Особо здесь следует выделить доклады, посвященные традиционно дискуссионным вопросам религиозной жизни в ареале влияния османов и конфессиональной политики Порты. В этом же ряду следует рассматривать XVI конференцию (1997) “Славяне и немцы”, которая продемонстрировала еще не столь очевидный тогда для всех отход от односторонних оценок славяно-германских отношений и связей в категориях *Drang nach Osten* и расширение проблематики в исследовании таких связей, особенно имеющих позитивный контекст. Здесь были представлены доклады о германском влиянии в языке некоторых славянских средневековых текстов, в летописании и литературе, в развитии книжного дела, об “образе другого” в германских и славянских источниках, об особенностях межэтниче-

ских отношений в местах совместного проживания двух этносов в различных славянских странах. Особое внимание привлекла оценка славянского фактора в формировании империи Габсбургов, а также постановка вопроса об изменении отношений с правящими династиями Центральной Европы германских правителей во второй половине X в., предполагавшая переход от военного доминирования к привлечению конфессиональных средств для поддержания своего авторитета.

Помимо самых разных аспектов отношений славянских народов с соседними этническими общностями на конференциях затрагивались и вопросы отношений славянских народов между собой. Полностью этой проблеме была посвящена XVIII конференция (1999) “Межславянские взаимоотношения и связи”. Славянский ареал издавна отличался большой культурной, этнической, языковой и религиозной пестротой, а также напряженностью в отношениях между различными группами населения, что и определило сюжетную широту и методологическое разнообразие представленных историками, филологами, археологами докладов, посвященных этнокультурному взаимодействию славянских народов и его отражению в материальной культуре; представлениям славянских народов друг о друге; общеславянскому культурному фонду и его месту в устной и письменной традициях отдельных народов; влиянию религиозных особенностей в различных частях славянского мира; идее единства славянского мира в общественном сознании славянских народов; эволюции представлений о славянах и их истории в период Средневековья и Нового времени.

Проблема общественного сознания, одна из наиболее приоритетных в современной исторической науке, проходит рефреном в истории конференций “Славяне и их соседи”. Специально различным ее аспектам было посвящено несколько конференций, и каждая из них отражала определенный этап в развитии отечественной медиевистики в контексте мировой. Еще в 1984 г. IV “Чтения памяти В.Д. Королюка” проходили по теме “Идеология и общественно-политическая мысль в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе” и от-

разили принципиально новый подход к истории идей, широко разработывавшийся тогда в европейской медиевистике и принимавший во внимание не только сами идеи, но их социальные судьбы, воздействие на сознание разных слоев, классов и групп. Сами же явления духовной жизни и культуры рассматривались в сложном и противоречивом взаимодействии со всеми другими формами жизнедеятельности. Такой подход, столь обычный сейчас, тогда требовал смелости и оправдания. Для XIV конференции (1995), проходившей уже в другое время, была выбрана тема воздействия имперской идеи и имперской политики на общественное сознание народов региона, которая в столь широком плане была новой не только в отечественной, но и мировой славистике. В докладах были поставлены и проанализированы вопросы влияния на идеологию власти в ранне-средневековых славянских и сопредельных странах (Алании, Грузии, Венгрии и др.) византийской и германской (франкской) модели власти и соответствующей идеологии и отражения их в памятниках письменности; формирования собственной модели в разных славянских странах; символики и ритуала в практике международных отношений в странах региона; развития имперской идеи в Чехии и Московской Руси в эпоху позднего Средневековья; зарождения имперской идеи в государстве османов и ее влияния на развитие этнического самосознания славянского населения Османской империи и др. Конференция следующего года была посвящена еще одному аспекту общественной мысли – “Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени”. Основные усилия ее участников были направлены на исследование позднесредневековых этногенетических мифов в контексте представлений того времени об обществе, государстве, истории и изменений в представлениях о прошлом своих народов с развитием научного историописания.

Для двух последних конференций цикла, также посвященных проблемам развития общественной мысли, были выбраны схожие темы, и сравнение их материалов, использованных источников, методик в подходе к проблемам, глубина

и широта обобщения позволяет увидеть значительные сдвиги в исследовании не только общественной мысли славянского средневековья, но и в славянской медиэвистике в целом, происшедшие за последние десять лет.

Тема XXII конференции “Репрезентация верховной власти в средневековом обществе”, проходившей в 2004 г., рассматривалась в контексте одной из важнейших проблем всякого общества – “власть и общество”. Ее участники сосредоточили внимание преимущественно на том ее аспекте, который связан с обоснованием властью своего права управлять данным обществом, чему прежде всего служит “образ власти”, который творит сама власть, чтобы создать у общества представление о самой себе, обеспечивающее подчинение и поддержку со стороны общества. В разные эпохи общественного развития образ власти наполнялся разным содержанием, не в последнюю очередь потому, что был адресован разным общественным слоям. Собственно рассмотрению различных “образов власти”, многообразию их средств выражения и была посвящена большая часть докладов, охватившая широкий хронологический диапазон от раннесредневековых представлений о власти в первых славянских государствах до “образов власти” раннего Нового времени. Были выявлены также возникшие в разных социальных слоях “образы власти”, конкурирующие с “официальными”. Поскольку представления о власти у южных и восточных славян имеют византийские корни, в ряде докладов специально рассматривались различные аспекты генезиса и эволюции власти и ее репрезентации в Византии. Серия докладов была посвящена отраженному в источниках идеальному образу правителя в разных странах, что создало хорошую основу для сравнительно-исторического анализа темы.

Тема XXIII конференции (2006 г.) – “Раннее Средневековье глазами позднего Средневековья и раннего Нового времени”. Поскольку именно в эту эпоху складывались особо сложные отношения между современностью и традицией, обсуждавшиеся темы касались в основном результатов исследования текстов, отра-

жавших переход к методам научного познания прошлого с точки зрения воздействия на них раннесредневековых представлений о происхождении славян и славянских народов и о древнейшем периоде их истории, о появлении государственной власти, ее характере, о взаимоотношениях власти и подданных, об отношениях первых славянских государств с мировыми империями. В докладах выделялось два возможных варианта отношения к содержанию исторического повествования. Один из них был ориентирован на создание такой картины прошлого, чтобы оно соответствовало определенной концепции. Для второго были характерны восприятие и переосмысление уже известных фактов в соответствии с идеями и представлениями своего времени. Преимущественное внимание на конференции ко второму варианту было обусловлено тем, что при столкновении современного сознания с традицией выявляются такие грани современного сознания, которые при анализе прямых свидетельств о своем времени могут и не проявиться.

В целом вектор конференций “Славяне и их соседи” можно было бы определить как стремление к интегральному пониманию прошлого славянских и сопредельных с ними народов в качестве неразрывно связанной и целостной системы. Почти за двадцать пять лет своего существования они объединили большую часть ведущих славистов России, стран бывшего СССР, других стран – историков, археологов, лингвистов, этнологов, искусствоведов, литературоведов. Каждая из конференций сопровождалась изданием тезисов ее докладов, а сами доклады и материалы дискуссий послужили основой для двенадцати сборников статей под общим названием “Славяне и их соседи”, выпущенных отделом истории Средних веков.

© 2007 г. *О.А. Акимова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. Сборник тезисов. М., 1988.

К ЮБИЛЕЮ ЕВГЕНИИ ИВАНОВНЫ ДЕМИНОЙ

19 января 2007 г. – юбилейная дата в жизни Евгении Ивановны Деминой, одного из старейших сотрудников нашего Института славяноведения, известного ученого, посвятившего себя изучению славянской филологии и болгарского языка. На этом поприще она достигла больших результатов. В славянской филологии Е.И. Демина получила признание, в первую очередь, как автор блестящих работ по грамматике. В своих пионерских исследованиях так называемых пересказывательных форм болгарского глагола она доказала несостоятельность долго господствовавшего понимания этих форм как форм наклонения и строго научно обосновала наличие в болгарском языке особой, отличной от наклонения, грамматической категории, которую в последнее время она называет категорией опосредствованности отношения действия к действительности – ее и представляют пересказывательные формы.

В ряде работ Е.И. Демина занималась проблемой употребления форм прошедшего времени в болгарском языке XVII–XVIII вв., а также модальными категориями болгарского глагола, несвойственными другим славянским языкам, которые включают, кроме пересказывательных форм, формы умозаключительного наклонения и адмиратива.

Широко известны труды Е.И. Деминой в области текстологии и издания памятников славянской письменности, в особенности ее фундаментальная монография “Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII века” в трех томах, изданная Болгарской Академией наук в 1968–1985 гг. и получившая высокую оценку не только болгаристов, но и филологов широкого профиля, таких, например, как Р.И. Аванесов, С.Б. Бернштейн, Ю.С. Маслов, П. Динеков.

Многие публикации Е.И. Демина посвятила изучению сложных вопросов истории болгарского литературного языка, ее периодизации, истокам формирования новоболгарского литературного языка, характеристике его норм и их динамике. Она интересуется также и социолингвистическим аспектом этой проблематики.

Нельзя не отметить весомый вклад Е.И. Деминой в болгарскую (и шире – славянскую) диалектологию и лингвистическую географию. В молодости Е.И. Демина начинала с экспедиционной работы по составлению “Болгарского диалектного атласа”. Понимание научного значения данных лингвогеографии для истории языка нашли воплощение, например, в третьем томе ее монографии о Тихонравовском дамаскине; именно на основе материала современных диалектов ей удалось установить место возможного написания этого памятника и охарактеризовать его язык.

Е.И. Демина всю свою жизнь вела большую научно-организационную работу – она является членом диссертационного совета Института славяноведения РАН, была организатором ряда научных конференций, ответственным редактором и членом редколлегий многих научных изданий. Е.И. Демина занимала пост зам. председателя Межреспубликанской научной ассоциации болгаристов. Она является почетным членом Общества филологов-болгаристов Болгарии. За заслуги в области болгаристики Е.И. Демина награждена болгарскими орденами и медалями.

Заключительными словами к этому поздравлению Евгении Ивановны с днем рождения может быть лишь повторное выражение восхищения ее острым и глубоким умом, огромными знаниями и умением заниматься языкознанием как точной наукой – это не только знание многочисленных фактов, но и строго научное их описание и интерпретация.

К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ЛИЛИЧ

10 июля 2006 г. филологи Санкт-Петербургского университета отмечали 80-летний юбилей известного профессора-слависта Галины Алексеевны Лилич.

Педагог по рождению и призванию, Г.А. Лилич поражает коллег и многие поколения студентов своей всесторонней образованностью, любовью к науке, оптимизмом, неутомимостью и мягким юмором.

С Ленинградским (Петербургским) университетом связана вся ее жизнь. В 1943 г. Г.А. Лилич поступает на русское отделение филологического факультета, а в 1948 г., с отличием закончив отделение славянской филологии, поступает в аспирантуру. Ее учителями были проф. Б.А. Ларин и проф. Э.А. Якубинская, а во время аспирантуры за рубежом – известный представитель Пражской лингвистической школы акад. Б. Гавранек, которому посвящен ее основной труд – монография, ставший и темой докторской диссертации – “Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка (конец XVIII – начало XIX века”.

С 1952 года, когда Г.А. Лилич становится ассистентом кафедры славянской филологии, начинается ее многосторонняя педагогическая и научно-исследовательская деятельность в Ленинградском (Петербургском) университете, которая активно продолжается по сей день. Защита кандидатской диссертации в 1956 г., докторской – в 1978 г., утверждение в звании доцента (1961 г.) и профессора (1979 г.) – вот самые общие хронологические ориентиры этой деятельности.

Научные интересы Г.А. Лилич образуют несколько “концентрических кругов”, отражающих наиболее актуальные проблемы современной славистики и русистики. Ей принадлежит около 200 публикаций, получивших заслуженное признание и высокую оценку научной общественности как в нашей стране, так и за рубежом. Труды Галины Алексеевны по богемистике и взаимодействию русского и чешского литературных языков, по общему признанию специалистов, открыли новое направление в славистике, нашли продолжение в работах ее учеников и последователей. В последнее десятилетие она особо интенсивно занимается исследованием языка славянских средств массовой информации, которые дали толчок новым процессам и стали генератором динамики языковой системы.

Широко известны и труды Г.А. Лилич по теории и практике перевода, исторической и сопоставительной лексикологии, анализу лексики и фразеологии Библии.

Подключившись уже в аспирантские годы к лексикографическим проектам проф. Б.А. Ларина, Г.А. Лилич более полувека активно трудится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина, ставшим признанным лексикографическим центром мирового значения. Одной из важнейших и неотъемлемых частей научной биографии Г.А. Лилич является участие в составлении словаря автобиографической трилогии М. Горького, задуманного Б.А. Лариным.

Лексикографический опыт Г. А. Лилич получил обобщение и в серии лексикологических и лингвостилистических очерков, посвященных тщательному изучению лексической семантики отдельных слов.

Одной из доминант научного творчества Г.А. Лилич в конце 1980-х годов стало исследование славянских переводов Библии и их влияния на развитие славянских литературных языков. Ее публикации на эту тему (особенно в ракурсе сопоставления русского материала с чешским и словацким) постепенно приняли лексикографическую форму. Завершен и редактируется “Большой словарь библеизмов русского языка”, самым активным автором которого является Г.А. Лилич.

Свои научные интересы Галина Алексеевна во многом “смыкает” с учебными славистическими программами, подчиняет их интересам студенческой аудитории и требованиям времени.

Искусство “открывать людские сердца” – главное искусство Галины Алексеевны. Где она появляется, там исчезает формализм, казенщина и скука. Редкая ныне способность вкладывать душу в избранное дело и в избранных людей привлекает и будет привлекать к себе всех, кто общается с ней. Бескорыстное стремление делать дело и помогать ближнему умножают с каждым годом число тех, кто называет ее своим учителем. В плеяду ее учеников входят известные филологи – профессора А.В. Бондарко, В.Ю. Моисеенко, В.М. Мокшенок, Л.А. Пиотровская, В.И. Супрун и др.

Благодаря Галине Алексеевне уже с 1950-х годов происходит постоянное укрепление контактов между славистическими центрами нашей страны и зарубежья. Дружба с проф. А.Г. Широко-

вой, длительное время возглавлявшей кафедру славянской филологии МГУ, стимулировала постоянные творческие связи между московскими и ленинградскими (петербургскими) славистами.

Педагогическая, научная и общественная деятельность Г.А. Лилич принесла ей заслуженное признание. Список полученных ею наград весьма внушителен, отметим лишь некоторые: памятная серебряная медаль Карлова университета за заслуги в области обучения и воспитания студентов (1985), медаль “Санкт-Петербургский государственный университет” за большой вклад в подготовку научно-педагогических кадров (1996), звание “Заслуженный работник высшей школы” (1999), звание “Почетный профессор СбГУ” (2003), Благодарность Президента Российской Федерации за большой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов и плодотворную деятельность (2005) и др. Ей посвящено четыре научных сборника с обширной библиографией, изданных учениками в России и за рубежом.

Поздравляя Галину Алексеевну Лилич с 80-летием, друзья и коллеги-слависты желают ей здоровья и продолжения творческого труда на университетской ниве.

© 2007 г. *В.М. Мокиенко*

CONTENTS

ARTICLES

- Nikiforov K.V.* (Moscow). Towards 60th Anniversary of the Institute for Slavic Studies:
V.K. Volkov's Views on Perspectives of Slavic Studies 3

* * *

- Senderovich S.Ya.* (Itaka, USA). To the History of Eastern Slavic Name Vladimir 9
Dostal M.Yu. (Moscow). Slavic Studies Between Proletarian Internationalism and the Slavonic
Idea (1941–1948) 17

COMMUNICATIONS

- Usachev A.S.* (Moscow). An Episode from the History of Russian-Bulgarian Cultural Relations in
Medieval Ages 32

PUBLICATIONS

- Gorizontov L.E.* (Moscow). The Institute for Slavic Studies of the Soviet Academy of Sciences:
First Years (Based on New Sources) 36
Venediktov G.K. (Moscow). Soviet-Bulgarian Discussion on Some Questions of Contemporary
Paleo-Slavics 58

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Zhivov V.M.* М.В. Корогодина. Исповедь в России в XIV–XIX веках. Исследование и тек-
сты 95
Klepikova G.P. J. Siatkowski. Studia nad wpływami obcymi w Ogólnosłowiańskim atlase
językowym 103
Shvedova N.V. A. Halvoník. Premeny. Slovenská próza na rozhraní storočí 107

SCHOLARLY LIFE

- Tolstaya S.M.* The Nikita Tolstoy's Readings at the Institute for Slavic Studies 110
Akimova O.A. 25 Years of the Conferences "Slavs and Their Neighbors" 119

ANNIVERSARIES

- Moloshnaya T.N.* Towards the Anniversary of Eugenia Ivanovna Demina 125
Mokienko V.M. Towards the Anniversary of Galina Alekseevna Lilich 126

Сдано в набор 05.12.2006 Подписано в печать 07.02.2007 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,1 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 476 экз. Зак. 2126

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2007
ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2 ТОМ Книги и учебники

1 ТОМ ПРЕС
РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АРСМИ”